

РИНА ЧЕСТНАЯ

СПАСИ МЕНЯ ГРЕХОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

DARK ROMANTIC STORY

18+

Рина Честная

Спаси меня грехом

<https://litres.ru/74304638>

SelfPub; 2026

Аннотация

Флойд Маккастер и Френсис Гвинерра. Любимец женщин, владелец клуба мести и глубоко религиозная девушка. Между ними нет ничего общего. Они пересекаются по нелепой случайности, которая становится решающим событием жизней обоих. Сможет ли он завоевать ее доверие? Получится ли у нее посмотреть на мир другими глазами? А что, если религия Френсис не менее грешна, чем работа Флойда? Их история любви даст ответы на все вопросы.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	35
Глава 3	58
Глава 4	79
Глава 5	98
Глава 6	123
Глава 7	144
Глава 8	165
Глава 9	196
Глава 10	217
Глава 11	238
Глава 12	258
Глава 13	287
Глава 14	309
Глава 15	333
Конец ознакомительного фрагмента.	345

Рина Честная

Спаси меня грехом

Привет, дорогой читатель!

Я знаю, что те из вас, кто прочел мою книгу «Границы и Грезы», открывают данное произведение с целью увидеть схожий сюжет. Потому спешу предупредить: все мои истории не являются повторением прошлых. Я стараюсь писать совершенно разные жизни и не люблю полностью одинаковые тропы.

«Спаси меня грехом» — это книга, где герои не перекликаются с предыдущими, они уникальны, имеют свой внутренний мир, свой характер, преодолевают свои невзгоды и наслаждаются своими радостями.

Я прошу вас окунуться в судьбу Френсис и Флойда без ожиданий увидеть кого-то знакомого. Просто позвольте себе прожить это увлекательное путешествие вместе с героями.

Со всем уважением,

Рина Честная!

Глава 1

*«Если любить тебя — это грех...
Тогда спаси меня своим грехом»*

Черт подери... я никогда не видел столько слюней на себе. Они стекают по всей длине и, кажется, капают на простыни пеной. Окей. Мне просто нужно откинуть голову и не смотреть, потому что это кошмар как не возбуждает.

Утреннее солнце из незашторенного окна жарит правую половину лица. Не собирался тащить абы кого домой, но это было ближайшим местом к парку, где мы познакомились. Я просто решил, что пробежку будет эффективнее заменить упражнениями погорячее. Лучше бы все-таки бегал.

Прикусываю кончик языка, отводя затылок к стене, и кладу ладонь на кудрявые волосы, помогая чужому рту двигаться хотя бы чуточку, сука, быстрее. Девушка стонет мое имя, держа член в горле, и именно в эту секунду я жалею, что положил глаз на нее, а не на вторую даму. Уверен, рыжуля в синих леггинсах грамотнее в вопросах минета. Как я мог так ошибиться?

— Ты скоро кончишь? — обиженно говорит незнакомка, отрываясь от меня, теперь работая лишь кольцом из пальцев в ускоренном темпе, — Я трахаться хочу.

Ее никто не заставлял совершать оральные ласки. Сама предложила с ухмылкой. С хрена ли теперь недовольна? Я поджимаю губы, медленно переводя взгляд на фигуру в конце матраса, и выдавливаю язвительное:

— Продолжай устраивать на моем стояке потоп, и я не кончу никогда.

С понедельника по субботу шесть девушек получили мою разрядку на лицо. Сегодня воскресенье. Эта «леди» будет седьмой. Она могла подвести итоги недели феерично, но вот мы здесь. И все же признать важно: руками справляется достаточно сносно. По позвоночнику бежит малый жар, сердцебиение слегка учащается. Я подкатил к ней по двум причинам. Первая — неплохое лицо. Вторая — сочная фигура. Счел, что секс будет потрясным. Однако, судя по всему, она начнет пускать плевки и во время толчков. Наверное, выгоднее взять ее раком, чтобы не лицезреть зрелище.

Ебанный пиздец.

— Я думала, мужчинам нравится обилие влаги, — нудит Мари, Трейси или Джози — я, блять, не запомнил, — Ну, ты кончаешь или как?...

— Заткнись, — шиплю через зубы довольно резко, находясь на грани оргазма, — Ненавижу, когда болтают.

Низ торса ноет и скручивается, дыхание сбоит. Скромное удовольствие приливает, я раскрываю рот, готовый переступить рубеж, как вдруг любое возбуждение спадает от мужского голоса:

— Флойд, нам срочно нужно ехать! — Морис врывается в комнату, будто его задницу ошпарили, раздетая дама отпрыгивает от длины, а лучший друг замечает мою наготу и отворачивается, рыча, — Бляха муха! Запихивай хрен в штаны и погнались!

Я не закрыл дверь в квартиру?

Я не закрыл ее.

Гребаное дерьмо.

С досадой осматриваю член, который быстро потерял напряжение. Барышня тоже огорчена, что ее старания пошли насмарку. Напяливает топик в немом шоке. Мои черные трусики мокрые в области паха от харчков. Этот день определенно не способен стать еще хуже.

— Флойд, у меня беда! — настаивает парень, дергая ногой и пыхтя.

Может, если я не буду прикрываться, он свалит? Руки-ноги на месте, не рыдает, чисто бесится и паникует — значит, апокалипсиса не случилось. Его «великая проблема» подождет. Я закатываю глаза, бесцеремонно намекая:

— Ну, видишь ли, а у меня минет.

— Он у тебя каждый день! — выплевывает в гнев, — Потерпишь пару часов, не переломишься.

Ладно. Он не свалит. Мать Божья.

Я складываю губы в линию и спускаю пальцы к резинке спортивных штанов, подтягивая ее тихо-тихо, чтобы друг не узнал о своей победе. Дама гримасничает и шепчет о том, какая перед ней скотина. Не люблю оставлять женщин разочарованными. Хорошо, что она не из ночного клуба, которым владеет Морис: распустила бы от обиды слухи, что я в постеле дерьмо, и моя высокая репутация получила бы пробоину. Нет, я бы быстро наверстал славу, однако оказаться в унижительном положении — не то чтобы приятно.

— Это не вопрос терпения, — вздыхаю и тянусь к тумбочке за пачкой Charman со вкусом кофе, — Это приоритеты.

Меж сигарет вставлена зажигалка, и я достаю ее ровно в тот момент, когда девушка встает с кровати и топает к Морису, чтобы выдать претензию:

— Желаю, чтобы ты лизал кому-то двадцать минут, а секса так и не дождался! — она пихает русоволосого в грудь и вышагивает в гостиную, через несколько секунд хлопая входной дверью.

Упс.

Парень поворачивается и закипает, наблюдая, как я раскуриваю табак с глухим смехом. Знала бы эта дура, что попала прямо в яблочко... Альма, моя прекрасная подруга, Мориса с поводка не спускает. Они встречаются два года, и он за ней носится, словно оголодавшая корова за травой. Впрочем, такого отношения брюнетка и заслуживает. Мы упустим, что сперва я был противоположного мнения.

— Флойд, подними задницу, — цедит он, сжимая кулаки, пока я лениво выпускаю дымовые колечки изо рта, — Нам правда нужно ехать. Собрание через час.

Собрание?

Я изгибаю брови, смотря за тем, как парень подходит к моему шкафу и стонет от бардака. У нас одинаковая комплекция. Рост почти идентичен — Морис сто восемьдесят три, а я на шесть сантиметров выше. Он вполне себе может нацепить мою одежду, но обычно таким не занимается.

Что, нахуй, произошло? Истеричный мальчик провинился, и Альма спустила его комод с сорокового этажа небоскреба?

— Ты меня не слышишь?! — полурычит, кидая на мой голый пресс белую рубашку и черные брюки.

— Слышу, — щелкаю пальцем по фильтру сигареты, стряхивая выжженный табак в переполненную пепельницу, — Просто тренируюсь в равнодушии...

— Я не приглашу ту мулатку на следующую вечеринку, если не прекратишь быть таким упертым козлом, — холодно перебивает друг, который вот-вот перестанет быть моим другом, — Выбор за тобой.

Чего?

Я смыкаю челюсть в недоумении: ненавижу, когда мне указывают, да еще и в таком тоне, чего Морис, к слову, никогда не делал. Наверное, поэтому я и не выбиваю из него всю дурь — прощаю на первый раз. Молчаливо прослеживаю, как парень снимает свой черный лонгслив и накидывает украденную рубашку. Он застегивает пуговицы на нервяке, прежде чем пойти прочь, заправляя ткань в серые джинсы.

Сука.

Ладно.

Надеюсь, мулатка того стоит, ведь сегодня я наглядно убедился, что ожидания могут не совпадать с реальностью. У нее потрясный зад, и еще более потрясным было чувство, когда она терлась им об мой пах в прошлое воскресенье. Но девушка оказалась игривой штучкой. На ломаном языке —

хорошо кумекать умеет лишь на иностранном — проворковала, что потрахаемся, если снова сведет «судьба». Ее контакт есть только у одного конкретного засранца. Получается, выхода нет, если я так отчаянно хочу побывать в смуглой киске. Какой сюр.

Без понятия, что там за «собрание», но наряжаться не намерен — тем более, эти вещи предназначены для работы. Единственное, что выглажено в моем гардеробе. Я с трудом терплю официальный стиль и расхаживать так вне мероприятий не планирую. Но Морис уже свалил и времени на поиск джинсов нет. Поэтому, потушив бычок, уронив давно потухшие, все же соглашаюсь надеть черные брюки, которые он мне «предложил». Сверху натягиваю слегка помятое темно-бежевое поло, параллельно крича, точно зная, что эта сволота стоит на лестной клетке и все слышит:

— Я лишь напоминаю, что это ты испортил мое утро, а психуешь так, будто я твое!

Хватаю Charman, телефон и бумажник, чеканю через просторные комнаты в прихожую, цепляю с тумбы солнцезащитные очки, а следом занырываю в белые кроссовки. И, надо же, Морис правда стоит снаружи!

Уебок.

— Что, нахрен, за собрание?! — гневно выпаливаю, захлопывая дверь и вставляя ключ в замочную скважину, — Анонимные нытики? Не бойся, в твоём случае это неизлечимо.

Я складываю связку в карман брюк и жду объяснений, быстро сходя по лестнице вслед за торопливым другом. Он косится на мой аутфит и шипит под нос:

— Просил ведь надеть рубашку.

Я ему череп прострелю.

Он реально выбешивает, как и солнце, которое обдаёт нас жаром на оживленной улице. Жить в центре Нью-Хейвена — то, о чем я мечтал, будучи мальчишкой. И вот мне двадцать пять лет: имею все, что пожелаю. За исключением адекватного друга.

— Тебя туда не пустят, если нет хотя бы одного белого элемента одежды, — отчитывает, пикая ключами от своей новенькой серой Ауди, — Залезай скорее, пожалуйста.

Во-первых, на мне белая обувь. Во-вторых, куда мы, мать его, намылились? Я не знаю ни одного места, в которое бы не смог попасть. Морис сто процентов перекурил травку. Без меня. Предатель.

Я сажусь на переднее пассажирское и с тоской смотрю на свой матовый черный Мустанг, припаркованный неподалеку, в ряду таких же дорогих авто. Надо было не тащить ту девицу домой, а уехать с ней в случайный отель, куда Морис бы при любом желании не смог прискакать. На мобильном уйма пропущенных. Не зря же ставлю его на беззвучный. Неужели было непонятно, что мне не до разговоров?

— Я напортачил, — на выдохе признается он, резво отъезжая от пятиэтажного современного здания, — Я сильно

напортачил, и нет мне прощения...

— Мне уже плевать, — пассивно перебиваю, складывая щеку на костяшках, опираясь локтем о дверь, — Вези молча. И разбуди, когда купишь кофе на заправке.

Нет, мне правда неинтересно. Я только возмущен. Но забивать мозг белибердой в одиннадцать утра — ни за что. Есть мысли привлекательнее. Например, думать о том, как я все же занимаюсь сексом. Утешаться хотя бы этим.

Однако Морис игнорирует требование и панически выкладывает ту самую беду, бесконечно сверяясь со встроенным навигатором.

— Мы договорились встретиться в кафе с Альмой, позавтракать вместе...

— Сука, завтрак! — стону, морщась, — Нахер ты напомнил? Теперь я голодный...

— Иногда ты заставляешь меня думать, что болеешь аутизмом, — злобно отвечает парень, расстраиваясь тем, что я не вникаю в проблему, и это заставляет мои губы сложиться в неброскую злорадную улыбку, — Нет, Флойд, буквально. Буквально.

— Забавно, — хмыкаю, щелкая по оправе очков, чтобы скрыться от лучей, пробивающих лобовое.

Морис сжимает руль и щурится.

— Что?

— Я вообще не рассчитывал, что ты умеешь думать, — пожимаю плечом.

Он пыжится хлеще прежнего, но предпочитает не вклиниваться в это русло беседы. Заново объясняет свою катастрофу. Печально. Я сочинил несколько ответов наперед, и теперь он их не услышит.

— Мы с Альмой договорились позавтракать вместе в кафе. Я пришел раньше, как обычно, чтобы она не ждала, — он смачивает губы, и я мельком обвожу его взглядом, замечая... вину, — Зашел внутрь и увидел, как она стоит у стойки баристы. Ну, сзади ее увидел. Со спины. Обрадовался. Подошел и обнял за талию, в щеку потянулся поцеловать, и тут она как отпрыгнет! Потому что это не Альма! — доносит громче, посматривая на меня в поисках снисхождения, — Лицо чужое. Я обознался. Со спины реально было точь-в-точь. И мне так стыдно стало, кошмар как стыдно. Перед незнакомкой извинился, естественно. И Альма пишет, что опоздает. Я отменил завтрак. Не могу ей в глаза смотреть. Пока не могу.

Добить или успокоить? Добить или успокоить? Успокоить или добить?

— Так ты изменил своей девушке, — скорбно выдыхаю. Добить.

А вот не надо было меня по такой чепухе лишать минета. Сам виноват.

— Нет! — выкрикивает басом, — Ни черта! — но затем Морис медлит и добавляет шаткое, — Ты считаешь это изменой? И... Альма тоже так посчитает?

Успокоить или добить?...

— Нет, Морис, это не измена, угомонись, — произношу серьезнее, — И Альма с тобой не расстанется. Максимум — повертит носом, а-ля ты ее путаешь с кем-то. Вот и все.

В конце-то концов я не монстр. Просто мой характер не гибкий, а те, кто пытается его прогнуть, долго не живут. Есть только четыре человека, которых ни за что не трону. Двое из них — мои друзья. Хотя порой они бывают невыносимыми. И безумно сопливыми.

— Честно? — стыдливо допытывается русоволосый, — Не расстанется?

— Мгм, — изнеможенно киваю, — Так мы едем покупать ей новый бутик в качестве извинений? У тебя не хватает бабок и нужна моя карта?

Я бы тупо скинул переводом. Господи, добавьте ему мозгов...

— Мы едем очищать мой грех, в церковь, — отвечает со складкой меж густых бровей, и я аж очки приспускаю, таращась на него в ступоре, — И тебе не помешает тоже. Поэтому ты со мной.

Простите... куда мы, нахуй, едем?

Он прикольнулся?

Мое лицо тупеет на глазах, так как я не знаю, какую эмоцию использовать. Друг, словно опомнившись, добавляет кивками:

— А, да, бутик я уже оформляю. Передал помощникам.

Как вернемся, согласую.

— В какую, блять, церковь, Морис? — чеканю в тотальном шоке, — Ты что, совсем башкой тронулся?

Я не одержимый дьяволом, от святости не дергаюсь. Дело в другом. Мы закоренелые атеисты. Ночью отвисаем в клубе, покуривая травку. Трахаемся не по-божески. Стабильно четыре раза в месяц в моем «шахматном клубе» устраиваются бои на смерть, где нет победителя. Порой выпускаем обойму в черепушки разных уродов, при этом попивая виски. И сейчас он везет нас... отмаливать проступки?

Это, вероятно, шутка. Потому что он не может быть серьезным. Нет. Вы гоните?

— Вчера люди в белом всучили мне листовку у входа в супермаркет, призывали прийти к ним, — поясняет и выворачивает руль одной рукой, а второй залезает в карман, безотлагательно протягивая флаер, — Вот. Держи. Я вспомнил про них, когда осознал ошибку...

Да что он несет?

— Люди в белом? — меня давно не захлестывало столько яростного изумления, — А рептилоиды с ними тусовались? Или они по сменам?!

— Флloyd, это католики, — утверждает через зубы, — Там крест нарисован. Значит, католики. Тебе обязательно на все возмущаться?! Что, так сложно на службу сходить?!

— Какие люди в белом?!

— Мне это нужно! — перекикивает в гневе, — Так

что потрудишься выполнить работу лучшего друга: поддержать близкого человека! Я не попрусь туда в одиночку.

Я до сих пор не способен поднять челюсть с коврика авто. И мой голос не язвителен. Он искренне ошеломлен, вровень выпученным глазам.

— Блять... я не знаю... а будут люди в черном?

— Флойд!

Пока верчусь в неразберихе, машина выезжает за пределы города. Местность из равнин и низких плотных кустарников зеленого цвета. Погода Нью-Хейвена отличается устойчивой солнечностью. Снега нет, как и промозглой осени. Летом — то есть сейчас — плюс двадцать семь. В остальные сезоны плюс двадцать. Моря поблизости не находится. Раз в месяц случаются теплые дожди. И вы хотите сказать, что недалеко от мегаполиса размещено поселение «людей в белом», по типу отшельничества? В каком мы, мать его, году? Я полагал, что в две тысячи двадцать пятом.

— Когда ты уже остепенишься? — переводит тему, но это еще хуже.

— Морис, мы едем к людям в белом, — выдыхаю в недоумении, не разрешая ему соскочить с данного «нюанса», — Морис. Мы. Едем. К. Людям. В. Белом.

Я стараюсь достучаться!

— Тебе двадцать пять лет, — не поддается, размеренно толкуя свое, — Я познакомился с Альмой...

Да черт бы его побрал.

— В двадцать четыре года, долго ухаживал, добивался, ведь она на тебя даже не смотрела, и любишь ее до гроба, — раздраженно повторяю то, чему был свидетелем, — А теперь давай о насущном. Ты спятил? На них не было колпаков? Шапочек из фольги?

Парень поджимает губы и почесывает затылок, пробивая мою крепкую стену.

— Ты реально не веришь в любовь?

Я втягиваю кислород через ноздри и смыкаю челюсть, утыкаясь в листовку. Помятая бумажка без ламинирования. Текст написан... карандашом.

«Служба отпущения грехов.

Исповедь во имя чистоты и света.

Обязательно ношение хотя бы одного элемента белой одежды.

Проповедь ведет пресвитер Сралля Дик.

12 июля. 12:00»

Я близок к тому, чтобы биться головой об бардачок.

Я очень близок.

— Флойд. Что насчет любви?...

— СРАЛЛЯ ДИК! — ору я, стуча по сумасшедшему другу отрезвительным молотком, — Морис, алло нахуй, мы едем на проповедь к Сралле Дику!

Он спокойно кивает.

— К пресвитеру — человеку основного сана, который обычно и совершает таинства. Его зовут Сралля Дик, все

верно. Что тебя смущает?

Я кладу Мориса в психдиспансер. Это финал. Да простит меня Альма за то, что отныне будет видаться с любимым только в определенные часы посещения.

Что он там говорил про любовь? Нет, я не влюблюсь и под дулом пистолета, если это чувство приводит тебя к такому. Я верю в любовь хотя бы на примере нашей сладкой парочки. Но я не верю, что встречу «ту самую женщину». Во мне нет романтической натуры. Ухаживать не умею. Не способен смотреть на девушку нуждающимися глазами. И учиться не собираюсь. Только что произошла активная антиреклама отношений.

Я понимаю, Морису стыдно за «измену», вот и заглаживает «вину». Но не такими же путями!

Хорошо, Флloyd, подумай про другое, смести ракурс, не будь мудлом, поддержи друга.

— Ты вообще когда-то испытывал это? — устало бормочет, как-то безнадежно, — Трепет в сердце. Хоть к кому-то.

Я поджимаю губы и отворачиваюсь к окну. Опять же: ничего, кроме кустов. Вспоминаю бабушку. Ей бы тут понравилось. Она любит природу. Собирать грибы. Я возил ее туда, где они растут, пару лет назад. Кулаки сжал и терпел, когда на меня надели специальный костюм лесника с сеткой от moskitov. Ведра носил, наклонялся, куда пальцем укажет, чтобы срезать опята или лисички. Сейчас здоровье Элины не к черту, поэтому такие поездки исключились. И, как бы я

ни ненавидел всю эту мутотень, многое бы отдал ради того, чтобы она занялась любимым делом снова.

Бабушка тоже ждет не дожидается невесту. Как ни приеду, открыто намекает. Я не знаю, что ей отвечать. Не знаю, что отвечать Морису.

— Нам обязательно говорить о соплях? — без язвительности процеживаю, играясь с нижней губой пальцами.

— Нет, конечно, ведь ты готов общаться только о слюнях, — настала очередь Мориса дерзить, — Та девушка, шатенка, аж с подбородка вытирала. Тебе нравится такой минет?

Боже, я ведь только забыл, ну зачем.

— Мне просто нравится минет, — закатываю глаза, — Завали ебучку.

— А куни?

Морис...

— Ну, норм.

Его не устраивает отсутствие красок. А что я должен сказать? «О, да, неистово поклоняюсь промежности женщин»? Он, видимо, решил окончательно погубить меня своей ту-пизной.

— Ты делаешь?

— Пошел в задницу, — мычу и тру глаза, прежде чем снова опустить очки.

— Я не буду дружить с тобой, если ты не отдаешь дань дамам, с которыми спишь, — тыкает пальцем по рулю, как бы ставя акцент.

Меня расстраивает, когда он ведет себя так. Что значит «не буду дружить»? Вообще-то, я еду с ним в церковь. Это уже ого-го какой показатель преданности. Так что пусть будет добр и снизит уровень нахальства. Уж точно не ему характер показывать в этой машине.

— Я отдаю дань... некоторым, — жеманно отзываюсь, — Девушкам, с которыми встречаемся раз в третий. Хотя бы немного знакомым.

— Ты всего встречаешься с одной девушкой максимум три раза, Флойд, — мученически стонет он, и я вскидываю руками с возмущением.

— Ну, вот, блять, и прощаюсь ярко! Чтобы меня запомнила бесповоротно. Я люблю быть лучшим во всем, чем занимаюсь.

Почему ему так важно пристроить меня к кому-то? Я сам по себе. Мне это вполне подходит. Гораздо приятнее, чем быть одержимым кем-то. Еще не хватало, чтобы какая-то женщина вертела мной, как душе угодно. Такое унижение не практикую.

— Твоя корона царапает потолок моей тачки, — щелкает языком.

Между прочим, он и сам был вровень мне. Своенравный и свободный. Тогда жизнь была веселее: мы отвисали вдвоем, с разными девчонками, постоянно. Много пили, курили и прожигали дни, болтая о том, кому сегодня вставим и где. А потом появилась Альма, и друга переклинило. Он изме-

нился. Перестал трахать со мной почти все, что движется. Завязал с бухлом, отчего я и сам почти прекратил — не алкоголик ведь, в одиночку нет желания. Конечно, мы все еще попиваем виски и покуриваем травку, но это несопоставимо с тем, что творилось раньше.

Я был расстроен, но не мешал: потому что видел, как Морис запылялся по-иному, стал счастлив. Мне пришлось принять данный расклад. Выслушивать нытье о том, что Альма отшивает. Я же его люблю. Потому и пополнение в компании полюбил. Друг был благодарен. Ему казалось, что мое скотство не знает предела. Что не приму его девушку, с ним рассорюсь. Но, как мы видим, я торчу здесь, дабы он отмолит грехи. Знаете, а ведь мой портрет, после смерти, можно повесить в храме, как великомученика. Мир не встречал более добродетельного и жертвенного человека.

— Это плата за то, что ты лезешь не в свое дело, — проговариваю, запуская пальцы в темные волосы, — Я же не спрашиваю, лижешь ли ты Альму везде, где можно.

— Я бы не рассказал, — сжато парирует парень, словно я нарушаю границы.

Камон, чувак, я видел, как ты покусываешь соски блондинкам, вгоняя в них член на бешеной скорости. Ты был в полуметре от меня. Мы делали это вместе!

— А чего так? — колко ворчу.

И он выдает то, что я уже задолбался получать. Какая-то мантра влюбленных идиотов.

— Она моя женщина. Все, что между нами, остается только между нами...

— Ты гребаный зануда, Морис, — утомленно выдыхаю истину.

Вдалеке вырисовывается деревушка. Срань Господня, не говорите, что она реально существует и мы подъезжаем.

— Ты поймешь, когда встретишь свою единственную.

Я не вывожу. Я просто не вывожу этот цирк. Хватит надо мной издеваться.

— Даже если встречу! — рычу, взрываясь, — Я не буду крутить ей языком между ног двадцать четыре на семь, как ты. Иногда — да, без проблем, мне не противно, лизать киски нужно, это правильно, я согласен. Но на постоянной основе...

— Опять «киски», — недовольно поправляет, — Это слово ты тоже забудешь. Влюбишься и культурнее общаться начнешь.

Я бы высказал ему все то ядовитое, что плещется внутри, перекинул бы стрелки, выдвинул, что щенком ручным не обернусь, не променяю сотни женщин на какую-то «одну особенную», но машина тормозит, отвлекая мое внимание. Ничего. Вернемся к этому позже: когда все же докажу свою правоту кулаками. Может, тогда он поймет и отцепится.

Деревушка из дюжины домов. Мы съехали с трассы и оказались у деревянной церкви. Я никогда бы не подумал, что припрусь в такое место, однако деваться некуда. Надеюсь,

Морис понимает, как сильно он мне, сука, важен.

Мы выходим из дорогого авто, в своих дорогих шмотках, и все это выглядит крайне бредово. Поставьте яхту в лужу с бумажными корабликами — вот, каково положение. Я достаю сигарету, поворачиваясь к Морису, и вижу, что ему тоже некомфортно. Это... не совсем наша атмосфера. И мои губы складываются в раздраженную линию, когда я матерюсь под нос так, чтобы только он услышал:

— Я в ахуе. Ты ебанат высшего сорта.

Он смотрит на Ролексы, украшающие запястье. Я знать не желаю, опаздываем ли мы. Начнут по-новой, если другу так важно выслушать проповедь от самого начала. Сколько им нужно заплатить? Уверен, одно мое поло покроет расходы на эти постройки.

— Тут так... тихо, — сглатывает русоволосый, заряжая айкос, — Может, служба отменилась?

Я вникаю в слова и изгибаю брови, анализируя. Оглядываюсь снова. Да, дома стоят, однако нет ни души. Солнцепек печет лишь бревенчатые белые крыши. Никаких голов. Нет смеха. Скандалов. Плача детей. После Нью-Хейвена это ощущается сюрреалистично. Клянусь, до ушей доносится только шум травы. Это реально? Или я сплю? Быть может, мы с той слюнявой барышней обдолбались колесами, и сейчас видим странные видения, параллельно трахаясь?

Я трясую головой, затягиваюсь табаком и инициативно мотаю подбородком, перекидывая руку через плечо парня.

— Да, все, люди в белом свернули лавочку. Поедем обратно? Закатим вечеринку у меня загородом...

— Флойд, — негромко прерывает, таращась прямо.

Я прослеживаю его взгляд и хмурюсь от силуэта мужчины в белоснежном одеянии, что вышел из такой же белоснежной церкви и стоит на пороге в трех метрах от нас. Он смотрит молча, словно приглашая войти.

Мне одному это не нравится?

Нет, Морису тоже. Он с подозрением косится на происходящее и прикусывает внутреннюю сторону щеки. Я втягиваю дым до легких и усмехаюсь, стряхивая пепел:

— Все еще хочешь просветиться?

На мне нескрываемый абсурд. Морис покуривает стик, размышляя, прежде чем дернуть щекой и проворчать:

— Ладно, может, ты и прав, бутика бы для извинений хватило. Но мы уже приехали. Так что пошли.

Я больше не пытаюсь его отговаривать. У него терпелки не хватит. Сам возьмет под локоть и сбежит спустя пять минут. Осталось чуть-чуть. Потом я обяжу его вызвать ту мулатку сегодня же, и ночь воскресенья пройдет отлично. А еще он так и не купил мне кофе. Кретин.

Тушу сигарету об пачку и складываю окурочек туда же, шагая за Морисом, что сражается за свой энтузиазм. Сухой торф пачкает мои кроссовки пылью. Друг поправляет рубашку на подходе к загадочному мужику и заявляет:

— Здравствуйте, мистер. Мы пришли...

Но невысокий лысый черт, неожиданно нежданно, прикладывает палец к губам, как бы показывая: «Тихо». Это вызывает в Морисе недоумением: он вскидывает брови, во взгляде вспыхивает агрессия. Чтобы ему приказывал заткнуться кто-то помимо меня и Альмы? Да не в жизнь. Он боролся с проблемой ярости полтора года. Ходил к психологу. Занимался терапией. Прежде заводился по щелчку пальцев, из-за чего дрался днями напролет. Но Альме не нравится бесконтрольный характер: в том числе по этой причине она морозила его полгода. Прогресс виден на лицо. Морис глубоко выдыхает и говорит сжатым шепотом, отчего я готов засмеяться на всю округу.

— Хорошо. Можем ли мы войти?

Его укротил дебилоид в белой мантии. Почему я не записал это на видео?

Мужик-поклонитель духу леса проходится по нам морщинистыми глазами и особенно стопорится на мне. А, точно. Из белого только кроссовки. Наклоняюсь пониже, складывая руки в карманы брюк, и жалобно произношу:

— Я бедный студент, сечешь? Не могу позволить себе белые шмотки: они быстро мараются, недолговечные, — чудик складывает губы трубочкой, доверчиво обдумывая информацию, а Морис готов стукнуть меня за издевки, — Эти кроссовки были черными еще вчера. Я отбеливал их в ванной, чтобы прийти к вам. Разве непустишь?

— Флойд, — шипит друг, недвусмысленно косясь на Ауди

позади нас.

Так или иначе, факельник — а я ставлю свою почку на то, что они ходят с факелами по ночам — ведет носом и отворяет скрипучую дверь в побелке, разрешая присоединиться к проповеди. Я достопочтенно кланяюсь ему, приложив ладонь к груди, и он горделиво вздымает голову от проявленного уважения.

Долбоеб.

Морис закатывает глаза, утягивая меня через порог. А ничего, что я для него стараюсь? Мог бы поблагодарить.

Но это откладывается на второй план, ведь то, что предстоит перед нами, гораздо увлекательнее. Ряды белых скамеек, на которых вплотную сидят люди в белом, опустив головы, в звенящем беззвучии. Они спят? Надо ли похлопать в ладоши? Я бы честно разбудил, если бы не друг, который уловил суть предстоящих действий. Он пихает меня сесть, но свободные места только спереди, так что нам приходится пройти посередине и занять первый ряд. Я плюхаюсь туда, вытягивая свои длинные ноги и прислоняясь спиной к скрипучей спинке. Хочу закрыть глаза и поспать, ведь, исходя из всего увиденного, служба будет вестись максимум шепотом.

Но что-то ломается.

Я складываю щеку на плечо, вяло изучая пустую тумбу проповедника, когда вдруг замечаю хрупкий силуэт рядом с продолговатым окном. Это будто избавляет от дремы. И мое сердце странно сворачивается: не резко, просто...

странно.

Она стоит там, в свете лучей, что лежат россыпью на полу. Светлые волосы средней длины обрамляют аккуратные черты лица, которое робко опущено вниз, как, похоже, здесь заведено. Почти не дышит. Пухлые губы розового оттенка и невинные большие глаза, цвет которых не разберу. Осанка прямая. Скрепила тонкие пальцы рук перед собой и эмоциями ничего не выражает, будто ей спокойно. Но я вижу, как один из ногтей тихонько скребет ладонь.

Сколько ей лет? Как ее зовут?

— Приветствую вас, грешники! — раздается торжественный крик из-за спины, высокий и возбужденный.

Я морщусь и оборачиваюсь, взбешенный тем, что меня отвлекли. Застаю энергичную рожу, которая будто вдолбила три дорожки кокаина. Это невысокое нечто несется через всю церковь и похлопывает по тумбе, обходя ее и восклицая:

— Эгееей! Поднимитесь же, непослушники!

И все, как по команде, встают со скамей, слаженно, отдавая звучное приветствие:

— Да сохранит Вас чистота, проповедник Сралля!

Я не слышу женских нот. Говорят только мужчины. Девушки тоже встали, но так и тупятся в пол. А моя... моя на миллисекунду отворачивается в окну, будто желая отсюда смотреться.

Как ее имя?

— Ни черта, пошли отсюда, — бегло произносит Морис

и берет меня за локоть, но я, по какой-то тупой причине, выдергиваю руку.

— Нет... — отзываюсь через зубы, в замешательстве, — Эм. Я хочу послушать. Сиди.

Психи приземляются на скамейки, как только Сралля показывает руками вниз. Друг гримасничает и шипит:

— Чего? Флойд, не смешно, я понял, был неправ. Пойдем уже. Это чушь какая-то.

Но я не реагирую, прикусывая губу, скользя взглядом по конкретному человеку. Ее рост намного ниже моего. Примерно... сто шестьдесят пять сантиметров? Или сто шестьдесят семь? Макушка будет по грудь. И комплекция... можно хоть сутки на руках носить, тяжело не станет.

— Итак, грешники! — неизменно высокопарно затевает кучерявый ублюдок, — Сегодня — не просто день! Сегодня — перелом плесени в ваших душах! Сегодня — час, когда чистота снова постучится в ваши сердца! Слышите ли вы зов камня, что возник при первом муже?!

Почему она не смотрит на меня? Пусть обратит внимание... хотя нет, не нужно.

Что на мне надето? Помятое поло. Не слишком заметно в целом, однако ворот выдает. И ремня нет — без него образ неполноценный. Сука, Морису было так сложно уговорить меня надеть рубашку?! Что он за друг такой?

— Да, Сралля! Мы слышим!

Я даже в душ не сходил после пробежки и того неудачного

минета. Волосы не слишком чистые, без укладки...

Черт возьми, неужели она не могла повстречаться мне вчера, когда я был при параде?

— Веди нас, Сралля Дик!

— Покайтесь же мне! — перебивает толпу, носясь безумными выпученными глазами по залу от одного к другому, — Ну? Кто первый? Сбросьте цепи! Услышьте зов!

— Проповедник Сралля, — откликается кто-то позади, и кучерявый театрально выбрасывает ладонь вперед, показывая, что внимает, — Я согрешил вчера. Вспомнил песню, которую слушал до очищения. И эта песня не выходила из моей головы. Плесень поселилась в мыслях. Я вспомнил то, что должен был забыть!

Святоша сводит брови и смыкает челюсть, сурово вертя шеей. Я вообще не понимаю суть греха, однако не удивляюсь: уж точно не близок к их морали.

И уж точно далек от этой девушки.

Очевидно, я подойду, когда все закончится. Но как мне с ней говорить? Обычно я подкатываю не задумываясь, и дамы ведутся на совокупность фактором: ум, внешность, голос. А она поведется?

Конечно, да. Я перегрелся на солнце. Флойду Маккастеру не отказывают. Да и девушка явно устала от рамок. Предложу прокатиться с нами. Пообедать сходим. Что она любит есть?

Блять, какая разница? С чего меня волнует такой идиот-

ский вопрос?

— Искушение, — выдыхает Сралля, мыча звук озарения.

Он отходит от тумбы и вздамает нос в потолок, разводя руками. Это перекрывает вид на девушку. Я ему вот-вот горло перережу.

— Соблазны... Мы ведемся за ними, позволяя заблуждать. Потому что боль — это воля. Потому что наши страхи — следствие желания, — я перевожу взгляд на Мориса, который молчаливо корит себя за идиотство, — Где мы чисты? Кто мне ответит, а?

— В тишине! — произносит согрешивший, — А свобода — плесень. Я все знаю, проповедник! Прошу, отпустите мне грех!

Сралля, наконец, совершает шаги вдоль рядов, позволяя мне смотреть на то, что я так хочу видеть. Ее носик, ручки, изгибы, скрытые под белыми мешковатыми тканями... похожа на кошечку. Маленькую и забитую. Зачем ей находиться тут? До города рукой подать. Сбежала бы и жила яркую жизнь. Для чего тухнуть в этом отстойнике? Совсем молодая. Идеальное время для того, чтобы почувствовать вкус раскрепощения....

Это не мое дело. Плевать. Я просто недотраhal ту милочку, а потому извожусь от спермы в яйцах. Вот и все объяснение. Не знал, что разрядка способна ударять в голову и учащать пульс до тахикардии, если ее вовремя не выпустить.

— Я отпускаю тебе твой грех, — любезно соглашается

Сралля, положив ладонь на плечо несчастного, — Но не забудь пройти обряд омовения три раза.

Он возвращается и делает намеренную паузу, строя задумчивую мину, и вдруг глядит на нас. Что мы делаем в ответ? Глядим тоже, с поджатыми губами, неким вызовом, и Сралля бесстрашно вступает в войну.

— Молодые люди, — растягивает, и все присутствующие устремляют на нас взор.

Все, кроме женщин. Все, кроме одной поникшей кошечки. У меня складывается впечатление, что никто, помимо меня, ее не замечает. Она прикидывается тенью, но это полная хрень — делать так, когда ты невероятно красива и совершенна.

— Мы рады приветствовать вас. Поделитесь же целью прихода. Присоединитесь к нам. Станьте частью нас. Станьте частью тишины...

— Я хочу, чтобы проповедь вела та чудесная девушка, — спокойно отвечаю, тараня ее глазами, — Пусть слово несет женщина. Ее голос просветлит меня больше твоего.

Морис приоткрывает губы и мигом цепляется за фигуру у окна. Потом тарашится на меня. Потом на нее. Потом опять на меня. И... улыбается.

Что тут веселого?!

Он закрывает лицо ладонью, лыбится все больше и ярче, отворачиваясь на мгновение так, будто застал восьмое чудо света, и оно ослепило его.

Вот, что бывает, когда куришь траву без друзей: тебя накрывает, а второй сидит с каменной миной.

— О, юноша, ты не ведаешь, что несешь, — с некой усмешкой произносит Сралля, и пришедшие подхватывают настроение.

Все, кроме нее. И все же у меня получилось обозначить себя. Девушка сжалась в плечах и закусил губу. Она закусил губу.

Это самое привлекательное, что я видел. Интересно, какие они, когда пробуешь? Мягкие? Сладкие? А ее другие губы?...

— Женщина — сосуд. Она принимает. Она не дает, — рассказывает дебилоид, снова вставая за стойку, — Вы, в белой рубашке. Расскажите, почему пришли. Покайтесь в грехе.

Сосуд? Он ее только что банкой назвал? Его когда в последний раз мордой об бетон прикладывали?

Морис, посмеиваясь, стирая влагу в уголках глаз, произносит:

— Я коснулся... — его вновь захлестывает веселье, и он кашляет, раздражая всех, сообщая тише для меня, почти на ухо, — Флойд, я это только для тебя делаю. Из всего женского населения ты выбрал сектантку. Господи, помоги.

Что он имеет в виду? Какой выбор? Выбор кого? Я отодвигаюсь с перекошенным лицом, не догоняя, а он встряхивается и лепечет:

— Я коснулся чужой девушки. Случайно. Обнял ее. И мне стыдно перед моей девушкой. О, проповедник.... — Морис кое-как контролирует хохот, будто стал свидетелем самого уморительного исторического события, — Проповедник Сралля. Очистите мой грех!

Она все еще не поднимает свои бездонные глаза. Вроде бы зеленые... или голубые. А мои — серо-голубые. Ей нравится этот цвет? Следует спросить... что, если она любит карие?

— Почему ты решил, что прикосновение — это грех? — манерно говорит урод, и нас с Морисом мгновенно переключает.

Мы незамедлительно хмуримся. Я сажусь ровнее, а друг перестает гоготать, склонив голову. Наши мышцы каменеют. Я извиняюсь... что, блять, он сказанул?

— Она не дала согласие, — цедит Морис с подозрениями, и я вижу, как брови кошечки дернулись в каком-то секундном изумлении, — Я нарушил ее личные границы. И неправильно повел себя по отношению к моей избраннице.

Сралля морщится и стучит пяткой ладони по воздуху, как бы тараторя: «Стоп, стоп, стоп, стоп, стоп!». А затем бодро вопит:

— Уууух! Сколько же плесени в речи! Давно я такого не встречал! — мы с другом переглядываемся в напряжении, потому что подобных особей голыми руками душим, — Послушайте... а приходите через три дня на проповедь «Порядок чистой семьи». Сегодня нам не хватит времени обсудить

все эти вещи, господ. Так что... — он отвлекается на скрип половицы, который произошел по вине ноги девушки.

Я не знаю, что за хрень, но это меня... умиляет? Она переступила по полу. Хоть какой-то звук издала. Настоящая умничка. Я бы похвалил.

Но Сралля имеет другое мнение. Он дергает щекой и скупо выдавливает:

— Френсис, дорогая, давай-ка ты выйдешь.

Френсис.

Френсис.

Френсис.

Он ахуел называть ее «дорогой»?!

Я набью это мерзкое хлебало, но пока теряюсь, чувствую жар по спине, незнакомые жгуты в груди. Девушка мигом подчиняется, не стуча обувью, а тихо-тихо передвигая ей по доскам, через пару секунд скрываясь за пределами здания.

Френсис...

Я иду за тобой.

Глава 2

Морис не отстаёт, когда я встаю посреди проповеди, чекая на улицу: нежный образ, смиренно принимающий бытие, не оставил выбора. Факельники вылупляются на нас, будто происходит что-то подозрительно странное. Мне не нравится, что они ведут себя так, хотя я не творю ничего необычного.

Просто желаю поговорить с девушкой. В чем проблема?

Толкаю дверь и прикладываю грань ладони ко лбу, чтобы скрыться от палящего дневного солнца, осмотреться. Найти ее. К счастью, нахожу. Бредет по направлению к домам, уже не так быстро, будто впитывая лучи на свою кожу.

Почему она такая бледная? Хотя бы лицо должно быть загорелым в это время года.

— Так, слушай, — суетливо говорит друг, смачивая губы, — Будь мягок. Никакой настойчивости, не пытайся...

— Отдай мою рубашку, — резко отвечаю, нервно поворачиваясь к нему, периодически глядя на Френсис, надеясь, что успею подлететь, — Давай, шевелись.

Что, если эта девчонка решит скрыться в жилище? Разве ей так сложно обернуться и заметить, что я иду за ней? Нет, конечно, с ее красотой это норма — пачками получать внимание мужчин. Но я — не они. Я лучше. Вот-вот докажу. Она поймет по первому разговору. Только пусть чуток при-

тормозит!

Морис приподнимает брови и уголки рта, отводя голову в акте «да ты прикалываешься!». Но я снимаю или срываю поло, дергая за воротник, показывая, что не шучу. Гребаные очки падают на землю, заставляя материться.

Сука, какой же тупой день! Или хороший. Я не определился. Но виноват в плохом Морис.

— Снимай, тебе говорят! — злобно шепчу, кидая на него искрометный взгляд.

Он выдыхает через ноздри, перекатываясь с пятки на носок. Улыбается и все же, алиллую, тянется к пуговицам. Неторопливо расстегивает каждую. Попутно выдает наставления.

— Вежливо поздоровайся и не пытайся...

— «Не пытайся, не пытайся», — язвительно пародирую его, щелкая языком, — Морис, блять, я не пещерный человек. Спасибо, без твоих советов начал бы приветствие с «Уг-Уг. Я — сильный. Ты — иди со мной».

Я подкатываю к девушкам ежедневно. Френсис — одна из них. Что он мелит? Позову эту кошечку прокатиться, мы разок повеселимся, и хватит. Ничего неординарного.

Почему так колотится сердце?

Словно даже моя кожа гудит от странных ощущений. Он покрыта... мурашками? Я изгибаю брови, смотря на собственные руки, и... ребус разгадан. Это простуда. Где, мать Божья, меня продуло летом? Или та дура на самом деле ро-

няла сопли, а не слюни? Верно так, иначе я не объясню, с какого хрена чувствую мандраж. Волнение — совершенно нездоровое и гнетущее. Мне несвойственно ничего из подобного.

Морис, наконец, отдает вещь, забирая поло. Мы меняемся верхом: я — шустро, он — лениво, будто наслаждаясь каждой секундой по неведомой причине. Еще и бормочет белиберду:

— Неужели я был таким же?...

— Нет, ты никогда не был пиздатым, — подмечаю и люблю землей, когда незамедлительно поворачиваюсь в сторону деревни.

И снова жар. Снова озноб. Все вместе. Девушка уже дошла до домов, а потому я вдыхаю знойный кислород и беру ускоренный темп шагов. Заправляю рубашку в брюки на ходу и выискиваю слова, хотя обычно они сами возникают по щелчку. И это грустно: я не смогу коснуться ее сегодня, побыть близко, так как боюсь заразить лихорадкой. Странно, что я боюсь... какая мне вообще разница, будет ли она шмыгать носом и мучиться от температуры?

Никакой.

Абсолютно никакой. Да.

Так или иначе, когда я пристраиваюсь сбоку, сохраняю бóльшую дистанцию, чем с любой другой девушкой. Просто не хочу приезжать сюда снова и возить ей лекарства, ясно? Эти фанатики меня второй раз не увидят. Мы немного, мяг-

ко выразиться, не подходим друг другу.

Она чуть напрягается в хрупких плечах и поджимает губы, однако голову не поднимает. Это вызывает и мою заминку, потому что я рассчитывал хотя бы на какой-то беглый взгляд. На ее оценку. Она ведь даже не понимает, как выглядит что-то выше моей обуви. И я чувствую, как Морис прожигает наши спины глазами. Это тоже, блять, сбивает. Что за чертовщина?

Скажи уже хоть что-то, не иди молча, как странный чувак, который дронит сутки напролет, но говорить с женщинами боится.

— Здравствуй, — произношу лишь слегка неровно, и руки девушки складываются в более крепкий замок на животе, — Мое имя — Флойд Маккастер. Ты — Френсис...?

Это самое ужасное приветствие из когда-либо случившихся в моей жизни.

Хотя, с учетом расплывчатого состояния, могло быть и хуже, так что сильно себя не корю — да и не до того, времени мало. Кошечка не останавливается. Продолжает идти и отворачивает голову к жилым постройкам, будто общение со мной — сплошная неприязнь или грех.

Я этого не понимаю. Ей так трудно назвать свою фамилию?

Ладно, плевать. Меня и не должны беспокоить такие мелочи. Поэтому перехожу к сути:

— Хочешь проехаться с мной и моим другом? — Френ-

сис чуть ускоряет шаг, из-за чего в груди колет, — Эй, мы — хорошие парни. Я не предлагаю ничего, кроме обеда в каком-нибудь ресторане. Ты только, ну... переоденься в нормальные шмотки...

Она шевелит ногами еще быстрее.

И никакого ответа. Совершенная пустота.

Все идет совсем неправильно.

Это ощущается так, будто я ее пугаю, что полный бред! Почему она меня игнорирует? Разве не очевидно, что я адекватный? Контраст с факельниками более чем на поверхности. Или у нее обет молчания? Ну, ради меня можно его нарушить. Я того стою: наглядно бы продемонстрировал в постели, через пару встреч.

— Блять... — шиплю под нос, и кошечка аж вздрагивает, что тоже путает, — Если у тебя нет вещей, мы заедем и купим, не парься.

И мой рот раскрывается в немом шоке, когда эта женщина вдруг поворачивает к одноэтажному жилищу, касается дрожащими пальцами щеколды невысокой калитки, залетает внутрь участка, а через секунду и вовсе скрывается за дверь в побелке так, будто познакомилась с призраком.

Она реально оставила меня стоять здесь, одного?

Это такое своеобразное «да»? Скажите, что я снова увижу ее через десять минут. Она же выйдет? Я лишь обязан... помяться на месте, как приличный кавалер? Окей... так уж и быть, впервые поиграю роль пай-мальчика.

Но Френсис не выходит.

Что, нахуй, делать? Никто не заставлял меня ждать. Я складываю руки в карманы брюк и смыкаю челюсть, тараня зашторенные окна взглядом. Это уже дело принципа. Она ведь не на серьезных щах меня отшила? Как вообще меня можно отшить?!

Вокруг несменяемая тишина. Узкая дорога и два ряда белых домов, как под копирку. Это даже жутко. И Френсис действительно предпочитает пару часов здесь, чем пару часов со мной?

Да пошло оно к черту.

Я морщусь и поворачиваю обратно, матеря все на свете от того, как сердце свернулось. Разозлила конкретно. Вывела из себя. Ни за что сюда не сунусь повторно. Пусть живет в своем белом мире и тусит с поехавшими крестинами в глуши, раз моя компания так неприятна.

И все равно, до последнего, надеюсь услышать скрип калитки, пока иду. Даже оглядываюсь несколько раз. Ничего подобного. Ее правда нет. Она и не планировала принять приглашение. Это абсурд, который закипает кровью.

— Что ты ей сказал? — кривится Морис, когда я злобно прохожу мимо него, задевая плечом, на нервах поднимая очки с земли, — Она буквально перепугалась до смерти.

— Просто поприветствовал. Наверное, это слишком страшно для сектантских принцесс, — негромко выплеваю и дергаю дверь закрытой машины, — Сука, пикни клю-

чами и вызови мне ту иностранку к вечеру!

Альма не обиделась на Мориса по-настоящему — это понятно нам двоим, но не ему. Он повинулся ей, как только встретились в клубе. Теперь девушка не позволяет себя касаться, общается отстраненно, изредка отворачивается, чтобы улыбнуться. Короче говоря: воспитывает. Вот, почему я не завожу отношения. Не вынесу, если кто-то рискнет водить меня за нос.

Френсис поступила сегодня почти так. Будто я говорил с ней неподобающе, а потому заслужил проводить ночь в одиночестве — она наверняка имела такие мысли. Спешу огорчить девушку. Таша сидит сверху уже час, а сейчас расстегивает мою черную шелковую рубашку с укороченным рукавом до конца и присасывается губами к ключицам. Я держу ее за бедра, чуть сжимая, и откидываю голову к спинке коричневого дивана. Как бы позволяю продолжать, подбадриваю.

Но, на милость наглой кошечки, мне не хочется происходящего. Я не знаю, почему у меня не получается переключиться. Такого еще не случалось.

Люди на танцполе сходят с ума. Ловят бешеные биты лучшего диджея города, что крутит диски посреди огромной комнаты. Красные неоновые панели украшают стены, вдоль которых расположены места для «дорогих» гостей. Тут, сбоку, где открыт вид на весь клуб, обычно торчим мы. Попасть

сюда можно только по небольшой лестнице, у которой стоит охрана в смокингах. Мы правда позаботились о комфорте всех проходящих, начиная от среднего класса достатка. «Морфей» — место, где вам позволено забыться на ночь, погрузиться в иной мир. В нашем штате запрещена покупка и продажа марихуаны, а здесь этого дерьма навалом. Стабильно платим парочке человек у власти, чтобы они закрывали глаза.

Ну, вернее, платит Морис. Это его зона с недавнего времени, после того, как мы поделили бизнесы. Альма все-таки настояла, чтобы парень не работал в моем «людоедском логове», а потому и я вышел из прибыли с клуба «Морфей». Чтобы было честно. Но русоволосый неизменно считает владельцами нас обоих, просто я — не по документам и без вложений. На то мы и друзья, верно?

— Kom ons gaan na 'n meer afgesonderde plek? — мурлычет дама, облизывая ухо.

Она издевается?

— Я, мать твою, в душе не знаю, что ты несешь и на каком языке, — произношу впустую, ведь и меня не поймут.

Отстраненный голос басит от крепкой затяжки косяком, дым от которого летит в высокий потолок. Раньше под травкой я был беззаботен. В данный момент перед веками воссоздается хрупкая фигура, светлые локоны и розовые губы.

Френсис, умоляю, выйди вон из моего черепа. Тебя туда даже не звали.

— К переводчику не ходи, — вздыхает Альма, отпивая голубой коктейль из трубочки, — Она зовет тебя трахаться.

Я поджимаю губы, стряхивая в пепельницу выжженную марихуану, и раздражаюсь, ведь смуглая спутница снова шепчет усадительные речи, проводя ногтями по прессу, к ремню. Еще утром желал этого, а сейчас не ощущаю ни капли возбуждения. Что это за вид гриппа? У меня даже член не дергается. Лежит там, в грустном покое. Я серьезно начинаю переживать за него.

Могу ли я... удвоить и передать другому? Например, Сралле Дику... Господи, а он-то откуда в моей голове?!

Вероятно, мне не нравится, как он общался с ней. «Дорогая». Ублюдок. Я бы назвал бесценной. Нет, не потому что Френсис такая вся необычная и особенная, бе-бе-бе, ля-ля-ля, а потому что... блять, окей, она реально ни на кого не похожа, бессмысленно отрицать.

— Хочешь, поедем к ней снова? — произносит Морис, печально изучая то, как его любимая брюнетка одернула руку от попытки прикосновения.

— Нет, конечно я не хочу, — взвинчено отвечаю, хмурясь.

Огромная ложь. Хотя, с другой стороны, это правда. Мне что, нечем заняться, кроме как ходить по пятам за сектанткой? Так себе увлечение.

— К кому поедете? — удивляется Альма, поправляя бежевый топ на тонких бретельках.

Морис счастлив, что с ним все-таки общаются.

Я, в свою очередь, удручен нарастающим разочарованием Таши: она безуспешно ерзает пышными бедрами по моему паху и не ощущает твердости. Согласен, некрасиво. В каком-то плане даже невежливо.

— Флойд встретил девушку в той церкви, — я поворачиваюсь к друзьям на миг и замечаю, что Морис смотрит на Альму каким-то намекающим образом, — И это вызвало в нем... некоторые эмоции.

Альма слегка расширяет глаза и замолкает. Они впадают в игру «загадочный зрительный контакт без слов, долгий». Морис ей кивает.

Обдолбались.

Я трясую головой и решаю поставить точку на дурдоме. Способ несложный: выбить клин клином. Заменить одну девушку другой. Тем более не нужно тратить время на знакомство. Она уже сидит на мне, и все, что требуется — поцеловать и зарыть член поглубже в более безлюдном уголке. Я тянусь к стеклянному столику, окольцовывая чужую талию предплечьем, дабы дамочка не свалилась, отпиваю виски и кладу ладонь на лицо, чтобы без раздумий увлечь Ташу в поцелуй. Она тут же стонет и отвечает на радостях. И я пытаюсь отключить те назойливые воспоминания. Обвожу рот языком, действуя намеренно развязно, жадно сжимаю бедра, заставляя их скользить по моему центру увереннее, чаще...

Но это вызывает тошноту.

Словно я творю что-то мерзкое. С себя противно. Поче-

му? Почему так? Что это такое? Хватит.

Я дергаюсь и отрываюсь от возбужденной дамы, чтобы повесить нос и напряженно выдохнуть. Она путается, пока мои руки снимают ее тело с себя, почти отпихивают. Не собираюсь объяснять. Иностранка и не разберет. Зато она считает, что я вникну в обиженные крики: стоит напротив и орет, пока зарываюсь пальцами в волосы, склонившись вперед в диком негодовании к самому себе.

Ей было там плохо. Я же видел, что Френсис было некомфортно. Ее мозги тоже промыты религией? Может быть, она не говорила со мной, потому что полагает, что ей запрещено?

Как звучит ее голос? Есть ли он у нее вообще? Что, если девушка немая, а я, идиот, с дуру оскорбился? Что, если все не так элементарно, как представляется?

— Лойда! — истерит Таша, коверкая мое имя, и я поднимаю взгляд, тут же получая пощечину.

Кожу печет. Но я хочу попросить женщину отвесить вторую, дабы очнуться. Не успеваю. Она уходит, стуча низкими каблуками...

— Скажи ему, что он по уши влюбился, пусть знает, — настаивает Альма сбоку, и это окончательно выводит из себя.

— Какой, нахуй, дебил у вас там опять влюбился?! — рявкаю, поднимаясь с дивана, кидая на них разгневанный взгляд.

Они синхронно выдыхают в некоем сочувствии, ставя финальный аккорд в этом гребаном дне.

— Я поехал домой. А ты, — тыкаю в Мориса пальцем, произношу через зубы, — Не смей вновь втягивать меня в свои проебы. Весь выходной запарол!

Мне необходимо поспать и забыть об этом дерьме. Вычеркнуть одну молчаливую кошку из подсознания раз и навсегда. Поэтому я гроыхаю обувью, спускаюсь по лестнице, чтобы пройти через расступающуюся толпу и сесть в свой Мустанг, агрессивно давя по газам, вровень вырывающемуся сердцу.

Она прицепилась к моим органам, как репейник к шерсти, и выворачивает их наизнанку. Пускает то трепет, то боль. Топчет и воскрешает. Внушает тревогу, ведь я не способен перестать накручивать разнообразные опасные исходы.

Ей причиняют вред? Почему Сралля приказывал, а она слушалась? Мне следует поубивать их шизанутую деревеньку? Ну... вырезать под чистую. Френсис поблагодарит? Тогда я услышу от нее хотя бы одно долбаное слово?

Или я не тот, кто стоит ее внимания? Вдруг они там все святые, а во мне девушка видит грязь? Плесень, как у них выражаются. А если у нее уже есть мужчина, и потому она меня проигнорировала? Но это глупости: я ведь не буду ей парнем, всего лишь свожу на три-четыре встречи. На пять. На семь. На десять...

Добивают звонки отца, когда подъезжаю к дому. Скидываю их и вырубаю айфон. Что на этот раз, а? Очередные нравоучения? Попытки наладить общение? После того, как он

убил мою мать? Ему повезло до сих пор ходить целым. Когда-то настанет час расплаты. Я жду с самого детства, но не могу, пока жива бабушка. Она не перенесет потерю, а попрощаться с ней раньше отведенного срока — невыносимо. Я не могу об этом размышлять. Мне снова хочется превратиться в плаксивого мальчика, а прекратить быть мужчиной в двадцать пять лет хоть на секунду — позор.

Я кидаю ключи на тумбочку, захлопывая дверь квартиры. Снимают обувь и скидываю одежду на пол, прежде чем принять душ, прислонившись лбом к мокрой стене. Застреваю там на минут пятнадцать, а потом перемещаюсь в спальню, где ругаюсь, меняя испорченное постельное белье. Наконец плюхаюсь на матрас, вырубив свет. Малые отголоски месяца проникают в комнату через окно. Я поворачиваю голову и безлико смотрю на ночной мегаполис. Давно не было так тихо. Обычно мозг специально забит чем-то таким... шумным. С кем потрахаться завтра. Работой. Тусовками. Однако данное воскресенье отличается от всех прошлых.

Я молюсь, что это будет исключением, и завтра ситуация исправится. Очень молюсь.

Френсис не громыхает. Она обволакивает всецело, определенно, но так пронизательно, чисто... я ненавижу себя за то, что испытываю эту нелепую смесь. Где добыть чудо-таблетку? Заглотил бы пачку.

Осознавая, что сон не приходит, расстроено беру макбук с пола и подкладываю подушку под голову. Вроде как наме-

реваюсь включить фильм. Пальцы подводят. Зависают над строкой поиска Сафари и бесконтрольно стучат по клавиатуре следующее: «Сралля Дик. Религиозная община Нью-Хейвена». Его уродское имя — единственный ключ к внятному поиску.

Первая ссылка. Вторая и третья. Шестая. Никакого результата. словно то собрание мне померещилось. Секты не существует. Но ведь я не спятил. Мы там были. Я встретил ее. Почти познакомился, и все бы срослось, если бы не... какие-то таинственные обстоятельства, черт бы их побрал.

О чем она думает в это мгновение? Спит, полагаю. Правильная девочка, и все такое. Готов поспорить, что в подобных группах грехов тоже немерено. Прикидываются идеальными, а сами живут по сраному домострою...

Стойте... а может, ее там бьют? Поэтому не проронила ни звука? Боялась «провиниться»?

Я не знаю, как это работает: жилы наполняются горячим раствором, гневом. Горло сжимается, строка поиска получает новый запрос: «Домострой допускает избиение женщин?».

Ответ: «В «Домострое» действительно содержатся рекомендации, которые сегодня воспринимаются как оправдание телесных наказаний в семье, в том числе в отношении женщин. Там описывается, что муж может наказывать жену, если она ведет себя непослушно или нарушает семейный порядок».

Простите... что, блять, я прочел?

Брехню, очевидно. Была бы она жертвой, которую притащили из города и взяли в плен, — запросилась бы увезти, кинулась о помощи шептать. Так что нет. Френсис банально кайфово жить со своими неандертальцами, совершать жертвоприношения мышей и поклоняться колесу в лесу — или чем они там занимаются. Я ошибся, распознав в ней иное.

С этими мыслями закрываю ноутбук и отбрасываю его на вторую половину матраса. Вот не будь она такой застенчивой, спала бы со мной сегодня.

Но я засыпаю один.

Френсис рядом на утро. Я потихоньку вылезаю из дремы. Не разлепляю веки. Хочу насладиться моментом. Она тут. Моя рука нащупывает милое личико, и я глупо улыбаюсь, хрипло бормоча:

— Кошечка... доброе утро.

Других девушек выпроваживал поскорее, если случайный образом вырубилась вместе от переизбытка секса. С ней так не поступлю. Пусть она будет впритык почаще. Я ведь так отчаянно добивался ее расположения...

— Доброе утро, котик, — хихикает мужской голос, и я раскрываю глаза, тут же убирая ладонь и дергаясь так далеко, что падаю, блять, с кровати.

Морис и Альма заливаются смехом, лежа на моей постели. Сука!

— Вы конченные?! — выкрикиваю, тотально дезориентированный, и пытаюсь соображать, — Я опять не закрыл дверь?!

Брюнетка виляет ногами, лежа на животе. Подпирает подбородок кулаком и невинно усмехается:

— Нет, мы залезли через окно на пятый этаж, конечно... ты знаешь, это одна из способностей кошечек, — последнее слово снова взрывает их гоготом, и я буквально близок к самоубийству.

Они слышали это? Какой стыд.

На моем полулежачем теле одни лишь серые треники. Хорошо хоть оделся после душа. Быть голым перед Морисом — херня. А вот перед Альмой как-то слишком. Русоволосый бы накинулся с кулаками — уж тут ярость взяла бы верх.

Я тру лицо в шоке и ощущаю горечь: во сне все казалось таким идеальным... События проскочили галопом, и мы с Френсис все же стали ближе. Вроде бы поцеловались. Потом я прижал ее к груди, как несусветное счастье, чмокнул в затылок — кретинизм высшего ранга — и довольный уснул. Она тоже. Со мной. Это чувствовалось единственным правильным, что я делал за всю свою жизнь.

Я желаю, чтобы это стало реальным. Конечности немеют от страха. Или от предвкушения. А быть может от расстройства, что подобное неосуществимо. Я запутался.

К тому же: че они тут разлеглись?!

Я наклоняю голову и шурю, хотя имею превосходное

зрение. Это... что за дерьмо, стесняюсь спросить?!

— Вы прикалываетесь? — даже не подберу язвительную фразочку от шока, — Что на вас надето?

Они в белом одеянии. Оба.

Это розыгрыш?

Нет, погодите. Они в простынях, схожих с теми, что носят сектанты.

Я, вероятно, поехал башкой. Мне нужно к психиатру.

— Пару часов назад ездил к тому ТЦ, где получил прошлую листовку, — затевает друг и встает, скользя подолом одеяния по постели, — Знаешь, те фанатики стояли там вновь...

— Мы ездили, — поправляет Альма, неотрывно изучая меня с озорством.

Морис в платье протягивает мне руку.

Морис. В платье.

Я ударился при падении и впал в кому. Иначе как это разумно истолковать?

— Нас позвали на новое собрание, представляешь? — сердцебиение замирает, — Оказывается, они у них проводятся чуть ли не каждый день, в те же 12:00...

— Сколько времени?! — я подрываюсь, как под уколom адреналина, дыша невпопад.

Лишь бы успеть. Попытаться поговорить. Если не задалось вчера, значит, задастся сегодня. Я умею быть настойчивым.

Тыкаю по экрану. Телефон разряжен. Альяма подсказывает:

— Без пятнадцати одиннадцать, так что напяливай такой же костюм и поехали. Некультурно опаздывать на встречу с кошечками.

Я озираюсь в ступоре, когда Морис протягивает прозрачный пакет, внутри которого белая ткань.

А?...

Ни за что.

— Идите в задницу и освободите квартиру, — чеканю и спешу в ванную, к зеркалу, — Я поеду один.

Не хватало новых экспертных советов, но уже от двоих. Без них отлично справлюсь. Компания лишняя. И что они тут забыли? Из чего раздули спектакль? Не поленились смотреть к тем чудикам, заскочить в цирк за маскарадом. Объясните, пожалуйста, когда моя жизнь превратилась в это?

Проверяю волосы, как обезьяна, перебирая пряди. Не грязные. Но на шее... яркий засос. Господи, Боже, блять, мой. Я его не спрячу ничем. Слишком высоко, ворот рубашки не прикроет последствия ночи. Что Френсис подумает? Это ее оттолкнет?

Ну, или вызовет хоть какую-то эмоцию в отношении моей личности. Я буду рад чему угодно. Есть ли шанс, что она заревнует? Это будет означать, что в ней не главенствует безразличие. Может быть, усыпать синяками всю кожу? Так она обратит на меня взор?

Грипп не отпускает. Я чищу зубы с теми же мурашками и умываюсь, стучу себя по щекам, чтобы выглядеть не слишком мертвым. Возвращаюсь в спальню. Друзья до сих пор здесь. Сидят на кровати, перешептываясь. Я не отвлекаюсь от важного: открываю шкаф и пихаю вешалки. Хвала небесам, там осталась одна отглаженная рубашка. Рабочее мероприятие пройдет в пятницу, и мне обязательно нужно допереться до химчистки, чтобы вещи привели в порядок.

— Флойд, если хочешь завоевать ее расположение...

— Что, самому стать Сраллей Диком? Проповедовать? — огрызаюсь, наотрез отказываясь от платья, — Отвали, Морис, я не буду носить это дерьмо.

Где брюки?!

— Стать... кем? — Альма вкатывает губы в рот, — Сралля Дик?...

— Он у них главный судя по всему, — мирно жестикулирует друг, — Слегка... шибанутый персонаж.

Я дергаю резинку треников вниз, светя обнаженной задницей, и переставляю ногами, выбираясь из штанов. Не ношу боксеры — осознанный выбор. Зачем они? Бесплезная трата минут, когда раздеваешься для секса. Друзья привыкли — отвернулись, не сговариваясь, в ожидании, когда прикроюсь. И я запрыгиваю в найденные брюки, застегивая ширинку.

Сегодня получится. Начну говорить увереннее и конкретнее. Сделаю комплимент. Согласен посидеть и на сеновале,

если ей так влом ехать в город. Проведем свидание на ее правилах. Пиздец.

Я вновь удаляюсь в ванную, чтобы поработать над укладкой. Набираю гель на пальцы, представляя, как этими же пальцами делаю неприличные вещи с девушкой. Она откажется от такого? Не поверю. Мои руки и рот слаженнее, чем у всех тех лузеров, что были у нее прежде. Этой кошечке не жалко подарить яркое удовольствие, ничего не прося взамен. Стоит ли быть откровеннее и завлечь ее этим? Мы оба не подростки, прямота ценится.

Завершаю прическу. Со всех ракурсов смотрится достойно. Френсис всего-то нужно поднять глаза. Прекратить пляться в пол. Клянусь, что свихнусь, если она повторит свое поведение.

Альма и Морис идут за мной хвостиком к порогу. Я хватаю ложку для обуви и ступаю в ботинки, четко выговаривая:
— Вы не едете...

— В некоторых сектах женщинам не разрешено вступать в диалог с мужчинами, — Альма скрещивает руки на груди, смотрит так, будто я тупой, — Прочитала в интернете. И, если у них так, тебе понадобится посредник для беседы, — я изгибаю брови, погружаясь в анализ, — Помолчишь под боком. Мы поговорим. Не благодарите, мистер голая жопа, я всегда к вашим услугам.

Меня не устраивает. В каком это смысле Френсис отзовется на голос девушки, а мой проигнорирует? Несправедливо.

Я хочу, чтобы мы были наедине. Неужели прошу так много?

И все-таки, если Альма — единственная тропа к понимаю... лучше, чем ничего. Потому затыкаюсь и терплю их дебильный внешний вид всю дорогу до церкви. Компашка чудиков не утихает в расспросах на задних сиденьях. Допытываются и допытываются, в основном — девушка.

— Что именно ты сказал ей? Возможно, оплошность в твоём стиле подкатов.

Да конечно! Бреда мощнее не слышал. Небылицы.

— То есть они действовали на всех дам, а на Френсис отказали? — выдыхаю, закатывая глаза, — Она была не в духе, вот и все. Либо стеснительная.

Что странно... кошечка — не мой типаж. Я не выбираю зажатых. Гораздо приятнее, когда оба партнера раскованные. Но Френсис не для секса. Разве что для куни, дабы ей было замечательно. Что-то полноценное позже, если сама инициативу проявит. Мне как-то совестно быть в ней даже в мечтах. Будто не заслужил. Будто отношусь плохо, если в фантазиях кручу разврат. Это трудно описать. Я хочу Френсис в гораздо большем плане, чем низменные потребности. Просто... заботиться.

Прошли всего сутки от нашей первой встречи... Как я стал одержимым? Похоже на помешательство.

Скоро работа, где важно всем улыбаться, быть собранным и ответственным. Я не могу позволить себе роскошь в виде парения в сладких облаках, где лицо Френсис повсюду —

и вместо солнца, и вместо морд птиц, и вместо всего, что существует. Откажет сегодня — отвяжусь. Насильно выкину из воспоминаний. Меня уже мутит от неразберихи.

Вскоре торможу у церкви и обвожу постройку изнеможенным взглядом. Обещал, что не приеду, и вот я здесь. Нездоровая херня. Сплошное унижение.

— Почему так тихо? — с опаской бормочет Альма, когда выходим на улицу.

Морис обвивает ее талию и жмет к себе, потираясь носом об щеку. Я ни с кем так не делал. Когда-то мне казалось это до блевоты сопливым... Сейчас тоже так считаю. Не буду ласкаться с Френсис. Она — назойливое чудо в перьях, при виде которого дуреешь. Наверняка сектанты поставили ее там, чтобы все, кто приходил, возвращались. Каждый слетает с катушек от такой красоты. На Мориса не оказало влияния, потому что он очарован лишь одной избранницей. Логичное объяснение.

Мы все высокие, Альма — сто семьдесят восемь сантиметров, поэтому наше появление особенно привлекает внимание. Приехали пораньше, никто у входа не встречал, внутрь заходим самостоятельно. И я ищу ее глазами. Она здесь. На том же месте. Это вызывает уже знакомое бурление крови, ток по коже. Брюнетка, что стоит между Морисом и мной, осматривается в испуге от обстановки и прочищает горло, прибываясь к нам поплотнее. Ей неуютно. Боевая, но фильмов ужасов боится — а здесь все выглядит

именно в стиле «хоррор».

— Она? — аккуратно уточняет девушка, смотря за прицелом моих глаз.

Я не отвечаю. Молча сглатываю и отвожу голову, ведь Френсис снова прикована к полу. Черт возьми.

Мы шагаем вдоль рядов и располагаемся на той же передней скамье. Я сажусь поровнее и вкатываю нижнюю губу в рот, вновь волнительно вертя шеей. Она невероятна. Зачем было приезжать? Убедиться в этом сухом факте повторно? Для чего? Я занимаюсь клоунизмом, крутюсь вокруг той, кто мне не подходит. Кому не подхожу я. Совсем.

— Приветствую вас, грешники! — раздается со спины знакомый молодой и перевозбуждений тон, и я тихо стону, закрывая лицо ладонью.

Вы, вашу ж мать, серьезно?

Глава 3

Френсис

Мой возможный будущий муж берет слово просветленное. Начинает проповедовать всем, кто собрался. Громко и без колебаний. Я удостоилась чести быть в ряду избранных им, и это великая награда. Если бы была отдана папенькой другому, мало бы кто уважал. А так стану женой носителя истины Камня. Это лучшая доля, которая только может выпасть девушке в наших кругах. Я должна... радоваться.

Посмею считать иначе, покажу сомнения во взгляде, неопределенность в действиях — получу по заслугам. Поэтому я стараюсь не думать о том, что мне тошно. Напоминаю себе: есть только белое и черное. Правильные мысли и неправильные. Нельзя поддаваться теням.

Но я волнуюсь мощнее в последние недели. Остался всего месяц до проб. Сралля указал на меня пальцем, когда проходили ночные смотрины перед днем заглушения хаоса. Я стояла в кругу других молодых женщин общины. Свет от свечей рисовал узоры на стенах. Проповедник ходил между нами, осматривая лицо, зубы, кожу — проверял, кто здоровее, от кого родится крепкое потомство. И я оказалась выигрышнее. Потому он решил, что подхожу. Высокопарно сказал:

— Ты, ты, и ты. Буду вас оплодотворять. Поочередно. Кто первая объявит о младенце в утробе — завоюет честь быть

при мне, в моем доме.

Отныне Рахиль и Иффинг грызут друг другу глотки по вечерам: спорят, кто пойдет в постель первой. Каждой хочется принять Сраллю пораньше, чтобы иметь больше времени на определение беременности. А я... я совсем не хочу. Это страшно.

Давление усиливается и тем, что моя кандидатура лидирует в рейтинге проповедника. Он приказал стоять на службах в церкви поодаль от него, но рядом с ним. Тем самым обозначил, на какую женщину возлагает особые надежды. Опять же: я обязана быть благодарной. Однако моя грудь разрывается от ужаса.

Всему виной те книги, предложенные Катриной. Я убиралась в ее покоях с детства, а она благодарила литературой — давала произведения, которые взяла из города. Нам запрещено читать что-либо, не связанное с устоявшейся религией. Но она почему-то читала. И подсовывала мне. Я брала полчасика перерыва, залезала в шкаф со свечей и погружалась в различные сюжеты. Они были такими... яркими. Интересными. Совершенно иной мир, не похожий на настоящий. Там герои влюблялись всем сердцем. Жили свободно. Путешествовали и смеялись. Плакали, когда плакать желалось. Кричали. Шумели. Не ходили в церковь... Мне не стоило знакомиться с этими выдумками, потому что они не покидают голову.

Рахиль с Иффинг жили и живут свято, не грешат. Так что в них плещется счастье от предстоящего ритуала со Сраллей.

И перед сном я честно молюсь быть не испорченной, избавиться от плесени, стать такой же достойной, как они. Как ни крути не получается. Продолжаю думать о какой-то душе, о чем-то далеком и недостижимом. Это непослушание приведет к проступкам. Я наказываю саму себя мечтательным умом.

Наша вера, Тишианство, руководит всей планетой. Где-то есть великие соборы, в которых поднимается зов мудрейших голосов. Каждый человек на Земле стремится приблизиться к этому исповеданию, но вступить в него дано лишь избранным. Мне повезло, что я таковая: родилась и выросла здесь. Другие люди молят о том, чтобы их пустили хотя бы на одну проповедь, а мои визиты естественны с пеленок. И все равно: кто-то же пишет те странные книги. Откуда они взяли такие невообразимые вещи, если сами их не прожили?

Я постоянно размышляю об этом, за что стыдно.

Вечером, когда солнце не спит, вдалеке видны небоскребы, тысячи огней. Я спросила у маменьки однажды:

— Что в том городе?

И меня проучили за любопытство. Поэтому впредь я не пыталась узнать. Получать розгами по спине — справедливо, разумеется. Просто... больно. Не хочу нарываться. Гневить родителей. Нарушать законы.

Однако я не сдаюсь лелеять воздушные замыслы о том, что поеду в город на старости лет, как у нас заведено. Люди преклонного возраста отправляются к высоткам пешком.

Благодаря их труду к нам приезжают новые желающие вступить в общину. Вот только... они почти не задерживаются. В деревне главенствует коренное население. А те, посторонние... они толкуют о чем-то чуждом слишком громко, из-за чего их скоро изгоняют.

Так я узнала, что есть в мире музыка и автомобили. Вернее, я и без того это знала из книг, но всегда нужно наглядно убедиться для точности картины. Мне интересно, а возможно даже важно понять, как и кем создаются данные вещи. Если Тишианство повсеместно, если все-все стараются с ним слиться — зачем тогда производится то, что грешно? Ведь люди, которые нас посещают, пользуются машинами. Разве им неизвестно, что это порочно?

Я слышала от Сралли и священников, что это проделки людей с темной кожей. Тишианство презирует тех, у кого не светлый цвет лица. И снова: я не понимаю, почему. Мне не кажется, что кто-то хуже, а кто-то лучше, исходя из оттенка тела...

Тем не менее даже чужаки носят белый цвет. Стабильно. Без изменений. Получается, мама, папа, проповедник и старейшины не лгут — человечество всеми силами старается слиться с наши основами. Везет немногим.

Например, тот высокий мужчина. С уникальными глазами, от которых у меня побежали мурашки.

Флойд...

Флойд Маккастер...

Ему не повезет точно. Он погряз в плесени. Ругается матом... На нем мало белой одежды, выдает странности... да и вообще с чего-то обращается ко мне, что ненормально. С женщинами не говорят. От нас получают детей. Мы для уборки и готовки. Не для диалогов. Флойд меня пугает. Очень сильно. Я не знаю, почему он так себя ведет... требовал, чтобы я читала проповедь. Это сумасбродство...

Сердце чуть не вылетело из груди, когда длинные ноги преследовали меня на улице. Он звал в ресторан. Что такое «ресторан»? Я не понимаю. Почему нарек вещи неподобающими? Зачем стоял, когда зашла в дом? Я не смогла удержаться и осмотрела его из-за штор. Меня побьют, если взгляд к мужчине подниму, а он словно того и добивался. Хотя, быть может, ему и хотелось меня покалечить... кто знает.

К счастью, Сралля не задал вопросов. Стоит признать: он правда благородный человек. Замахивается редко. По делу. А для порки розгами нужно конкретно ошибиться. Бить тебя ими может только отец и муж. Я получила настолько жестокую меру всего единожды — за ту опрометчивую любознательность о городе. Это было четыре года назад, в шестнадцать лет. И, надеюсь, если проповедник все же станет моим хозяином, он не будет категоричнее папы. Месяц. Остался всего месяц.

Я ужасная, раз никак не привыкну к этому факту. Потому что... чего еще ждать? Отец начал подготавливать меня

к замужеству с восемнадцатью лет. Так и происходит: ты два года учишься, а потом вступаешь в брак. Чтобы тот, кому ты досталась, не был огорчен. Но я кое-как приспособилась делать это с родителями, не выдавая непереносимый стыд. А с новым мужчиной... меня мутит.

Я перестаю грешить своими жалобами, когда начинается проповедь. Важно очиститься. Прекратить роптать на судьбу. Сосредоточиться на тишине. Стать тишиной. Сралля затевает историю о возникновении нашей религии.

— Это было тысячи лет назад! В мире царил сплошной хаос: он возник по вине распутства смертников и не утихал. Бушевали сразу сотни торнадо, неугомонный воздух срывал дома. Тогда глава поселения, отчаянный от криков и суматохи народа, от истерик и страха, ударил по земле в бессилии...

— Ага, — утомленно перебивает Сраллю тот голос, от которого мой пульс застывает, — И торнадо такие: «Оу, извините, мы уходим, батя рассердился».

Флойд?...

Он... ох...

Моя кожа нагревается и холодеет. Холодеет и нагревается. Циркулирующий процесс. Назад-вперед.

Флойд Маккастер...

Глаза желают оглядеть парня, но все, что мне дозволено — хотя и это неправильно — медленно покоситься на его обувь. Ненароком. Сегодня надел ботинки... черные. Это плохо... но ему так идет...

Я чувствую осуждение всей общины. Они явно таращатся на Флойда, коря и виня. А мне... мне как-то необычно. Я словно готова издать странный звук изо рта. Веселый звук. Смех. Он пошутил, как в тех книгах. Это очень приободряет...

Торнадо научились разговаривать и извиняться. Как он выдумал подобное? Чудак...

— Молодой человек! — басит Сралля, — Когда проповедник слово несет, все молчат! А ну, покайтесь! Немедленно!

Я сжимаюсь от резкости тона, который не приводит ни к чему хорошему. Если Сралля кричит, наступает конец. Однако Флойд, похоже, не боится. Как он может не бояться его?...

— Может, мне еще в угол забиться и похныкать? — вздыхает парень, и мои брови секундно хмурятся.

Значит, его тоже так наказывают? Командуют стоять на горохе в углу дома?... Или это был юмор? Я запуталась...

Мне бы не хотелось, чтобы с кем-либо так поступали. Неважно, хороший человек или плохой. Никому не желаю зла. Флойду тоже, хотя, очевидно, он тут всех ненавидит. Для чего вообще приходит? Его кто-то заставляет? Или чем-то болеет? Тишианство умеет лечить что угодно с помощью энергии рук и чая из трав. На краю деревни живет знахарка Соломия. Я бы посоветовала ему обратиться к ней, если бы могла говорить. Она, конечно, своеобразная, использует

неприятные техники, но ведь итог того стоит: и простуду, и мигрень, и боли в желудке как рукой снимает.

Сралля выдыхает через ноздри и заходит за тумбу. Сдерживает гнев, снисходительно пропускает нахальство и продолжает нести истину. Говорю же: он милосерден.

— Первый муж ударил по земле кулаком от беспомощности! — произносит торжественнее, громче, — И вдруг возник под рукой дрожащей Камень! Он наделил святого Игривинна силой, и Игривинн оторвал часть хаоса...

— Почему у всех мужчин вашей секты имена такие конченые? — хрипло произносит Флойд, задумчиво, и я перестаю даже глотать, — Что, обычные Джон, Мик, Бен не ответственствуют ебанутости места?...

Секта?... что это за слово?...

— Пошли вон отсюда! — взрывается Сралля невиданной яростью, и я подпрыгиваю на месте, тут же выпучивая глаза и вешая голову еще ниже, поднимая плечи, это получилось бесконтрольно, я просто перепугалась от внезапности, но половицы скрипят, жестоко предают, отчего проповедник поворачивается, крича с вылетающей слюной уже мне, — И ты, непослушница! Убирайся! Сейчас же!

Я мигом киваю и срываюсь быстрыми шагами от окна, мимо святой тумбы, задыхаясь глухими рывками...

Однако натыкаюсь на массивное тело носом уже через секунду.

На его тело.

Это будто переворачивает мое сердце и заставляет пульс биться в темпе истеричной бабочки. Я растеряно моргаю и наскоро прикрываю рот, дабы не пискнуть от переизбытка эмоций, а затем коченею по вине прикосновений. Руки Флойда дотрагиваются плеч безмерно нежно и бережно. Кожа под одеждой слезает пластами от необъяснимых ощущений. В нос ударяет запах кофе и дерзкой древесины. Это незнакомо, и все же, по неведомой причине, воспринимается чем-то теплым и безопасным. Я никогда не испытывала подобного...

— Не говори с ней таким образом, — цедит парень низменным тоном, аккуратно направляя меня за свою спину, из-за чего почти теряю сознание, — Я контролирую себя, но это разовая акция.

Он... что творит?...

Я слышу шепот общины. Их косые взгляды полны претензий. Нижняя губа заранее трясется от вероятных исходов. Вот только сбоку... кто-то сбоку тянется к моему предплечью. В утешительной форме. Это рука девушки. Изящные пальцы с парой колец... у нас не разрешены украшения... Тем не менее белое платье исправляет положение. Она тоже тишианка, как и мужской силуэт по другую сторону. Они рядом, словно... защита. Опора. Это сбивает с толку.

— Я буду общаться со своей невестой так, как сочту нужным, — фактически выплевывает Сралля, и Флойд, кажется, замирает на долю секунды, — Покиньте церковь. Здесь вам

больше не рады.

Он кошмарно зол. И все равно... ко мне не обращается. Неужели угроза Флойда подействовала?...

Нет.

Что же они сделают вечером? Сколько ударов отведут? Как это вынести? Еще и без криков, иначе новое наказание назначат... Разумнее сразу повеситься, чем проходить пытки.

Почему я не ухожу? Зачем затаилась за ним? Мне же велели убираться прочь... За непослушание поплачусь не меньше. Глупая.

— Нехорошо, когда «невеста» выглядит заложницей, — неизменно холодно продолжает парень, хотя в его душе будто что-то опрокинулось, — И я буду приходить сюда столько, сколько пожелаю. Посмеешь препятствовать — привяжу тебя к этой ебаной тумбе и нахуй сожгу все ваше долбанутое поселение, — он совершает шаг вперед под всеобщие вздохи и наклоняет голову к Сралле более сурово, — Уяснил?

Сожжет?...

Он мужчина, ему лучше знать, как поступить... но я не хочу, чтобы мой дом горел... там мама и папа. Мне нужно спасти их уже сейчас?

Я его боюсь. Маты режут уши... у нас запрещены такие слова...

В помещении повисает гнетущее молчание. Оно разбавляется стуком в висках: меня конкретно трясет. Зато те, кто окружают, совершенно непоколебимы. Их не побьют за сей

инцидент? Или они легко воспринимают удары? Я начинаю конкретно беспокоиться и за то, какую меру наказания определяют им. Можно ли... забрать это себе? Все ведь из-за меня. Спровоцировала конфликт. Если бы не подпрыгнула, ничего бы не произошло. Нарвалась и дорвалась. Других подставила. Сколько же во мне плесени, раз так грешу?

— Уяснил, — внезапно отвечает Сралля натянутым голосом, давясь буквами, — Теперь выйдите. Вы мешаете вести службу.

Полагаю, глаза Флойда были достаточно красноречивыми. Он дал понять, что не шутит...

От этого лишь страшнее.

Его парфюм успокаивает. Все его действия приводят в дрожь. Противоречия. И, к сожалению, одеколон не перекрывает мандраж от поступков.

Я закусываю губу и вздрагиваю, так как ладонь девушки с трепетом легла на мою спину. Незнакомка ведет нас на улицу без спешки. Они втроем вообще не торопятся: покидают церковь с таким хладнокровием, будто ее построили, являясь хозяевами святилища. Я стараюсь держаться подальше от Флойда, не имея ни малейшего представления о том, чего ожидать. Если опять заболтает про какой-то «ресторан», сойду с ума окончательно. Сплошная неразбериха.

Солнце согревает заледеневшую от стресса кожу. Собираюсь уйти в сторону домов, однако чудачки тормозят у стен здания и изучают меня, как диковинный объект. Я... долж-

на ли я остаться? Или они наоборот хотят, чтобы исчезла? Что мне делать?... Почему никто не отдает команду? Я бы послушала мужчину и женщину, имен которых не знаю. Наставления Флойда внимать не имею права: он не Тишианец, платье не носит.

— Меня зовут Альма, — девушка первая прерывает короткую заминку, любезно и без давления, что нелогично.

Мне можно поднимать к ней голову: более того, нужно. Она старше, хоть и на чуть-чуть — предполагаю. Потому скромно веду глаза к лицу и встречаюсь с беспредельно очаровательными чертами. Карий пигмент. Тонкие брови. Идеально прямые темные волосы. Добрейшая улыбка. Приветливая... у нас жители хмурые. Радоваться не положено...

— Господи, какая же ты милая и красивая, — любовно бормочет она, приливая ко мне растерянность, — Френсис, да?

Язык еле работает от прошлого потрясения, а тут новое... и все-таки отвечать необходимо. Я мельком дергаю подбородком, пребывая в замешательстве, и шепчу:

— Да...

Флойд тяжело сглотнул.

Его рассердил мой голос?... Простите... Мне жаль.

— Отлично, — посмеивается Альма, словно поставила цель расслабить, — Это — мой парень Морис, — она кивает в сторону мужчины, но я не свожу с нее взгляд, чтобы не нагрешить пуще прежнего, — А это... — смотрит на того, кто

неустанно обводит меня глазами с каким-то волнением, — Флойд. С ним ты знакома, ага?

Я молчу, чтобы не гневить главного защитника. Заламываю пальцы, сложенные на животе, и попросту молюсь не ошибиться сегодня снова. Девушка складывает губы в слегка нервную линию. Явно проводит мозговой штурм поиска тем беседы, но Флойд опережает ее увесистым тоном:

— Тебя обижают? Часто кричат? Причиняют... вред? — о последнем ему будто сложно даже думать, не то что произносить.

Я пропихиваю слюну в горле и отступаю вбок на микрошаг, сжимаюсь сильнее. Почему он не принимает, что нам не суждено общаться? Для чего пытается вновь и вновь? Меня напрягает его напористость... он похож на Сраллю в эти моменты: тот тоже порой требует четких пояснений.

— Тебе нельзя говорить с мужчинами? — тут же уточняет Альма с прежней мягкостью.

Разве ей неясно? Она же тишианка... моя голова кипит от бардака. До появления Флойда все было четче. Он нарушает правило за правилом, как и его друзья. Это сродни тому, что ты определенно знаешь о плоскости Земного шара, а тебя убеждают в его округлости.

Я киваю в знак согласия и замечаю, как Флойд запрокидывает затылок. Его кулаки белеют. Опять разозлила?... Простите...

— Поняла, — размеренно проговаривает брюнетка, — Но

ты бы хотела с ним пообщаться? Как считаешь?

...

Она — первый человек, спросивший про истинные желания. Хотела бы я? Откуда мне знать... я мнусь, стесняюсь, сомневаюсь и наконец решаюсь через заикание, стеснительно:

— А что... что ему от меня нужно?

На уме однотипные варианты: приборка, приготовление еды, стирка, огород. Может, у него не растет зеленый лук... или картофель. Он уловил, что я способна помочь?

— Ничего такого, — мирно отзывается девушка, пожимая плечами, — Проводить время совместно, — она замечает, как я поежилась, и сочувственно продолжает, — Флойд тебя пугает?

— Очень, — без промедлений бормочу.

И парень закипает: то ли возмущением, то ли искренним изумлением. Словно это последнее, чего он ожидал по отношению к себе.

— Что? Чем? — суетливо вылетает из него, тотально ошарашено, — Кошечка, я же не со злом к тебе...

Кошечка?...

Он доказывает и порывается приблизиться, но Морис упирается ладонью в его грудь и подсказывает с недовольством:

— Угомонись, не дави.

Флойд не подчиняется. Игнорирует, допытывается.

— Френсис, я не хотел тебя пугать, — фразы выходят практически через зубы, как если бы он проживал насто-

ящую несправедливость, — И не хочу. Что конкретно тебя... напрягает? — я отворачиваю голову от натиска, отчего Флойд пораженно чеканит, — Черт, Альма, спроси ты! Блядский глухой телефон! Я ненавижу эту игру...

Нас услышат. Он чрезмерно громок. Импульсивен. Меня ночью пороть станут. Я точно расплачусь, если сейчас не уйду: важно успокоиться, смириться, уделить минуты этому, а не постороннему прессингу. Потому прерывисто выдыхаю и нервно шепчу:

— Извините, Альма, пожалуйста, простите. Мне нужно идти.

Девушка молниеносно приобнимает меня сзади и увиливает скорым ходом от парней, пока Флойд, тем временем, снова старается нагнать, и у него бы получилось, если бы не грубый толчок Мориса.

Он ненормальный...

Органы бурлят. Кровь — кипятик. Скоро Сралля придет. Донесет родителям об инциденте. Они примут надлежащие меры. Я не должна была подпрыгивать, не должна была, не должна.

— Он действительно не обидит, — виновато обещает Альма, ее поглаживания придают равновесие, меня никто не гладил так, — Тебе кажется дикостью его поведение... но суть в том, что наши устои жизни различны, понимаешь? То, что адекватно для него, неадекватно для тебя. И все же согласна: Флойд поступает некорректно. Нетерпеливо.

Она не настаивает, а обсуждает. Со мной размышляют вслух?... На равных?...

Слишком много нового за два дня.

Я не умею переваривать со скоростью света. Да и к чему оно? Мне суждено провести жизнь со строгим проповедником. Горько было бы узнать, что у других дела обстоят с точностью наоборот.

Я кусаю губу, с грустью передвигая обувь по иссохшей почве. Бледная. Потрескавшаяся. Бежевая. Сралля как-то предложил покрасить ее в белый, но потом передумал.

— Тебе достанется за ситуацию в церкви? — проницательно шепчет.

Признаться или солгать? Я переживаю, что откровенность приведет к сожжению домов.

— Нет. Тут не бьют. Только ругают иногда.

Не уверена, поверила ли Альма. Так или иначе, она кивает со слабой улыбкой на подходе к жилищу.

— Хорошо. Я приеду завтра, ага? Пообщаемся пару минут после службы.

Нет. Меня не будет там. Бросят в сарае по прошествию всего ритуала. Неделю без еды и людей, в абсолютном одиночестве. Осознать свои грехи. Покаяться. Приблизится к тишине. Стать единой с вечным безмолвием. Как объяснить, что навещать не стоит, не рассказывая причину? Я теряюсь... однако девушка неожиданно обнимает меня и бесшумно произносит:

— До встречи, моя хорошая. Береги себя, прошу.

И она отстраняется, удаляясь к парням той же тропой. Хорошая... беречь себя... ее слова согреют меня в момент наказания. Я благодарна.

Стерев пыль, приготовив обед и ужин, помыв полы, я нескончаемо трясусь перед неизбежным. Однако Сралля, почему-то, не появляется. Вечереет. Отец гневается на то, что овощное рагу вышло безвкусным. Тяжесть в горле предвещает слезы: я оттягиваю их до ухода в спальню. Безмерно волновалась, а потому не справилась с женскими обязанностями, за что стыдно до тошноты. Мама тоже корит шепотом, поодаль от папеньки. Конечно, признаю вину. Параллельно ненавижу себя за то, что разочаровала сегодня всех.

Прикрываю дверь и сажусь за стол, что стоит вплотную к постели — комната узкая. Пару минут гляжу на бумагу, которую сама сделала из шелухи кукурузы. Я хочу выразить Альме «спасибо» через действие. И Флойду с Морисом... Им тоже. Невежливо обделять. Они примут подарок в виде оригами? Умею складывать птицу и бабочку... это будет слишком глупо? Засмеют... вдруг только в моем мире такое — нормально? Я не знаю...

Тихонько прикладываю два пальца к подбородку и без звуков жую нижнюю губу. Прикрываю веки. Колеблюсь. Главное, чтобы это не принесло печаль — возможно, их общество не терпит крылья. Но у бабочек и птиц они есть. Пра-

вильнее ли смастерить всем одинаковые? Или разные? Что им понравится больше? Надеюсь, я не оттолкну никого данным жестом...

Шатко проглатываю ком в горле и приступаю к занятию, пытаюсь не шуршать бумагой. Меняю на сто раз, будучи недовольной результатом. Некрасиво выходит. Они заслуживают хорошей работы. Поэтому пробую и пробую, долго, и... улыбаюсь итогу. Скромно, естественно. Теперь гадаю, нарисовать ли глаза птицам? Не испорчу? Наверное, не стоит...

Стук разрушает иллюзию спокойствия.

Я не дергаюсь. Просто откладываю оригами и опускаю голову, чувствуя, как намокают глаза. Вытираю влагу рукавом белой ночнушки и терзаю зубами внутреннюю сторону щеки до шишек. Недолго потерпеть, пару часов помучиться, и пройдет, они перестанут.

«Кошечка».

«Моя хорошая».

«Береги себя».

Сердце трепещет и трескается. Я ведь зря листы складывала. Завтра приедут, а меня не будет. И ездить перестанут, сочтут, что игнорирую, общаться не хочу. А я хочу... Там, в душе, глубоко. Просто не умею.

Топот отца. Сраллю пускают в дом. Переговариваются сдержанно: исключительно в церкви позволено быть громкими. В иных местах мужчины держат тон средним по шуму. Женщины везде обязаны не быть помехой. До меня до-

носится, что проповедник передает случившееся в деталях. Требуется уединения... и через полминуты моя дверь отворяется, яростный оттенок хрипа пробивает тело дрожью.

— Френсис, встань, — приказывает отец, и я слушаюсь без пререканий.

Мама пренебрежительно мотает головой, смотря с унынием. Ей мерзок мой проступок. Всем мерзок. Кроме Флойда, Альмы и Мориса...

Сралля медленно кивает с поджатыми губами, и родители мигом выходят из спальни, закрывая дверь. Я тут одна с ним. Никакой Флойд не явится. Так наивно было за ним прятаться... позор.

Сралля подходит намеренно неторопливо, растягивая страх. Оказывается впритык: так, чтобы мой лоб упирался в его грудь. Словно желая донести, что быть в таком же положении с Флойдом — величайшая оплошность. Свет луны освещает правые половины наших тел. Узлы тревоги душат: особенно, когда я внимаю командный шепот.

— На колени.

«Не говори с ней таким образом».

Флойд угрожал за подобное. Разве бы он не наказывал меня? Тогда как бы поступил, если бы я провинилась?

Неважно. Хватит.

Выпускаю кислород с плаксивой дрожью и опускаюсь, часто моргая стеклянными глазами, полными ужаса. Складываю онемевшие ладони на коленях. Теперь прислоняюсь

лбом к коленям проповедника. Он кладет руку на мои волосы, чуть придавливая, чтобы поклонилась ниже, и я жмурюсь, никак не споря. Умолять ли о пощаде? Не надо. Могут проучить и за это: болтаю лишнее.

— Как думаешь, Френсис, — приторно произносит, — Сколько ударов ты должна принять?

Я сейчас зареву. Слабая. Жалкая. Противно. Какое число назвать? Что не разозлит его до предела?

— Я... я не знаю, — хлипко шепчу, — Десять?...

— Ах, как ты добра к себе, — с издевкой высмеивает он, — Не меньше двадцати, дорогая. Не меньше.

Сейчас реву точно. Слезы катятся, хотя мы еще не приступили к процессу. И я стискиваю челюсть, беспомощно кивая.

«Кошечка».

«Моя хорошая».

«Береги себя».

— Однако тебе повезло, — внезапно бормочет, отчего глаза расширяются, — Скоро зачатие. Я хочу детей из этого чрева, — он отрывает ступню от пола и надавливает носком на живот, прежде чем поставить ногу обратно, — А это значит, что тебе нельзя испытывать сильный стресс, дабы немогущий женский организм не дал сбой, не подвел. Поэтому... даю отсрочку. Получишь свое на следующий день, как родишь. Целых десять месяцев, Френсис... Благодарна ли ты?

— Я благодарна, — тихо отзываюсь напропалую, — Спа-

сибо Вам. Вы щедры. Спасибо...

Его пальцы спускаются к моему подбородку без предупреждения и больно сжимают, поднимая лицо вверх. Я перестаю дышать, встречаясь с суровым взглядом, нездорово темным. Он скрипит зубами и отсекает:

— Будешь общаться с ним — получишь тридцать, и в тот же час. Это ясно?

Я не общаюсь... я же серьезно молчу... в чем моя вина?

— Ясно, — скомкано соглашаюсь за неимением вариантов, — Простите.

Этого хватает для милости. Он смягчается в мимике и поглаживает мои губы большим пальцем, испуская длительный выдох. Наконец отходит. Отстраняется. Жизнь приливает к закоченевшему от испуга телу. Я полагаю, что моральная пытка завершилась... но Сралля обращает взор на стол. На оригами.

Его брови сводятся, когда он тянется к бумаге и изучает ее с нечитаемыми эмоциями. А потом... рвет. На мелкие-мелкие кусочки, которые очень быстро летят в меня, он швыряет их в лицо .

Птички... я не подарю их...

— Этого тоже быть не должно, — приказывает жестоко и с психом вышагивает из комнаты.

Альма... Флойд... Морис...

Извините, пожалуйста. Я пыталась.

Глава 4

Флойд

Альма спросила, когда мы садились в Мустанг:

— Нужно ли читать нотации или сам сделал выводы?

Я тихо ответил:

— Не нужно.

Потому что лекции правда излишни. Мне стали ясны очевидные цепочки. Я шумлю — Френсис пугается. Я настойчив — Френсис теряется. Я появляюсь на горизонте — Френсис дрожит.

Приплыли, блять.

И еще у нее есть... жених. Но это, в целом, не проблема. Церемония не состоится. Просто, понимаете ли... как свадьба сыграется, если у муженька пробита бошка? Такая нелепая смерть, абсолютно случайная: шел в церковь, споткнулся и ударился об камень. Какой-то грешник, тем временем, проходил мимо. При нем был пистолет, и он опустошил обойму прямо в череп проповедника. Потом сжег тело, оставив лишь расколотые от пуль кости. Вот незадача...

Меня напрягает то, как они могут поступить с девушкой. Альма попыталась развеять тревогу: мол, не бьют их там, только ругают. Однако скоро подруга призналась, что ей слабо в это верится. Я не верю тоже.

Все изложенное приводит к чувству бессилия, а подобное

мне испытывать чуждо. Обычно я контролирую реальность. В моих руках находится положение дел. Но не здесь. Не с ней. И это раздражает.

Потому что Френсис откажется даже стоять со мной рядом, если предложу увезти ее оттуда раз и навсегда. Перепугается до побеления и точно вытащить себя не позволит. А выкрасть девушку насильно — не совсем приятный план. Мне-то без разницы, вопрос пустяковый. Но для кошечки такой трюк послужит новой травмой. Я... я почему-то не хочу, чтобы ей было плохо. С первого взгляда не хочу. Бредятина.

Ощущение, словно прошло несколько месяцев, хотя мы знакомы меньше двух дней. Поэтому я решаю выдохнуть и обсудить с самим собой, что буду делать дальше. Угломониться, принять состоявшиеся факты, найти варианты и без суматохи придерживаться сочиненного плана. Звучит неплохо. Возможно, это мой урок, как из мужчины вырасти в мужчину. Вроде бы одно и то же, и все-таки различия есть. Нынешний Флойд не подходит Френсис. Ей нужен кто-то спокойнее, мудрее, чутче, внимательнее... я таким стану. Мне хочется быть достойным... не пойму, почему.

Но гораздо больше хочется, блять, вернуться, разьебать Сралле рожу, приколотить каждого мужлана ублюдка к стене, распять по всем канонам, выпотрошить их собственноручно, как свиней, отрезать хуи, запихать яйца в глотку, отпиздить ногами и под конец сжечь их общину, обеспечив ко-

шечке безопасность.

Старался выражаться мягко. Учусь быть милее. Для Френсис.

Я высадил друзей у небоксреба, где находится их дом, и поехал к себе. Взял кофе по пути. Пока пил, размышлял. Она не знает, что такое рестораны. Вообще ни черта не знает, кроме деревни и молитв булыжнику. Что это за жизнь? Как так можно существовать? Кто они, чтобы запрещать ей дышать свободно? Конченные мрази. У них ничего не удастся. Переверну ту судьбу, на которую они обрекли девушку — потому что, ну, мне плевать на те правила, я религию эту в рот еб...

Спокойнее.

Постепенно, шаг за шагом, встреча за встречей, я покажу Френсис, что ей нужно выбираться из тихого ада. Без давления объясню, в руках каких извергов она находится. И через месяц перевезу кошечку в город. Поселю в своей квартире. Позже куплю отдельный дом. Мы станем... друзьями. Длительных отношений я не желаю. Нет. Точно нет.

Конечно, мне хочется ее целовать. Обнимать тоже... когда уткнулась в грудь, аж сердце затрещало — таким чертовски правильным звуком, будто всю жизнь ходил неполноценным, а от контакта с ней стал чем-то бóльшим. Но я осознаю: не имею права повстречаться недельку и разойтись. Она не привыкла к подобному. Очень жаль. Если бы наши губы хоть раз соприкоснулись, моя одержимость бы спала, интерес исчез.

Френсис бесспорно притягивает и очаровывает. Тем не менее она не уникальная. Девушка и девушка. Знобит меня от гриппа, мы уже выяснили.

Так что я встряхиваюсь и ухожу в рабочие моменты до наступления ночи. Отвожу вещи в химчистку. Обзваниваю элитных гостей, с поддельным смехом болтая о вычурных темах. Меня устраивает выбранный род деятельности, но натягивать шаблонную улыбку обходительного красавчика — не лучшая часть процесса. Гораздо сильнее нравится видеть облегчение на лицах плательщиков. Они выдыхают полной грудью, когда их родители-уроды перестают существовать. И я тоже мечтаю однажды почувствовать вкус возмездия. Справедливость. Пожалуй, есть только один человек, убить которого не терпится отчаяннее, чем Сраллю Дика.

Мой отец.

Это стремление сидит внутри намного дольше, нежели жалкие пара дней — хотя, соглашусь, проповедник знатно потрудился и пробудил свирепого зверя, которого обычно держу на цепи. Вот, в чем его главная ошибка: он считает, будто я блефую, не позволю ярости выйти на волю, проще говоря — понтуюсь перед Френсис. Но мое терпение — поистине капризная штука. Лопается быстро и разносит в щепки всех, кто его испытывал. Я даже не вмешиваюсь — оно отлично справляется само.

Как же будет прекрасно душить его голыми руками и наблюдать нелепые дергания в тупорылом лице.

Господи, я бы даже заплатил, если бы это имело цену. Но Сралля Дик у нас дешевка — за ним не нужно охотиться, выслеживать, подгадывать момент для расправы. Все элементарно: приехал в глухомань, поймал за шкурку и твори что пожелаешь. Как скучно.

Я протираю глаза и заставляю себя концентрироваться на экране ноутбука. Диван нередко служит кроватью — он огромный и мягкий. Сюда поместится человек двенадцать, уже проверял. Когда, эм... экспериментировал в личной жизни. Было увлекательно. Разве что после процесса пришлось выкинуть мебель и купить заново такую же — нет, диван не сломался от активных действий, но стал слишком грязным. И я побрезговал валяться на нем снова даже после химчистки.

Кстати о сексе... два дня прошло без женщин. Мой член конкретно так давит в штанах — замечаю, когда отрываю макбук от низа пресса. Я прикусываю губу, смотря на него с неким раскаянием. Ему тяжело, а владелец проблему не решает. Торчит тут, клавиатурой стучит, хотя мог бы стучать внутри сладкой брюнетки...

Мои брови изгибаются, так как длина неожиданно сбавляет напряжение. Совсем чуть-чуть. Но она, блять, сбавляет!

Я сжимаю челюсть и дергаюсь от злости, потому что эта хрень происходит второй раз. Первый — ночью, в клубе. Красавица сидела на коленях. Чего не хватало? Мне двадцать пять лет. Неужели он уже прекращает работу?

Нет, ты обязан был прослужить как минимум до семидесяти. Давай, вставай, подъем.

Жмурюсь и представляю случайную голую киску. Пусто. Тогда фантазирую о двух. Тоже не помогает. Три киски, четыре, пять, шесть... член падает окончательно.

Сука, он ахуел?!

Подобное дерьмо происходит со всеми? С Морисом тоже? Они с Альмой не трахаются? Не поверю. Или поэтому он воспекает баллады о куни? Прибор отсох, остался один язык? Я не перенесу такую потерю.

Это надо... лечить. Не мастурбировал с четырнадцати лет. Смысла нет, если легко найти партнершу. Но звонить кому-то сейчас, зазывая приехать... вдруг мой привередливый аппарат откажет опять? Полный позор. Поэтому запрокидываю затылок и опускаю веки, прежде чем запустить руку под резинку домашних брюк. Тело откликается на касание. Я проглатываю ком усталости в горле и неторопливо обхватываю себя ладонью, когда вдруг перед глазами мелькает... Френсис.

Боже мой.

Ее красивые губы. Тихий голосок, дрожащее «да». Она могла бы говорить то же самое подо мной. Прямо подо мной...

Длина набирает твердость, как по команде, и изо рта вырывается скомканный полустон, отчего тут же распахиваю ресницы и одергиваю себя. Глубинный осадок стыда вынуж-

дает вскочить на ноги. Я озираюсь в переполохе и шурую на кухню, чтобы налить виски, пока член продолжает гудеть от остаточных картинок.

Что за херня?!

Френсис, я не буду дрочить на тебя, нет, прекрати, ты спятила?!

Это некрасиво. Мне некомфортно. Мы знакомы чуть-чуть, так невежливо... когда меня стали волновать манеры?!

Она в страдании. Зашуганная. А я себя удовлетворял, пусть и секунду. Кошмар. К тому же, кошечка не давала согласие... а на такое надо давать согласие?

Вашу ж мать, как сложно!

И, получается... эрекция возникает исключительно на нее? На других дам — нет?

Пожалуйста, спасите. Это страшно.

Я пойду к врачу завтра. Они должны вытащить вирус поскорее, иначе отброшу концы. Пропью курс лекарств, а потом соберу невиданную оргию и трахаться не прекращу сутки. Барышни города, приезжайте ко мне. Единственное требование — не будьте похожими на Френсис, дабы я точно понял, что исцелился. Никаких светловолосых и красивоголосых — отныне таков мой типаж.

Я совершаю несколько глотков обжигающего напитка и бреду обратно к дивану, чтобы вернуться к рутине. Попутно умоляю кошечку о милости, недовольно бурча под нос:

— Хотя бы сейчас не маячь перед глазами. Дай завершить

дела. Нам с тобой деньги зарабатываю между прочим. На будущую совместную жизнь. Будь добра, не мешай.

И Френсис, к счастью, слушается. У меня получается уйти в темные письма на даркнете целиком.

«Заявка на оказание услуг возмездия».

Имя заявителя: Мэри Катонски.

Сторонний номер телефон для связи: +1765990320.

Объект возмездия:

* Имя: Джозеф Катонски.

* Родственная связь: Родитель.

* Возраст: 51 год.

Причина обращения:

Систематическое психологическое и физическое насилие, моральное разрушение, причиненный ущерб здоровью и жизни. Подвергалась издевательствам с рождения. Регулярные побои. Прикрепляю доказательство в виде фото. Готова предоставить доказательства в виде рассмотренного заявления в полиции, когда мне было пятнадцать лет, но лично в руки.

Желаемый результат:

* Совершение расправы над объектом возмездия.

* Максимальная мера длительного наказания, пытки, любые виды унижения.

Дополнительные сведения:

* Место проживания объекта: улица Мэгл Стрит, дом 127.

* Вес объекта: около 80 килограмм.

* Состояние здоровья объекта: цирроз печени на ранней стадии.

* Внешность объекта: прикрепляю фото.

Я подтверждаю, что информация предоставлена достоверно, и осознаю последствия своих действий.

Ответвление от формы заявки, если Вам есть что сказать:

Прошу, помогите мне восстановить справедливость. Я мучаюсь от последствий его действий всю жизнь. Мне 30 лет, но не проходит ни одной ночи, в которой бы кошмары о детстве предоставили место покою. Подпишу договор и оплачу услугу сразу же, в первую встречу. Только, пожалуйста, не игнорируйте это обращение. Спасибо.

Дата: 07.07.2025.

Я выдыхаю через нос, постукивая подушечками пальцев по подлокотнику. Неизменно горькие послания. Стабильно умоляющие. Они ждут молниеносного ответа, однако я не могу одобрять заявки каждого. Необходимо дотошно проверять информацию: действительно ли указанный человек был злом, или кто-то сильно обиделся. Нередко подсылаю к таким папашам и мамашам «собутельника», который выведывает детали, вытягивает правду — и только если кошмары имеют почву для подтверждения, я созваниваюсь с клиентом и приглашаю в шахматный клуб на подписание договора. Так что Мари Катонски придется потерпеть три недели. Процесс небыстрый, но он запускается: строчу опытным подопечным инструкции. Они приступят к исполнению обя-

занностей завтра. А пока нужно разгрести еще девять скопившихся СМС. Некоторые из них абсолютно абсурдны.

«Заявка на оказание услуг возмездия».

Имя заявителя: Лука.

Сторонний номер телефон для связи: +1890326783.

Объект возмездия:

* Имя: Линда.

* Родственная связь: Сестра.

* Возраст: 34 года.

Причина обращения:

Постоянно давила на меня и давит. Не любит. Смеется с моей успеваемости в колледже...

Я не дочитываю. Жму на кнопку «удалить и заблокировать». Таким же образом поступаю с последующими четырьмя сообщениями. Дальнейшие тщательно обрабатываю и не замечаю, как проваливаюсь в сон на середине последнего.

Утром, в той же пустой квартире, завтракаю. Почему-то прежде не отображал, что прием пищи в одиночку способен тебя удручать. Я не оптимист и не пессимист. Если грусть или травмы прошлого накатывают, сразу в руки себя беру, переключаюсь на другое, безболезненное. Потому что боюсь расклеиться и замкнуться, чего взрослая жизнь не подразумевает. Но сегодня, поедая доставленный омлет с красной рыбой... я думаю о том, как Френсис ест какие-то лопухи, напрочь невкусные блюда. И не могу отделаться от незнако-

мого гложащего чувства.

Хочу накормить девушку. Позаботиться с самого пробуждения. Чтобы она улыбнулась...

Сегодня ощущения более размеренные. Нет импульсивности или бешенства. Спокойно накидывают варианты, как убедить ее покинуть секту. Какие доводы привести. Что именно говорить, а о чем замолчать. Ничего трудного. Просто... нестандартно. Я ни с кем не церемонюсь. Не в моем духе.

Ну, и это выводит: Френсис скорее послушается Сраллю Дика, чем Флойда Маккастера. Я не желаю ей приказывать, да и не стал бы. Но... просто, блять, вдумайтесь, какова величина фарса.

Выпускаю воздух через щеки, выкидываю контейнер с одноразовой вилкой, выпиваю нужное количество воды, моюсь в душе, а затем одеваюсь. Снова рубашка. Снова брюки и ботинки. Кто я такой? Пару суток назад мое утро стартовало со спорта и минета. Теперь осталось лишь первое. Спасибо, Френсис, что разрешила мне сохранить хотя бы мышцы.

Альма и Морис в тех же платьях целуются на парковке, когда подъезжаю. Я закатываю глаза под солнцезащитными очками и опускаю окно, привлекая внимание:

— Продолжайте, конечно, не отвлекайтесь. Я только помою зрачки кислотой.

Девушка смущается и хочет отпрянуть от парня, но Морис не отпускает ее, целует дальше, переступая так, чтобы

закрыть любимую спиной. Словно физически не может прервать клятву в преданности, оставить контакт резко незавершенным. Одна его рука обвивает талию, а другая нежно ласкает щеку. Это не пошло. Нежно и чувственно. Тем более на улице никого, кроме нас. Я знаю, что он мечтал о таком полгода, а завоевавши не теряет ни мгновения, однако смотреть милое порно не входило в мои планы.

— Окей, до вечера, — нетерпеливо выкидываю, трясая коленом, — Знаете, у меня есть к кому ехать.

Они, наконец, прекращают: после того, как парень аккуратно чмокнул Альму напоследок, шепча ей что-то на ухо. Садятся в машину на задние места, и я нажимаю на газ, уже не пользуясь навигатором. Не думаю, что буду слушать проповедь сегодня. Не потому, что устал, а потому, что переживаю за кошечку. Пока лучше занять отдаленную позицию. Не появляться рядом с ней на глазах у Сралли — хрен его поймешь, что он с ней позже сделает. Если увижу следы насилия, на все наплюю и разберусь быстро. Но до этого не стоит доводить.

Я сочинил нечто более значимое: передать записку, где прошу уделить мне время. Заехал в канцтовары по пути к друзьям. Купил бумагу и ручку. Послание гласит: «Один монолог. Дай мне время наедине. Я тебя не обижу ни за что. Буду мягок в речи. Прости, что пугал. Исправлюсь. Приеду ночью и остановлюсь поодаль. В 1:00. Если у тебя есть возможность выйти, пожалуйста, сделай это. Для твоего спокой-

ствия не подойду близко. И в машину, естественно, не приглашаю. Ты в полной безопасности. Клянусь».

Не уверен, работает ли. Попытка не пытка. Нам в любом случае нужно оказаться без посторонних, чтобы вступить на тропу прогресса. Я не могу до старости лет сидеть на службах и как маньяк пялиться на нее, пока она смотрит лишь в пол и молчит. Так проблемы не решаются.

— Передай Френсис, пожалуйста, — произношу, заводя письмо в зажатых пальцах за плечо, — Попроси прочесть. Потом забери, чтобы ей не досталось. Вдруг ебанаты найдут величайшее преступление против их правил.

Девушка перенимает сложенную бумажку и с подозрением изучает следы от почерка. Щурится и косится на Мориса, который поджимает губы в улыбке, безмолвно кивая в жесте а-ля «это оно, да, именно оно». И я вскидываю одной рукой на светофоре, ворча:

— Серьезно? Нельзя просто позвать человека на встречу, чтобы вы не строили теорий?

— У нас не то чтобы много теорий, — хмыкает Морис, — Скорее одна откровенная правда.

— О, молчи, мне не нужен диагноз! — раздраженно отзываюсь и снова жму по газам, с волнением приближаясь к окраине города.

Теперь двадцать минут по степи гнать. Интересно, как Френсис отреагирует, когда увидит банковские карты? Магазины?

Черт, она никогда не ходила на шоппинг? Ей хоть известно, как выглядят кассы? На дворе двадцать первый век. Так, просто напоминаю.

— Это милый поступок, — ни с того ни с сего одобряет Альма, — Ты молодец.

— Я не просил похвалу, — подмечаю, но безвредно, чтобы Морис не кинулся на защиту.

Перед тем, как нас познакомить, он весь извелся. Бормотал неугомонно:

— Только не трюнди про наши похождения. Общайся вежливо. Не подставляй меня.

— Так она не в курсе, каким ты был до поехавшей крыши? — усмехнулся я, бася от дыма косяка в гортани, — Что ты ей наплел? Прикинулся ангелом?

Морис помотал головой, скрепив руки в замок, сидя на том же диване в клубе, рядом. Мне было обидно, что наша дружба утратила веселье. Раскатистые вечеринки заменились временем наедине — это приятно, разумеется, однако куда пропал тот запал? Мы катались по городу ночью, тусовались до упаду, знакомились с девчонками, хохотали и творили несусветную дичь. Он объяснил, что я ему не друг, а брат. Что разорвать наши отношения — равно разорваться самому. Но если я поставлю выбор или обижусь, он без раздумий уйдет к Альме, как бы ни было больно. Потому что она — его долгожданное бесценное счастье. А семья, которая против счастья для родного человека, не семья вовсе. Я

попытался понять, несмотря на то, что в душе интерпретировал это по типу «променял друга на сиськи». Но, как я и рассказывал, Альма оказалась действительно той, ради кого не стыдно забыть о разгульной жизни. Она не старалась отделить нас друг от друга, стать мне соперником, переманить Мориса на себя всецело — об этом я и переживал. У нее есть чувство юмора. Характер. Она интересная и умная. Потому я порадовался за их союз. Редко встретишь ту, которая ни за что не нарушит, а исключительно укрепит взаимосвязь. Например, я не сомневаюсь, что Морис согласится на встречу, когда бы я ни позвал: разве что если у них не намечено свидание до моего приглашения. Мы все так же часто видимся: почти ежедневно. Альма поначалу не приезжала, будто желая не давить на меня, не превращать устоявшиеся посиделки вдвоем на встречи строго втроем. Однако потом я поймал себя на мысли, что совсем не против ее компании: она поддержит все темы беседы, не осудит, разве что иногда фыркнет. Так что... я обрел сестру.

— Она же не глупая, — прошептал парень, — Видела, кем я был. Каким был до нее. Не давала приблизиться, потому что не заслуживал. Но я заслужил. А подчеркивать тот ужас, которым занимался прежде, необязательно. Ладно?

Я безлико цокнул:

— Ладно. Мне так-то плевать.

Поэтому у нас образовалось единственное табу в беседе: ни за что не вспоминать прошлый секс Мориса. Не только с

Альмой. Даже когда мы одни. Ему неприятно. Странный.

А я, после церкви, определенно поеду трахать кого-то. Заскочу к врачу и позвоню рандомной девушке из списка контактов. Хватит с меня воздержания.

Но вечером, если Френсис пойдет на компромисс... мы увидимся нормально. От этого по позвоночнику бегут мурашки. Завязывается узел предвкушения. Побыстрее бы вытащить ее, реабилитировать и выкинуть из головы. Сразу все наладится.

— Тебе бы к Митчелу заглянуть, — вздыхает Морис, — Мы вчера у него были. В приставку поиграли. Парень один одинешенек. В подвале, к слову.

А, да, точно. Я заточил в своем подвале ребенка. Забавный нюанс. С кем не бывает?

— Я был у него в пятницу, после мероприятия, — устало напоминаю, — Зайду так же.

Русоволосому не нравится моя отстраненность к подростку. Однако я и не должен его любить. Тем более, когда любить трудно: ему пятнадцать, темперамент вредный. И без того вырубил ахренеть в каком объеме. От меня что еще требуется?

— К бабушке в четверг? — Альма ставит локоть на переднее сиденье и подпирает подбородок ладонью.

Я не знаю, люблю ли там появляться всей душой. У нас превосходные отношения, но Элина из раза в раз старается откормить меня, словно поросенка, которого подготавли-

вают к Рождеству. Она накрывает целый стол и не отпускает, пока не съем три тарелки. Попутно выпытывает детали о личной жизни и треплет по волосам. Я увиливаю как могу, ведь бабушку огорчает отсутствие постоянной пассии в единственном экземпляре. Ей не терпится получить внуков, и она категорически отрицает тезис о том, что из меня вышел бы хреновый отец. Ну... я подписываю смертные приговоры ублюдкам, курю траву и не провожу ни одну неделю без многочисленных половых связей. Это не совсем то, что соответствует статусу порядочного папочки.

— Ага, — киваю, — Хотите поехать со мной?

Может, хоть так ракурс внимания сместится... но Морис не приносит облегчения.

— Нет. Мы не сможем.

У них не имеется планов, я более чем уверен. Просто его раздражают те же разговоры о детях — и побольше меня. Друг абсолютно уверен, что не станет заводить потомство. Альма на этот счет особо не высказывается: лишь мельком вешает голову на пару секунд. Какая драма.

— Мм, конечно, — бормочу с недовольством, однако скоро концентрируюсь на виде белой деревни.

Паркуюсь на том же месте, съезжая с трассы, и выхожу, чтобы закурить любимый Charman. Друзья смотрят на меня в изумлении, ведь время поджигает, и я пассивно отвечаю:

— Нет. Без меня. Просто передай записку.

— Ей будет грустно, что ты не пришел, — подмечает Аль-

ма с укором.

— Я пришел, — процеживаю и поджимаю губы, которые стали сладкими от фильтра, — Она даже не заметит. Все равно не смотрит.

Морис закатывает глаза, обнимая девушку за талию, и шагает к церкви, ворча:

— Понятно. Стадия отрицания.

Да что он несет? Я бы показал средний палец, если бы он смотрел. Но через минуту улица снова пустеет, предоставляя пространство для самокопания. Солнце печет голову, однако я не сажусь в машину. Не пойму, почему. Возможно, чтобы быть поближе... мне необходима дистанция. Не слишком длинная и не слишком короткая. Золотая середина. Так Френсис не сможет прожигать дыру в сердце. Хотя я все равно извожусь от мысли, что мы не увидимся ночью. Лишь бы она пришла.

Служба длится положенный час, и я сто раз жалею, что не присутствовал. Будто неизведанная тоска скапливается в центре груди и пускает по нервным окончаниям зуд. Я что... соскучился?

Позорище полное. Флойд, ты ей даже неинтересен.

Этой девчонке нравятся святоши. Но как приятно было бы стать ее желанным грехом... кто знает, может позже, когда мозги кошечки встряхнутся, она задумается о чем-то нормальном. Я бы показал ей все, что попросит. Или сам бы умолял: целовать, ласкать, быть рядом...

Мне снова страшно. Спасите, пожалуйста.

Я выкуриваю добрых полпачки в беспокойном ожидании ответа. И друзья, наконец, выходят с проповеди. Улыбчивые. Отчасти ехидные. Я вскидываю брови, отчего-то чувствуя, как потеют ладони, и почти запинаясь в словах:

— Ну? Согласилась?

Альма протягивает мою записку, которую я засовываю в карман брюк, дабы скрыть улики, и тянет:

— Вон там, — игриво оборачивается, кивая вдаль, — Видишь сарай?

Я тут же следую за ее взглядом и пытаюсь высмотреть, о чем она, черт подери, говорит. Быстро схватываю. В степи, на расстоянии от всех домов, находится белый амбар. До него пешком минут десять.

— И? — допытываюсь.

— Придешь туда в час ночи, — подытоживает Морис с радостью, анализируя мой фейерверк эмоций в мимике, — Она попробует улизнуть. Но попросила тебя быть тихим, никто не должен об этом узнать.

По мне расстилается табун электричества и щемящее тепло. Она придет. Правда придет. Хочет рискнуть.

Френсис хочет ко мне.

Я никогда не предполагал, что способен стать счастливым от такой незамысловатой вещи.

Глава 5

Существует ряд аномалий, которые я никак не могу себе истолковать. Или попросту не хочу истолковывать... Начнем с первой, пожалуй. Все по-порядку.

Я съездил к врачу сразу после церкви. Меня проверила лучшая клиника Нью-Хейвена. Вертели член в две руки, проминали яйца и брали анализы — я терпел пренеприятные процедуры в надежде выяснить, какого хрена происходит. И врач вынес однозначный вердикт:

— Вы абсолютно здоров, мистер Маккастер.

Здоров? Вены закипели злостью, потому что нельзя мучить меня, а потом подводить к нулевому результату. Натуральное издевательство.

— Это не может быть правдой, — процедил я сквозь зубы, опираясь на белый стол кулаками, — Вы, должно быть, плохо выполнили свою работу.

Мужчина свел брови и оглядел меня, как главного хама в его жизни. Но я такой и есть, не отрицаю, так что ему не показалось.

— С чего Вы вообще взяли, что больны? — вздохнул он, приспустив очки, — Так и не объяснили, в чем причина...

— Мой член больше не встает на женщин, — голос сквозил яростным разочарованием, и доктор расширил глаза, — Ни на кого, кроме одной. На нее, да, все аж гудит! На других

— ни черта. И Вы называете это нормой?

Я заметил, как им завладел ступор, а затем пробежала искра смеха. Будто его до смерти уморила моя «глупость». Это выбесило сильнее прежнего, и я бы закричал на весь кабинет тем тоном, который всех пугает, но доктор произнес:

— Молодой человек, — он сжал переносицу с гребаной улыбкой, — Как бы выразиться помягче для Вашей натуры... иногда предпочтения меняются. Вас перестают привлекать все подряд, интерес заостряется на конкретном человеке. Это вполне себе естественно для личности преданного типа и называется...

— Да пошел ты! — выплюнул я и мигом развернулся, чеканя ботинками прочь из больницы.

Знаю, что должен радоваться рабочему состоянию организма. Суть в ином. Мне ясно, в чем дело. Возможно, где-то я и недоразвитый, но явно не в таких очевидных вопросах... поэтому ищу опровержение. Поэтому всех затыкаю: не дай Бог хоть один идиот решит произнести это вслух. Я не желаю признавать, что мне кто-то крайне понравился так глубоко, как никогда прежде. Ощущаю опасность: ты теряешь контроль над собой. Становишься ведомым и нуждающимся. Я не позволю себе быть таким. Нельзя позволять.

К тому же судить рано: прошло всего три дня от первой встречи с милым ангелом, что стал для меня агонией. Накопилось много трудностей, и я всего-навсего почувствовал необходимость в тепле. Хотя, если быть честным, подкожное

ощущение покинутости сидит в сердце всю жизнь. Разница лишь в том, что я не прикипал ни к одной женщине раньше — а некоторые порой крайне старались не быть однодневками.

Например, Саманта. Кружилась вокруг да около. Пыталась заботиться. Однажды принесла ужин в контейнерах прямо в клуб. Я ее прогнал, назвав баннным листом. Некрасиво? Более чем. И все же лучше обозначать вещи своими именами, не водить кого-либо за нос, пытаюсь угодить.

Мне не нравится идея быть чьим-то. И, в то же время, я не полностью счастлив жить в пустоте. Иногда смотрю на Мориса и Альму. Думаю: а ведь они светятся. Неужели чувство любви дает тебе столько смысла? Я полностью убежден в обратном. Это скорее превращает тебя в значение слова «уязвимость». Что случится с другом, если девушка его покинет? Хрен пойми, как потом собирать несчастного — он раскрошится в труху. Так что я выбираю пребывать в серой зоне, где не плохо и не хорошо. Где стабильно. Считаю данный подход разумным.

Повторюсь снова и снова: контроль превыше всего. Я не возьмусь за что-то иное.

Но перейдем ко второй вещи, которая заставляет меня испытывать скрежет — отмена дневного секса. Не поехал ни к кому, вопреки планам. Перенес процесс на день мероприятия в шахматном клубе: там куча красоток соблазняют. Одной из них поддамся. Ей точно повезло: к тому часу не кон-

чать буду почти неделю. А значит захода четыре обеспечено. Долгий мужчина, еще и внимательный не только к своему оргазму. Не в этом ли женская радость?

А пока я еду дарить каплю радости другой. По телу вновь растекается волнение. Ужасное ощущение. Или прекрасное. Оно слишком живое, чтобы я мог определиться.

Сочинил безумие: поплелся в магазин, купил рюкзак белого цвета, дабы создать для Френсис больше безопасности. Напихал внутрь немыслимое количество сладкого. Шоколад, конфеты, пирожные и даже колу... вдруг девушка ее не пробовала?

Я занимаюсь таким бредом...

В том числе и сейчас. Пора перейти к третьему пункту аномалий. Завершающему.

Мои ноги стоят у сарая, в абсолютной глуши. Наручные часы показывают 00:55. Жду ее, приехал пораньше. Стараюсь оправдаться тем, что время перепутал. Однако я точно знал который час, когда сажился на мотоцикл. Он припаркован в кустах, подальше от поселения. Спрятать Мустанг было бы тяжелее. Все для Френсис, как и просила — максимальная скрытность. Но если подумаю, что реально ныкаюсь от сектантов, дабы не быть застуканным, аж биться головой об доски готов. Сюр натуральный.

Вот только злость иссякает, когда до ушей доносятся робкие шаги. Едва уловимы из-за треска цикад. А через секунду зрение разбирает силуэт во тьме. Неповторимый и лучший

лик.

Господи.

Я сжимаю лямку рюкзака и смотрю прямо на нее, не отводя взгляд. Почти не моргаю, словно боюсь отпугнуть девушку шумом от взмаха ресниц. Если бы она услышала, как громко стучит мое сердце, давно бы сбежала. Эти удары являются антонимом привычной ей тишины.

Мы такие разные... Что я вообще творю?

Безоблачное небо усыпано звездами. Их сияние освещает местность. Френсис неуверенно перебирает ногами и неизменно тупится в землю. Но она идет ко мне. Она правда идет. Я почти не верю в реальность момента, все кажется сном.

Тихонько, периодически оглядываясь, крайне застенчиво, девушка оказывается в трех шагах от меня. На ней белое ночное платье: прикрывает даже щиколотки и запястья. Локоны закрывают лицо, на котором наверняка выражено огромное смятение. И в эту секунду какой-то рубильник щелкает окончательно. Словно помутнение рассудка. Разумом завладевает исключительная мысль: я все изменяю. Обязательно изменяю. Она научится всегда держать голову поднятой, как и положено такой чудесной женщине.

Это похоже на дикий инстинкт оберегать то, что тебе дорого. Нечто собственническое и мужское. Потому что она дрожит в плечах. Потому что ее дыхание сбито. Потому что ей страшно. Исходя из этого во мне заворачивается смесь злобы и нерушимого обещания стать ей опорой. Столько,

сколько понадобится. В качестве друга, разумеется. Обсуждал с самим собой: Френсис не заслуживает разового сближения, а на многоразовое я не способен.

Я сглатываю. Ладони с какого-то хрена заледенели. Наверное, по причине легкой одежды — джинсы и футболка черного цвета. Рассматривал себя в зеркало полчаса, нацепив рубашку, однако психанул и переоделся в то, что более свойственно. Как ни крути меня не запихнуть в официальный стиль на постоянной основе.

Френсис привычно скрепляет руки на животе и скребет запястье большим пальцем. Мне нужно говорить, но я не придумал речь. И в груди тяжело: словно каждая фраза приближит к ней, заставит пылать. Словно каждый миг порождает что-то, по чему я буду невыносимо скучать.

Зачем поехал с Морисом? Зачем ввязался в эту кутерьму? Назад пути теперь нет. У меня ноги банально не развернутся прочь. Физически невозможно.

— Я сразу обозначу вновь, — негромко произношу, развевая буквы по слабому ночному ветру, который ласкает ее золотистые волосы, — Никакого вреда. Беседа на приличном расстоянии. И ты можешь уйти в любую минуту, когда пожелаешь.

Френсис не реагирует. В ней царит послушание — и я бы оценил это от любой другой девушки, но не от данной кошечки. Интересно посмотреть, как она спорит или выдвигает требования. Никому не разрешаю, а ей бы позволил. Еб-

нулся с концами.

Она мнетя еще пару секунд, прежде чем сдержанно пойти к амбару и схватиться хрупкой рукой за вытянутую ручку. Открывает, дыша прерывисто, и... пускает, блять, меня. Как бы приглашает, приклонив голову ниже. Что, совсем ополумела?

— Френсис, не надо мне прислуживать, хорошо? — стараюсь говорить мягко, изучая идеальный профиль, — Это я тебе должен...

Что, нахуй, выдал мой рот?

Должен ей прислуживать? Как подобное вообще вырвалось? Каким образом сложилось?

Здесь явно отравленный воздух.

Девушка хмурится — первая эмоция, помимо извечного страха. Приподнимает плечи и растеряно мечется глазами по земле. Но, к счастью, заходит первая. Я попадаю внутрь следом и закрываю дверь, петли которой хорошо смазаны, не скрипят. Френсис берет с подобия комода... свечу в железном подсвечнике. Зажигает спичками, и пространство скупосвещается.

Непонятный столб посередине. Ящики вдоль стен — наверняка запасы круп. Есть лестница — ведет на второй этаж, под треугольный потолок. Укромное пустое пространство с круглым окном. Если заходишь в амбар и смотришь вверх, все увидишь. Надеюсь, Сралля застанет нас наедине, и у меня появится оправдание незамедлительного убийства.

— Сможем посидеть там? — ненастойчиво хриплю, — Ты бы хотела?

Ей будто дико все, что говорю. Окей, это гораздо сложнее, чем представлялось.

Я выдыхаю и шагаю к лестнице, чтобы взяться за дерево, проверить надежность конструкции. Она старенькая и легкая. Шатается при тряске. Но одного человека выдержит, перекладины-ступени не гнилые.

— Я привез тебе сладости, — поясняю, смотря на сжавшуюся фигуру в метре от меня, — Было бы здорово примоститься где-то, чтобы ты поела не стоя, понимаешь?

Она умница в том, что пришла. Это огромная победа. А отвечать — уже слишком много для сегодня. Я все осознаю. Однако не получать ни черта, кроме нового и нового испуга — непросто. Я хочу ее обнять и утешить. Блять, я так сильно хочу.

Какое же несуразное желание.

Тем не менее кошечка совершает второй подвиг за ночь: с дрожью идет к лестнице и медленно ставит ногу на первую гладкую палку. Я киваю. Шепчу, переживая разрушить смелость:

— Держу и не смотрю. Заберусь после тебя. Давай свечу.

Она мешкает, но все же протягивает горящий предмет. Затем нежные ладони обхватывают ступень. Френсис аккуратно поднимается, а я туплюсь в землю, как и обещал. Заглядывать под подол платья — низко. Подобным не занима-

юсь. У меня есть достаточно уважения к себе, чтобы не быть мерзавцем.

Лестница ничуть не трясется — я контролирую. И девушка скоро оказывается на выступе сверху. Протягиваю руку во вторую лямку рюкзака, что свисала до этого, а затем без колебаний следую за ней. Смотрю ввысь, внезапно улавливая: дерево устойчивее, чем предполагал.

Потому что Френсис вцепилась в торчащие боковые палки двумя руками и прижимает их к краю пристроенного пола.

Безумно крепко держит, во всю имеющуюся силу. Милый носик торчит, а глаза отведены в сторону.

Боже, блять, все, финал. Мое гребаное сердце покрывается мурашками и спазмирует.

Она реально переживает, что свалюсь назад.

Заботится.

Могу ли я схватить ее в охапку, когда поднимусь? Прижать к себе, зацеловать щеки и погладить по голове, называя прекрасной кошечкой?

Нет. Стоп. Что за неадекватные порывы? Флойд, очнись, не плыви.

Я сжимаю челюсть и через полминуты ставлю свечу в угол второго этажа. Теперь моя очередь сторониться взглядом. Она дурно влияет на выстроенную непоколебимость. Это неправильно.

Достаю плед из рюкзака. Я правда взял клетчатое покры-

вало. Мягкое. В красную полоску. Чтобы ей уютнее было. Напомните в следующий раз подумать дважды, прежде чем вести себя, как романтик из фильмов. Подобное не повторится. Не дай Бог привыкнет. Потом разочаровываться больно: я ведь совсем не такой. Черствый и пофигистичный — вот настоящая натура. Это же всем заметно, да?

Молча стелю ткань на пол и играю желваками лица. Пришло время показывать еду. Наверное, я переборщил: прежде всего для самого себя. Никому не дарил даже цветок с клумбы, а тут вниманием решил облить с ног до головы. Но ведь Френсис... она заслуживает всего на свете. В том числе того, чего я дать не смогу.

Поступает отличная идея: найти ей парня. Хорошего. Приставить к его виску дуло пистолета и ясно обозначить, каким трепетным он обязан быть. Приказать не разбивать сердце, заваливать нежностью и носить на руках. Ослушается — кишки вытащу. В эту кошечку влюбится любой, а я позабочусь о нюансах.

Правда, придется смотреть, как он целуется: зазывать разных согласных женщин и наблюдать за сексом. Проводить тщательный отбор, потому что я не допущу, чтобы девушке достался кто-то мерзкий в постельных делах. Ей нужен совершенный мужчина. Им бы мог стать я, если бы не куча противоречий.

Тем более Френсис не в моем вкусе. Я предпочитаю жгучих брюнеток, а не милейших созданий. Она выглядит, как

одуванчик: подуешь, и распадется. Мы бы никогда не построили чего-то совместного. Противоположности притягиваются только на страницах учебника по физике. Я учился на менеджмент в университете, однако что-то да понимаю в естественных науках.

Неуверенно раскладываю сладости на пледе, сам не ведая, что творю. Внутри саднит. Требуется пара секунд, чтобы набрать в трясущиеся легкие теплый кислород и повернуться к моему чуду в перьях.

Она стоит поодаль, выпучив глаза.

Будто я сумасшедший. Хотя здесь мы похожи: нас обоих поражает череда моих поступков. Я коротко мотаю головой и сажусь на застеленный пол, тараня взглядом невероятную красоту напротив. Конечно, Френсис ждет приглашения. Возможно, она сомневается, что это точно для нее, и я почти готов съязвить по типу: «Да, конечно, поляна накрыта для Сралли, позови его и свали». Бесит то, что она бы так и сделала.

— Иди сюда, пожалуйста, — мягко произношу, удивляясь, как долго получается быть деликатным, — Это тебе. Ешь все, не стесняйся.

Она прикусывает внутреннюю сторону щеки и путается сильнее, чем когда-либо на моей памяти. В ней нет ни грамма доверия к происходящему. Ни толики принятия. Я буквально ощущаю душой, как ее сердце плачет от неразберихи. От огромного количества незнакомых вещей. Вы може-

те привести коренного жителя джунглей, который не знает о существовании снега, в Антарктиду, и увидите обоснованные опасения — именно это сейчас творится.

— Френсис, — говорю тише и ласковее, по крайней мере стараюсь, — Никакого вреда, помнишь? В твоём мире такие вещи ненормальны, но в моём мире они повседневны. Просто... попробуй воспринимать это не как инопланетную тарелку, ладно?

Хвала небесам! Кошечка скрипит половицами, шагая к другому концу пледа. Более того: мостится, пусть и на расстоянии в пятьдесят сантиметров. Какая же хорошая девочка. Какая умница. Сколько же в ней ума, раз, несмотря на установки, интерес к новому побеждает?

Я еле сдерживаю пасть, чтобы не кинуться хвалить вслух. Переставляю свечу поближе и тяну рюкзак. Добавляю действительно шатко, ведь это наиболее волнительная часть: — Я принес ещё кое-что.

Мои пальцы выхватываю со дна небольшой альбом с ручкой. Френсис робко прослеживает движения краем глаза, всё так же боясь посмотреть на меня полноценно. Без понятия, о чём она думает. Вариантов масса. Возможно, хочет выпотрошить мышь — ну, вдруг это заведено у сектантов в час ночи, а я отвлекаю. Возможно, хочет узнать, почему пытаюсь поговорить — хотя на это и сам не подберу однозначный ответ.

Мне элементарно жаль юную душу, ничего глобального.

Нет, я не хочу заснуть и проснуться с ней, как в том недавнем сне.

— Ты бы могла общаться так, — аккуратно предлагаю и кладу предметы между нами, — Раз тебе нельзя говорить... никто ведь не запрещал писать, да?

Пожалуйста, согласишься, пойдешь на заключительный подвиг сегодня, я о большем молить не посмею.

Это мой единственный способ коммуникации. Других путей не вижу.

А потому чуть ли не рушусь на колени от отважности девушки, когда она забирает предметы и волнительно вертит в пальцах ручку. Ее тело наполняется очередной порцией нервного недоумения. Я не догадываюсь, в чем проблема, пока не застаю уникальную картину: Френсис прикладывает к бумаге колпачок, чтобы застенчиво поводить им по листу, проверяя, останутся ли следы письма.

Она никогда не видела шариковую ручку.

Она не имеет представления, что я ей дал и почему оно так выглядит.

Блять... умеет ли девушка в целом писать? Она знает алфавит? Я не думаю о ней низко, я лишь... серьезно, здесь нечего обсуждать.

— Ты... эм... — мои пальцы запускаются в волосы от стресса, — Видишь синюю часть? Крышечка. Ее нужно открыть.

Френсис заметно смущается и пристыжено следует ин-

струкции. Если опустить веки, будешь уверен, что сидишь в сарае один: настолько кошечка бесшумна. Она тянет за колпачок и тут же напрягается от тихого щелчка. Я чуть сдвигаюсь вперед, дабы видеть хрупкое лицо — ей некомфортно, понимаю, однако мне необходимо следить за скромным спектром эмоций. Разбирать, что вызывает в ней страх, а что облегчение.

И как же становится проще самому. Я аж выдыхаю полной грудью. Она принимается писать: выводит буквы красивым почерком. Значит, не все запущено до непоправимой стадии. Мы имеем основы. Не знаю, что она изложит, но я рад любому слову. Даже если лист будет гласить: «Тебя принесут в жертву в следующее полнолуние». Я поблагодарю ее за развернутое предложение без ошибок.

Через несколько секунд девушка слегка поворачивает альбом. Свет от пламени свечи ложится на чернила, и мои брови моментально вздымаются. В горле застревает комок смеха: я не считаю Френсис уморой, конечно нет. Просто это первые слова, обращенные ко мне. И вот, какими они выходят:

«Что такое инопланетная тарелка?»

Тупой кретин. Я идиот.

Она сжимает края бумаги тонкими пальцами, выжидая ответ с опаской. Будто ей страшно спрашивать что-либо. Явно переборолла себя для создания этой строчки. Но что я скажу? Начну монолог про космос и НЛО? Поведаю про мнение уфологов о посудине с зелеными человечками? Это запутает

ее до беспредела. Нам бы сначала усвоить определение «шариковая ручка».

— Ты знаешь, что такое сказки? — произношу в надежде, грубо прикусывая нижнюю губу.

Оставить без объяснения тоже нельзя. Я не могу игнорировать любознательность. Наоборот, следует поощрять. Френсис тянет колени плотнее к груди. Длинное платье прикрывает ноги полностью. Ручка снова работает, и я получаю короткое:

«Да».

Спасибо сектантам за то, что хотя бы рассказывали ей на ночь про колобка — пусть и, вероятно, каменного.

— Некоторые люди верят в сказку про круглую машину в небе, — кошечка внимает каждый звук, смотря в альбом, как первоклассник на математику, — Мол, мы не одни, наверху есть кто-то еще, и они летают меж... тех желтых светящихся огоньков, звезд. Я просто пошутил. Неудачно. Прости, пожалуйста.

Не перед кем не извинялся так прямо, кроме нее, так что тоже чувствую себя первооткрывателем неизведанного материка. Мне до сих пор кажется, будто мир схлопнулся и принялся вращаться не так, как заведено — мы, два разных человека, сидим тут и пытаемся найти точки соприкосновения. Это заставляет поправлять волосы чаще из-за нервов: не проявляю такой жест на людях, ведь он демонстрирует неуверенность. И давайте на чистоту: я в любом обществе,

кроме друзей, ощущаю себя выше и лучше. От меня сквозит превосходством. Но не с Френсис. Я хуже ее до мелочей — дураку заметно. Потому боюсь, что она уловит эту истину и прекратит идти навстречу.

Почему я боюсь?

Девушка снова лишь моргает, глядя в пол. Она немного спокойнее, чем минутами ранее. Находится на стадии анализа. Я хочу запомнить наши мгновения до крупниц: глухой треск свечи, свет ночного небосвода с круглого окна, запах лета. И самое важное: образ настоящего ангела рядом. Ее осанку, аккуратный профиль, губы цвета клубники после дождя — холодные, но манят спелостью. Оттенок глаз не угадал в первую встречу. Не зеленые. Скорее... аквамарин. У меня — море в ледниках. У нее — вода в горной лагуне, смесь глубокого голубого и листов мяты. Я не знакомился ни с чем более прекрасным. В висках давит, а грудь подавно свернулась и ноет. Испытывать подобное нереально. Мне хочется искоренить это чувство и, вместе с тем, болеть им вновь и вновь.

Я осознаю, что завис, и часто моргаю, отвешивая себе подзатыльник. Слегка суетливо беру шоколад: неловко тяну середину упаковки, открывая сладость. Надеюсь, девушка не сочла меня каким-то отсталым, пока утопал в ее красоте.

— Держи, — прошу, а не приказываю, протягивая плитку, — Если не понравится, не ешь.

Кошечка сводит брови и с осторожностью рискует. Наши

пальцы бы коснулись, будь я наглее. Или хитрее. Однако я ни то, ни другое, когда дело касается ее. Так странно быть... абсолютно учтивым.

Френсис подносит шоколад ко рту, чтобы смущенно откусить уголок. Застывает. Потом стеснительно жует. И... мельком загорается наслаждением. Во взгляде сверкнуло удовольствие. Уголки губ на миллисекунду дрогнули, подтянулись. Я не успеваю проконтролировать голос, полный воодушевления:

— Вкусно? Она твоя, как и все, что здесь видишь.

Наивысшей наградой служит короткий кивок. Она кивнула. Получается, расслабилась. Быть может, поблагодарила таким образом. Я не фанат гонок, однако сейчас сравниваю себя с победителем Формулы Один. Особенно, когда девушка кусает второй уголок без настороженности. Чудесная кошечка.

И я предлагаю колу, хватая жестяную банку. Догадываюсь предупредить:

— Сейчас зашипит. Не пугайся, пожалуйста.

Она следит за мной краем глаза: пытливость побеждает страхи. Все же напрягается в плечах, когда по амбару раздается характерный для газировки звук. К счастью, быстро возвращается к малому покою. Я ставлю красную банку на плед, и девушка поправляет фольгу, чтобы отложить плитку. Теперь увлекается напитком в сомнениях: отпивает маленький глоток. Точно не ожидала пузырьков: это легко просле-

живается и вызывает мою беззвучную усмешку. На этот раз в лице не читается прилив энтузиазма. Френсис дает кока-коле второй шанс. Тщетно — не понравилось. Держит банку и мешкает. Посматривает на шоколад. Переживает, что расстроит.

Это нормально, что я все сильнее и сильнее желаю ее целовать?

— Давай, я допью, — без напора помогаю, непроизвольно улыбаясь, — Пирожное будешь? Шоколад, естественно, не отнимаю.

Второй слабый кивок. Конечно, Френсис, продолжай кувыркать меня в трепете, я не против, спасибо, что спросила.

Ворчу про себя, распаковывая десерт. Что происходит дальше? Девушка уплетает его с блаженством — едва разбираемая эмоция, и все-таки она есть. Не смею отвлекать, поэтому беседу откладываю. Даю воду без газа, о которой не забыл. К сожалению, кошечка отказывается от следующего лакомства. Пишет на листе:

«Не влезет больше. Спасибо Вам огромное. Это очень вкусно».

— Обращайся ко мне на «ты», — сразу поправляю, и ее ладонь, что скромно вытирала уголки губ, зависает в воздухе, — Мне двадцать пять лет. Тебе... сколько тебе?

Господи, только не говори «семнадцать», я не могу очаровываться, если ты так юна, это неприлично.

Френсис выводит цифры, на которые страшусь взглянуть.

Зря. По телу разливается утешение.

«20».

Разница есть, но в рамках разумного. Отныне чуть менее стыдно размышлять о... ну, держании за руки? Да, об этом. Как же извращен мой мозг.

Не мечтай впиться в нее поцелуем, подмять под себя, ласкать часами и слышать стоны твоего имени.

Не будь некультурным к ней, Флойд. Ты вообще решил стать исключительно другом. Вот и относись, как к Альме относишься.

Разговариваю с самим собой. Какая это стадия гриппа? Очевидно, запущенная.

— Хорошо. Я на чуть-чуть старше. Мы с тобой равны, поэтому убери «Вы». Договорились?

Девушка не отвечает. Задумалась и снова запуталась. Я не требую от нее моментальной «здравости». Бардак разгрести придется долго. Мы и так отлично справились для первой попытки. Она справилась.

Да, наше общение бесконечно затихает — между вопросами и ответами создаются весомые паузы. Я бы болтал без умолку, засыпал разными темами, если бы знал, что она перенесет это без паники. Пока двигаюсь осторожно, что верно, ведь кошечка до сих пор не сбежала. Осознает ли Френсис, какую работу проделывает? Я действительно горжусь ей, ведь рассчитывал на гораздо меньшее. На данный момент она не знает, к чему шагает. Я расскажу позже, дабы не пере-

грузить. Донесу, что не нынешняя жизнь — не жизнь. Протяну руку в нормальное будущее. Помогу адаптироваться и исчезну. Без обсуждений поступлю именно так.

— Ты все еще боишься меня?...

Важный вопрос перебивает вибрация телефона в кармане джинсов. Я смачиваю губы, зная, что должен проверить, все ли в порядке — есть много вещей, которые не решатся самостоятельно, люди зависят от моего решения. Но тут же жалею, что вытащил мобильный.

От кого: Морис.

«Ну что? Уже краснеешь, как школьница, или все еще пытаешься строить вид, что у тебя все под контролем?»

Пошел нахуй.

Мои зубы скрипят, а пальцы сжимают устройство до побеления. Как он живет с такой бурной фантазией? Насочинял черт-те что.

Кому: Морис.

«У меня все под контролем. Не пиши. Занят.».

Я блокирую экран и протираю лицо, поворачиваясь к Френсис обратно — она держит лист, отведя голову. Там написано:

«Не знаю. Я тебя совсем не понимаю. Прости».

— Что конкретно не понимаешь? — без давления вклиниваюсь, обводя ее взглядом, — Спроси, и я отвечу. Ты всегда можешь спрашивать.

Она устала. Ресницы тяжелее, как и движения. Контраст

с моей бодростью. Здесь не учел. Ей ведь точно не разрешают спать до обеда. А сейчас уже... почти два. Мы пробыли вместе пятьдесят пять минут? Мне казалось, максимум десять. Завтра ее попрут на службу к обеду, а до того прикажут готовить какой-то завтрак или молиться во имя святого Сралли Дика. Успокаивает лишь то, что я убью его на днях. Недолго осталось.

Она мило пишет новые слова — не знаю, какого хрена я считаю все ее действия милыми, но я правда считаю. И мне так жаль прощаться, пусть и всего на сутки. Не могу представить, каково это — жить в одном доме с кем-то. И словно в той же степени не могу представить, как жить без кошечки — я имею в виду полностью потерять, никогда не пересекаться. Поэтому мне бы хотелось устроить девушку поблизости, чтобы ни о чем не переживать. Я ненавижу то, что буду находиться в неведении, касательно нее, когда уеду.

Френсис показывает лист, отчего в горле сушит.

«Почему ты не приказываешь людям? Так тебе было бы проще получить результат. Зачем ты даешь мне выбор? Это неудобно».

Ну, вообще-то, я приказываю людям... всем, кроме тебя, мой котенок. Я надеюсь, что она ни за что не застанет ту мою часть, которую ей не стоит лицезреть. И, пожалуй, нужно будет заткнуть парочку ртов, дабы они не разболтали лишнее. Научиться закрывать дверь квартиры и не подпускать к девушке кого-то, кроме Мориса и Альмы. Не имею планов по-

садить ее в золотую клетку и изолировать от всех, предоставив только свою компанию, однако показывать ночной или шахматный клуб — ошибка. Она увидит, что меня боятся, и, возможно, весь наш прогресс порушится.

Как, черт возьми, я должен держать ее под боком и поодаль одновременно? Это взрывает мозг.

— Я не хочу приказывать, — объясняю, тщетно выпрашивая зрительный контакт, — Кто я такой, чтобы диктовать тебе правила? Мы одинаковые люди с одинаковыми правами.

Френсис лишь поджимает губы и изнеможенно прикрывает глаза. Не развивает диалог и не планирует: либо из-за несогласия, либо из-за страха. Я в курсе, что утомил ее. Поэтому неохотно предлагаю, вновь проводя рукой сквозь волосы.

— Встретимся завтра? В это же время. Хочешь?

Она впадает во вспышку оцепенения, будто полагала, что это наша последняя встреча. Прикладывает два пальца к подбородку и тихо думает, прежде чем настрочить:

«Можно послезавтра, пожалуйста? Будет плохо, если родители заметят пропажу. И... подожди чуток, не уходи. Я хочу сделать кое-что для тебя. Поблагодарить поступком. Раз решишь?»

Я гляжу на нее, как истукан, совершенно сбитый с толку. А Френсис переживает: невинное дыхание сбоит. Лучшее, что она способна мне подарить — возможность забрать ее из секты. Однако речь сто процентов не об этом. Тогда о чем?

Я сконфужено прочищаю горло и непонятливо бормочу:
— Эм... да. Конечно.

Она зачем-то отрывает квадратный лист с колец альбома и прячется за локонами, принимаясь вертеть его подрагивающими пальцами. Складывает... опять и опять. Даже отворачивается на мгновение, перепроверя промежуточный результат. Я тупой увалень, потому что почесываю затылок в смятении. И ощущаю потребность покурить.

Необходимость в Шарпан возрастает, когда, спустя минут пятнадцать, кошечка, вся на взводе, с тряской протягивает чудаковатую фигурку. Я нахмуренно беру поделку, как нечто бесценное, и провожу подушечками по бумаге. Она... свернула оригами? Мне?

Это птица. Всего лишь крылья, всего лишь подобие туловища и головы. Но сердце так не считает: оно пропускает мощнейшие удары, будто я получил что-то намного большее. За двадцать пять лет принял хренову тучу подарков. О чем говорить, если верхняя полка комода в спальне забита наручными часами — и ни одни из них не были куплены мной лично. Но я бы без раздумий выкинул побрякушки за миллионы долларов, освободив это место для птичек Френсис, и стал бы самым счастливым.

Она сложила оригами. Для меня свернула.

Я смыкаю челюсть от долбаного чувства, которое охватывает мышцы, как тиски, и снимаю чехол телефона, чтобы положить фигурку между ним и айфоном: в джинсы не засуну,

дабы не память, в рюкзаке тоже может повредиться. Не определяюсь, что главенствует внутри: боль или тепло. Кажется, будто эти ощущения переплетаются и душат меня до потери пульса.

Брат тоже любил... нет, неважно, не вспоминай.

Я закусываю губу до железного привкуса и морщусь, нелегко поворачиваясь к встревоженному созданию. Стараюсь контролировать голос, держать его ровным, и не кинуться, блять, целовать ее шею, параллельно поглаживая фарфоровые щеки.

— Без телефона никуда не выхожу. А значит, и птичка твоя рядом будет. Мне очень приятно, Френсис. Спасибо.

Я не особо умею выражать признательность. Надеюсь, получилось достойно. Это было безмерно искренне. Позже порепетирую иные варианты, потому что на уме вертится всего один — устроить язык на ее кис... интимной части и выписать там развернутые благодарности. Ну почему мне нельзя?

Плечи Френсис опускаются в малом облегчении, а на коже появляется оттенок румянца. Трет носик и вновь кивает перед тем, как отвернуться.

Прошу, простите меня, но я действительно горю тем, чтобы взять ее в эту секунду и ласкать не прекращать до рассвета. Это не про пошлость. Это про... будто я не понимаю, как выразить всю величину кипящих эмоций. Мой член впервые давит в джинсах не от разврата, а от необъятного трепета в груди. Я, черт возьми, переполнен до краев, и мне слишком

тяжело переваривать это. Как она провернула такой трюк?

Отвлекая себя замечанием следов: складываю оставшиеся сладости в рюкзак. Френсис стремится помочь с пледом, но я не разрешаю, поднимая его पहले. Свеча давно догорела: она была лишней, ведь яркость неба проникала сквозь стекло под крышей. Я слезаю первый, а потом держу лестницу для девушки. Кое-как не обхватываю талию на последних ступенях. Прижал бы к себе, потом к стене, и даже бы не входил, просто о ней заботился... угомонись, нахуй.

— Завтра проповедь в полдень? — хриплю, потирая боковую сторону шеи, ведь она горит от нехватки сладкого дыхания.

Кошечка скромно дергает головой, повесив нос.

— Я приду, ладно? А послезавтра встретимся лично.

Девушка одаривает меня очередным кивком и скрепляет руки в замок, выходя из амбара, как шустрая мышка. Что ж... следует ли мне подняться обратно наверх и успокоить свой член прямо здесь или все-таки подождать до дома?

Извини, Френсис, я обещал, что не стану, но ты не дала мне выбора.

Глава 6

Светить членом перед сектантом, зашедшим ночью в сарай, — не проблема. Проблема в том, что придется прерваться, а тело и так уже на взводе. Поэтому я еду в загородный особняк, куда припарковал Мустанг, чтобы взять мотоцикл. Заезжаю в серый гараж, снимаю шлем и попадаю в пустой дом, где сразу же отправляюсь в душ.

Сниму напряжение, и все пройдет. Останется позади, как сон, который был прекрасным, но недостижимым. С чего вообще решил, что Френсис уйдет из секты добровольно? Насильно тащить не стану: не хватало еще ввязываться в драму «ненавижу тебя, ты сломал мою жизнь». По горло сыт гложащими чувствами, а добавлять новое, чтобы потом его подавлять — бред.

Я все равно не тот, кто ей нужен, и порядком устал обсуждать это с самим собой. Представим ситуацию: мы поругались в отношениях. Что я сделаю? Правильно: махну рукой и закроюсь. Не буду, как Морис, носиться и страдать. Запру лишнюю проблему в чулан, забуду болт. Потому что если что-то нерешаемо, ты либо тонешь в боли, либо ждешь момент отмщения. Френсис мне мстить не за что, а даже если и было бы за что, я бы не посмел. Увядать от разрыва тоже бы себе запретил — занятие для соплежув. В том числе поэтому не вступаю в длительную связь: ты обязательно потеряешь об-

ретенное. Получается, заранее выбираешь мучиться позже, лишь бы сначала побыть в окрыляющих ощущениях. Я хорошо понимаю такие вещи — не нужен опыт, достаточно пораскинуть мозгами, что, между прочим, полезное качество для двадцати пяти лет. Так что мне не по пути не только с Френсис, но и с любой другой женщиной.

Твержу одно и то же вслух, пока раздеваюсь: «Не смей очароваться дальше и глубже. Не смей. Подрочи и выкинь из перевозбужденной бошки чепуху». Захожу за стекло и ступаю на черный мрамор, врубая теплую воду. Стенки быстро запотевают, как и лоб, который прислоняю к стене. Закрываю глаза, перед которыми видится лишь она. Аккуратные руки и хрупкий профиль. Чуть волнистые светлые волосы. Большие глаза. Изящные пальцы, впервые обращающиеся с синими чернилами. И губы... манящие губы нежного оттенка.

От этой картины по венам разливается трепещущий жар. Я думаю о том, как чувствуется ее поцелуй. Наверняка сладко до опьянения. Вероятно, болезненно прекрасно. Запретный плод, вкусив который уже не остановиться. Я надеюсь не попробовать. И, вместе с тем, молюсь на обратное. Представляю, как впервые притягиваю аккуратную фигуру и склоняюсь, чтобы соединить наши рты. Мечтаю о сбивчивом девищем дыхании, о переполненном шепоте:

— Флойд.

Длина каменеет без вспомогательных движений, и я нето-

ропливо веду руку вниз, чтобы обхватить себя со стоном, хотя обычно особых звуков не издаю. Кожа покрывается мучительными мурашками, стоит провести кольцом из пальцев лишь один раз.

Я кладу девушку на постель и мощу поцелуи на шее, разогревая ее ласками. Она задыхается от касаний и просит еще. Просит меня. Тогда следуя ртом к груди, внимательно обводя языком каждую...

— Блять, — вырывается из горла заливисто и раздавлено, крайне низко, движения руки ускоряются.

Мне приходится опереться о стену второй ладонью, не отрывая оттуда же лоб, и зажмуриться.

Ноги разводятся. Я расставляю их с ее огромного согласия. Размещаю голову меж бедер и проникаю нежным языком к клитору, чтобы мягко посасывать и кружить узоры. Френсис скулит и закапывается пальцами в моих волосах, притягивая к теплу поближе, умоляя быть настойчивее. Я слушаюсь. Полностью. Что угодно, только бы услышать крики и сгореть тем, что они раздаются исключительно для меня.

— Господи, Боже, дерьмо, — сочтется бездумным поглощенным хрипом.

Она скулит и трясется чаще. Я погружаю пальцы внутрь и сгибаю их в правильной области, тут же внимая:

— Да, пожалуйста, еще!

И кошечка не прекращает молить. Теряет последние кап-

ли стеснения, насаживается на пальцы сама, дергает меня за локоны. Я ускоряю работу ртом. Секунда, две, три. Она замирает на миг, прежде чем переступить рубеж и кончить с единственным пылающим словом:

— Флойд!

— Френсис! — вылетает в тотальном поражении через заикания, и разрядка неожиданно выплескивается под финальные жесты плотно сомкнутого кулака.

Мой член дергается и конвулисирует, пока я распахиваю ресницы, в шоке отшатываясь назад, рушась спиной к стеклу. Сердце колотится судорожно, как и мышцы, а сперма выливается до конца, опустошая меня и приводя в чувства.

Я... я... что это, нахуй, такое?

Френсис.

Френсис, Господи, что ты натворила?

Даже не перешел к сексу. Выцеловывал. Готовил. И кончил за две, сука, минуты.

Хорошо, что об этом буду знать только я. Было бы позором, если бы подобное произошло с какой-то женщиной. Унесу случившийся стыд в могилу, не рассказав ни единой душе — хотя стоило бы посоветоваться с Морисом, дабы получить подсказку, что это, черт возьми, за херня.

Я отвечаю себе пощечину и смыкаю челюстью, приступая к мытью. Шаркаю мочалкой с силой. Хочу забыть. Перестать размышлять о том, что так плохо влияет на самообладание. Втираю шампунь в корни волос до дискомфорта.

та в черепе. На член злюсь немерено: он снова превратился в камень, ведь Френсис не покидает мысли. Потому выхожу из душа, закипевший яростью. Завалюсь спать как можно скорее, а завтра ночью напьюсь и накурюсь до беспамятства. Уверен, это понадобится: днем снова встречусь с главным искушением всей жизни. Снова с катушек слечу и расплывусь. Это необходимо прекращать.

Но, нервно натягивая штаны, слышу отдаленный стук. Доносится с первого этажа. Кого, блять, занесло ко мне в четыре утра?! Он явно не вовремя: потому хватаю пистолет из комода, чеканя по широкой лестнице вниз. Сразу доходчиво донесу, как важно убраться, мать его, прочь. Не послушается — пристрелю. Меня заебало все, что творится последние пару дней, и я не в настроении на снисхождение.

Стук не стихает. Я дергано верчу железный механизм замка и отворяю массивную дверь из дерева, тут же выставляя дуло на гостя...

Мать Божья, да вы издеваетесь!

— Мы дожили до такого приветствия, сын? — вздыхает отец, поправляя свою черную рубашку.

— Ты че сюда приперся?! — рычу басом, не опуская пистолет, — Нахуй свали, мне не до тебя вообще!

Он знает, что курок не спущу, поэтому страх не испытывает. Гребаная скотина, довольствующаяся временной отсрочкой.

— Ты не отвечаешь на звонки, — поджигает губы, ша-

гая за порог и отводя оружие тыльной стороной ладони, — Я съездил до квартиры. Там тебя не было. Решил попробовать...

— Пробуй проституток в своем борделе! — говорю низким гневом и пихаю его назад, упирая дуло в лоб с беспределельной ненавистью, — Еще шаг, и я тебя вынесу нахер отсюда, папаша ты недоделанный!

Он смотрит в мои неадекватные глаза с проблеском боли, и я быстро отвожу пистолет, чтобы захлопнуть долбаную дверь так, что та чуть не слетает с петель.

Ты убьешь какую-то мразоту в пятницу, представив, что вышибешь мозги этому уроду, и на душе полегчает. Успокойся и ляг спать. Выпустишь пар позже.

По пути в спальню хватаю с кухни виски и глотаю с горла. Это помогает. Или я просто пытаюсь верить в хоть какое-то исцеление... потому что, ступая мимо картин, купленных на аукционах за бешеные бабки, сердце кровоточит. Сколько бы ни строил стержень, остаюсь плаксивым мальчишкой, скучающим по маме в потайных отделах нутра.

Так что Френсис не проникнет в меня корнями, чтобы не пришлось когда-то скучать и по ней.

Так что отец поплатится сполна, когда настанет час моей свободы.

Я знаю, что не поддамся мимолетной дурости и не собьюсь с настроем мести. Завтра будет новый день. Начну его правильно: с холодом внутри. Возьму себя в руки и обрету преж-

ний контроль. Иных исходов не рассматриваю.

Сегодня среда. В третий день недели я обычно еду в шахматный клуб и принимаю отчеты по проделанной работе. Последние два года — вот, сколько не менялся распорядок. Но теперь расписание перестроилось: пообещал Френсис прийти на службу, а обещания я чту и держу. Пришлось обзвонить подчиненных, перенести встречи на завтра. Они удивились, хоть и старались завуалировать ступор в голосе. Я удивлен тоже. Плюс раздражен. Но одна вещь конкретно успокаивает: власть над эмоциями удалось взять. Питаю меньше трепета и с ума не схожу. Говорил же: помутнение исчезнет.

Надел черные брюки и облегающую футболку такого же цвета. Ремень, часы, солнцезащитные очки и лоферы. Пикаю ключами от второй машины — матовый Aston Martin. Копил на него долго, и все-таки исполнил хотелку. Морис покрутил пальцем у виска, когда увидел, куда я влил двести пятьдесят тысяч долларов. Назвал понторезом, за что получил справедливый ответ:

— Кажется, в воздухе витают комплексы.

Он выдохнул, потерев лоб:

— Суть не в комплексах, а в целесообразности трат. Тем более ты расстроишься, если его расхреначишь. Я имею в виду... слишком расстроишься.

— Я не попадал ни в одну аварию, — пожал плечами, —

А если кто-то его разобьет, заставлю заплатить за новый. Ну, потом убью: чтобы покрыть и моральный ущерб.

Я действительно люблю эту машину. Пользуюсь нечасто. Лишь тогда, когда настроение отвратное, чтобы напомнить себе о достигнутых высотах и не страдать по херне. А в данную минуту я действительно не в духе, поэтому возвращаюсь в перманентное состояние стабильности, как могу.

Постукиваю пальцами по рулю, пока гоню в секту, подпевая любимой песни «Fleetwood Mac - The Chain». Интересно, как поет Френсис?...

Блять, прекрати.

Морис и Альма не придут на проповедь: у них свидание, а значит, начнут они с самого утра, в постеле, потом продолжат за каким-то развлечением и зафиналят романтику чем-то пожестче вне дома. Поэтому судьбой отведено слушать Сраллю Дика без группы поддержки. Я ведь так обожаю проповеди, да-да...

Паркуюсь у церкви и опускаю очки, вылезая из авто. Обеденное солнце припекает голову. Я уложил волосы и словно чувствую, как гель плывет от жарких лучей... сердце без предупреждения сжимается в прежней громоздкой манере.

Френсис следует к зданию и мельком обводит мой силуэт глазами, тут же смущенно отворачиваясь.

Она посмотрела выше земли?

Она посмотрела на меня?

Господи, моя же ты умничка. Моя же ты прелестная ко-

щечка.

И как удачно, что случилось это чудо именно тогда, когда я впервые за наше знакомство одет более чем хорошо. Румянец на бледных щеках является подтверждением: понравился ей, точно очаровал. Стеснительная, милая девочка.

Так бы и обнял, глазки к себе поднял, личико заласкал мягкими поцелуями...

Я, что, черт возьми, поплыл опять?!

Определенно. Так и застыл с ключами от авто, давясь подскочившим волнением. А она тупится в ноги и исчезает за дверьми здания. Будто осознала «оплошность». Раскаивается за грех. Оглядела секундно, бездумно, и мигом себя покларала. Но это не ошибка. Мы несколько часов назад были наедине. Общались. Преодолевали препятствия. И это повторится завтра. Боже, как же я жду... Как же мне на самом деле нужна уже хоть минута с ней...

Встретил святое создание, которое стало моим адом.

Что Френсис подумала про мой вид? Какие мысли в ней проскользнули? Понятно, что равнодушна, но... Показался ли я желанным? Захотела ли она прикоснуться? Появилась ли тяга, чтобы мои руки дотронулись талии? Вспомнила ли нашу ночь?

Мне очень нужно узнать, есть ли в ней взаимная симпатия. Не знаю, почему. Однако переживания об отказе внезапно захлестывают волной...

Мы друзья. И я велел себе быть отстраненным. Что, сука,

снова случилось?!

Заправляю край футболки за брюки и глубоко выдыхаю, обреченно шагая к церкви. Собираюсь зайти, однако меня тормозит немолодой шепот:

— На Вас нет белого.

Я морщусь по типу «чего сказанул?» и поворачиваюсь к лысому мужику с презрением. Он серьезно собирается лишить меня встречи с моей женщиной? Вау, какая смелость.

Склоняю голову к низкому росту щуплого тела и припускаю очки одной рукой, которая не засунута в карман штанов. Грешные святоши правда испытывают мое терпение, и им повезло, что я не хочу пугать девушку трупом посреди дня.

— Видишь это лицо? — спокойно произношу с малым оттенком давления, отчего сектант робеет, — Оно не принимает отказов и жестоко карает рискнувших. Уяснил?

Кожа придурка приобретает оттенок платья, и я без промедлений получаю скомканное:

— Уяснил.

Ну наконец-то! Они умеют проводить работу над ошибками. А я-то думал, все потеряно.

— Верный ответ, — поддельно улыбаюсь и заносу ладонь, чтобы «по-дружески» похлопать чудика по щеке, прежде чем перешагнуть старенький порог.

В их праведном месте я становлюсь действительно добрым. Еще чуть-чуть, и над головой появится нимб. У Френсис, допустим, он уже давно сияет. Она стоит на привычном

месте, вроде бы ничего необычного, однако сегодня девушка знает, что я здесь, с самого начала. Мне не нужно себя обозначать. Привлекать ее внимание. Хотя это вовсе не означает, что изо рта не польется сарказм. Было бы обидно не съязвить Сралле Дику, почти оскорбительно. Так что сажусь на свое место с неким предвкушением. Что он расскажет на этот раз? Выдвинет, как пагубно мужчинам бриться по пятницам без благословения камня? Я вот бреюсь каждое утро, а будь Френсис рядом, проводил бы с бритвой еще и вечера — вдруг кошечка запланирует сесть мне на лицо. Нельзя приносить ей дискомфорт щетиной.

Да, конечно, продолжай стоять у окна и разглядывать доски, пока я мечтаю распробовать тебя на вкус с ночи. Это так любезно с твоей стороны, моя робкая девочка.

Она меня злит. Тем, что беспрерывно манит.

Я поджимаю губы, складывая руки на груди и вытягивая длинные ноги вдоль пола. Тишина не длится долго. Куда же без многоуважаемого Сралли, который доживает свои последние дни.

— Приветствую вас, грешники! — возбужденно восклицает он из-за спины, бодро шагая вдоль рядов с горделивым видом.

Срань Господня, как я докатился до того, что слушаю это добровольно уже трижды?

Короткие ноги молодого проповедника несутся к тумбе самым энергичным образом. Сколько ему вообще лет? При-

мерно двадцать пять, может, на год старше. И ему доверили занимать такую должность? Не разбираюсь в подобном, но мне казалось, что те, кто больше всех пиздит в таких местах, должны иметь нажитое годами почтение.

Сралля улыбается во все кривые тридцать два, оглядывая сидящую толпу, и... тускнеет на глазах, как только встречает меня. Я не могу скрыть довольство: уголок губ подтягивается кверху в злорадной манере. Он сжимает выступы дерева и сводит брови от гнева, пока мои пальцы подтягивают очки кверху, а зрачки не сводятся с ублюдской рожи. Ой. Что случилось? Как же мы испугались и расстроились!

Суть в том, что он, очевидно, не глуп: подчинять столько людей — непросто. И ему известно, зачем я здесь. За кем я однажды пришел, сам того не ведая, и от кого не откажусь. Великая драма... жених становится куколдом, ведь его «невеста» милуется в сарае с другим мужчиной. За последние пару лет вел множество переговоров в опере — там важные шишки любят обсуждать дела. Но ни одно выступление не сравнится с нынешней пьесой. Пожалуй, я назову ее... «Спаси меня грехом». Молодая девушка заточена в секте, и тогда на помощь приходит один сексуальный мерзавец, который сожжет подчистую любой источник ее бед. Думаю, размах этой трагедии не осилит даже театр.

— Кхм, — прочищает горло урод, дергая щекой, что, к слову, крайне негостеприимно, — Наша служба называется «Порядок чистой семьи», — он набирает обилие воздуха и

возвращается к свойственной артистичной громкой манере, — И я хочу ее открыть с наставления первого мужа: «Пусть брак ваш будет подобен строю воинскому, где один приказывает, а другой исполняет без промедления! Муж — властелин дома, поставленный выше не по слабости жены, но по замыслу свыше. А жена — не спутница, но сосуд, предназначенный для служения, послушания и продолжения рода! Жене не дано говорить первой, не дано спорить, не дано выбирать. Ее слово — не закон, а отголосок воли мужа. Ее желание — не путь, а тень от его шага! Жена не имеет власти ни над телом своим, ни над временем своим, ни над детьми, которых она рождает. Все ей принадлежит мужу: дыхание ее, труд ее, и сама она! Да не возгордится она мыслью о равенстве, ибо равенства нет, как нет равных между солнцем и свечей. Ибо муж, как огонь, дающий свет. А жена, как масло в лампе: сама по себе — ничто, но в воле огня — горит! Так установлено, и так да будет: жена — в молчании, в тени, в покорности. А муж — в слове, в свете, в решении. И да будет так в каждом доме, дабы порядок был сохранен, и бунт не поднялся от сердца женского, превратив мир в хаос!».

Ебанный стыд...

Я слушал, не перебивая, исключительно для того, чтобы окончательно вникнуть в их правила — важно лучше понимать кошечку. Но вы, сука, прикалываетесь? Чем он болеет? Одержимостью средневековым, осложненной дефицитом здравого смысла? Это не проповедь, а мануал по пре-

вращению жены в посудомойку с дополнительной функцией репродукции.

Френсис, моя ты хорошая, если для тебя идеальный мужчина — это нищееб с комплексом фараона; а идеальная женщина — домашняя утварь с маткой... тогда, возможно, я все-таки точно не тот.

Со мной ей бы не пришлось готовить и прибираться. Рожать детей. Стоять молча, как фарфоровой кукле. Смеялась бы во все легкие. Шумела, сколько душе угодно. Наслаждалась, а не страдала. Она же серьезно не осознает, что может быть именно так.

Я смотрю на сжавшуюся фигуру и вижу смирение в красивых глазах, что попросту взрывает внутренности. Они вдолбили эту херню в ее нежную голову. Промывали мозги годами. Однако теперь я рядом. Я здесь. Пришло время спустить тормоза и поддаться искушению уничтожить этого мудака в споре.

— Так возрадуйтесь... — торжественно кричит Сралля, но я звучно щелкаю языком, мотая головой, отчего он резко поворачивается в мою сторону с раздраженным ебалом.

— Чувак, прости, я что-то не разобрал, — вздыхаю, изучая его намеренно лениво, дабы выбесить, — Ты забираешь у женщины слово, веля ей впасть в тишину, из-за страха, что она тебе в лицо скажет, какой ты на самом деле никчемный?

Я действительно подбираю фразы помягче, чтобы меня не прогнали отсюда, как в прошлый раз. Сегодня досижу до

конца. Наверное. Во всяком случае попробую. Попытаюсь показать Френсис, какому бреду она потакает. И это работает, хоть и слабо: девушка хмурит бровки, скользя глазами к моей обуви. Черт, а лоферы вообще начищены?

— Никчемный? — хмыкает Сралля, стараясь держать себя выше «плебейских речей», — Нет, я просто знаю, кто отвечает за порядок — и это не место для сомнений.

Да, они начищены. Причем тщательно. Надо бы поблагодарить химчистку более щедрыми чаевыми.

— Продолжаем... — цедит проповедник, но я вздымаю голову, чтобы перебить вновь.

— Понял, спасибо, что разъяснили, — Сралля таращится на меня то ли с претензией, то ли с удивлением от принятия, но с последним он явно поспешил, — Только... у меня появился новый вопрос. Более откровенный. Могу ли я доверить его Вам, преподобный?

Он щурится в подозрениях, наблюдая, как выравниваю осанку и превращаюсь в пай-мальчика. Поистине прилежный отныне: чистота в глазах не солжет. Даже Френсис опешила: поежилась, смутилась. Не волнуйся, моя дорогая, я все тот же дьявол, которого ты, надеюсь, безмерно желаешь.

— Вы можете, — кивает он, одаривая меня надменной эмоцией.

Что ж, приступим ко второму акту унижения.

— Предположим, у Вас, достопочтенный Сралля Дик, маленький член, — безвредно бормочу, и скамейки скрипят

от внезапного напряжения слушателей, лицо парнишки застывает, а Френсис расширяет глаза, — Такой... короткий и тонкий. Простите мою фантазию, но я уверен, что прав, — почти оправдательно жестикулирую одной рукой, — Так вот вопрос: неужели женщины, которых Вы подкладываете под себя, не имеют возможности прямо заявить, как им не повезло? Что делать той бедной и несчастной, которую Вы не то что не уважаете, а даже в постеле не удовлетворяете? Молчать?

Он раскрыл рот. Налился краской.

Будет ли слишком, если я достану телефон и сфоткаю его рожу? Она чрезмерно уморительна. Морис и Альма должны это видеть. Мы распилим кадр на три части и поставим парные аватарки в соц.сетях.

Френсис не дышит. И не глотает. Вот-вот в обморок свалится, из-за чего в груди колет, взгляд тяжелеет. Да, понятно, ей странно слышать такие вещи. Но они необходимы. Кошечке следует знать, что она вольна выбирать того партнера, который придется по душе. Возможно, через пару лет, когда девушка раскрепостится, я получу заветную просьбу, и сделаю все, о чем грезил ночью...

— Во-первых, — дребезжит Сралля со слюной у рта, потихоньку увеличивая громкость натянутого тона, — Вы не смеете обсуждать мое священное тело. Во-вторых, быть избранной проповедником — дар!...

— Ты хотя бы в курсе, где у девушки находится клитор, и

как с ним работать, даровальщик? — изнеможенно парирую, видя, как он булькает от ярости.

— У девушек нет клитора! — орет, стуча ладонями по дереву со всей мощностью скупых мышц, и мои брови взлетают, — Это выдумка таких грешников, как Вы!

...

Ого.

Вау...

Понял. Тут непоправимый случай. Учебник анатомии, видимо, тоже брехня...

Стоп. Он причинял вред Френсис?

Никак о ней не заботился, попросту рвал и переживал лишь о себе? Я бы подскочил и втоптал его в доски, если бы не резко мелькнувшая истина. Ее никто еще не трогал.

Дерьмо.

Конечно, это было на поверхности, но я не вдавался в такого рода анализ. Тут все твердят о чистоте. Получается, как и заведено в древнем мире, женщина ходит невинной до свадьбы. Френсис пока невеста. Не жена.

Она правда девственница.

Боже, какой прекрасный кошмар.

Я не знаю, что испытываю. Определенно облегчение, ведь кошечку не ранили. Вместе с тем... нервозность. Не общался с кем-то без опыта. Не представляю, как это делать верно. Она нецелованная, а я себя удовлетворяю, разворачивая красочные сцены близости в воображении. Тошно. Нельзя

так. Мое нутро подавляюще темное для ее нутра. Я фатально испорчен. Не соответствую. И теперь однозначно: соблазнять не стану. Не собираюсь спать с котенком. Она привяжется и будет рыдать от быстрого расставания. Огромная ответственность. Спасибо, откажусь.

Есть лишь один плюс: сердце стихает, усвоив положение ситуации. Я ей друг, и ничего серьезнее. Грустно, однако легко. Болеть перестанет.

— Итак, — цедит Сралля, не дождавшись моего ответа, да и не желая его получать, — Порядочный мужчина должен знать, как держать себя в чистоте. Губами запрещено касаться того самого несуществующего клитора, — язвительно отсылается ко мне, — А так же рук женщин, их ног и сосков...

— В чем проблема сосков? — чуть ли ни мычу, протирая глаза.

Проповедник выходит из-за стойки и авторитарно глядит на своих «подданных»: проверяет, согласны ли они с ним или со мной. На его радость, никто не разделяет возмущение. Это дарит ему уверенность. Голова вздергивается еще выше, и он отзывается, даже не смотря на меня, будто я того не достоин.

— Она оттуда будет кормить ребенка.

Я нахожусь в дурдоме.

— Окей, — завожу ладони в замке за голову, снова вытягиваясь по скамье, будучи утомленным, — Просто не целуй их в момент кормления.

Френсис опускает ресницы, скребя ногтем запястье чаще обычного. Я заставляю ее переживать? По-моему, волнения следует перенаправить в иное русло. Ее будущий муж отрицает любые ласки: знатный такой повод сбежать от него к тому, кто никогда бы не разочаровал.

— Это грех, — вторит Сралля через зубы, — О чем я говорил... мужчинам нельзя уболажать женщин...

— Ты десять раз подчеркнул, что не умеешь делать кунни и учиться не собираешься, но ни разу не сказал, что не умеешь делать минет...

— Вы самый плесневый человек, которого я когда-либо встречал! — лопаeтся он, кудахтая от возмущения.

— О, слава, блять, Богу! — восклицаю в ответ и встаю на ноги.

Достаточно. Я полагал, что тут можно что-либо исправить, но они полные неандертальцы, хотя и те, наверняка, радовались женскому оргазму. Поговорю с Френсис завтра наедине: более доходчиво поговорю. Без понятия, зачем сюда вообще приперся. Только разозлился сильнее.

Меня просто бросает в ярость от того, как они ее сломали. От того, какую навязали ересь. И я ненавижу то, что она доверяет им, пусть и не по своей вине.

— Покиньте... — выпроваживает проповедник, а я уже разворачиваюсь, поднимая руку в жесте «да больно надо», и ухожу, намеренно громко хлопая церковной дверью.

Достаю Charman из кармана брюк и вытаскиваю зажигал-

ку, чтобы закурить, снизить стресс. Иду к машине, размышляю о работе, переключаю все мысли во что-то стабильное. Мероприятие через два дня. Оно обязано пройти идеально, как и предшествующие. Для этого нужно удариться в организацию, а я тут разгуливаю по сектам и занимаюсь черт-те чем. Абсурд. Конечно, успею, но не люблю откладывать важное и торопиться в последний момент.

Поэтому собираюсь сесть в авто и рвануть в шахматный клуб, но Сралля Дик неожиданно выскакивает наружу, стремясь ко мне со скоростью света.

Пожалуйста, замахнись, чтобы я обрел оправдание убийства прямо в эту секунду.

Его ботинки пылят на иссушенной жаром почве, когда он тормозит, огибая авто. Я наклоняю голову вбок, втягивая дым, и хриплю:

— Уже соскучился?

Он лишь задирает нос и сжимает свисающие кулаки, негромко рывая:

— Она тебя не захочет. Никогда. Так что прекрати сюда приезжать. Ты ей не подходишь, и у нее есть будущий супруг.

Похоже, кое-кто ревнует. Пустой звук. Но я не могу подставить кошечку. Знаю, что не могу. Прежде всего для ее сохранности, ведь я уеду, а Френсис останется тут. Пока что.

— Если бы ты посмотрел внимательнее, — жеманно бормочу сквозь смог от табака, — То смекнул бы, что меня захочет даже твоя мама.

Его челюсть отвисает от наглости, за что ставлю себе пять с плюсом. Быть отличником — то еще веселье. И я не даю ему выразить глупое несогласие, когда затягиваюсь снова и делаю шаг вперед, дабы наклониться и пояснить:

— Но с Френсис у меня ничего нет. Я езжу сюда, чтобы побесить тебя: такое хобби. Однако... — мои пальцы цепляют лоскуток пояса с белого платья, и Сралля цепенеет при виде того, как ткань прожигается от сигареты, которую тушу похлопывающими движениями, — Если я когда-то увижу на ней следы насилия или уловлю, что ты причинял ей вред... — мои глаза вылавливают его перепуганные зрачки, а голос становится ниже и конструктивнее, — Ты начнешь умолять меня о смерти, потому что пытки будут невыносимыми. Даже в самом ужасном ночном кошмаре тебе не приснится все то, что я способен сделать, на что без колебаний пойду. Поэтому, будь добр, не заставляй переходить от слов к практике: веди себя хорошо.

Я выжидаю пару секунд, чтобы он проглотил информацию, а следом натягиваю беззаботную улыбку. Беру его подрагивающую ладонь и складываю в нее бычок, расстроено проговаривая:

— Мусорок у вас тут нет. Выкинь, окажи услугу.

Теперь, пожалуй, план таков: выпить пару стаканов кофе и, наконец, перейти к работе.

Глава 7

Френсис

Последние тридцать шесть часов выдались непростыми. Я сильно переживала, что было странно, ведь не помогали даже молитвы. Конечно, мой организм постоянно в стрессе, но этот вид беспокойства отличался от всех усвоенных. Потому что я волновалась из-за чужого человека.

Из-за Флойда Маккастера.

Он был крайне резок на прошлой проповеди, а на службе в четверг так и не появился. Сорвал святое слово Сралли, дерзил, ушел... последнее, почему-то, очень огорчило. Наверное, я испугалась, что больше не увижу его. Сегодня страх укоренился: Флойд не приехал в обед, и это заставило меня ощутить невероятную горечь в горле. Словно... утро без солнца. Свет есть, а тепла нет.

Я знаю, что он не обещал посещать все собрания, но он так же не говорил, что не будет приходить, поэтому я запуталась в том, как отныне обстоят дела.

Мне бы... хотелось...

Так трудно рассуждать о своих желаниях... однако я бы правда... была бы рада встретить его... снова. Он напрягает, но не так, как Сралля или родители. Это иной вид замешательства. Я не разобралась, что именно имею в виду. Простите. Слишком сложно.

Все шло своим чередом двадцать лет жизни, а потом он вырос из-под земли и внес коррективы. Наша встреча в са- рае, пятнадцатого июля — лучшее, что со мной случилось. Флойд, сам того не ведая, устроил день рождения мечты. От- мечают исключительно мужчины, так что меня никто не по- здравлял — лишь напомнили о важности наступившего воз- раста, ведь накануне состоится замужество. А Флойд... он ничего такого не говорил. Шоколад подарил, дал писать в альбоме... я хотела плакать и кое-как контролировала эмо- ции. Пару раз чуть было ни сорвалась коснуться жилистой руки... поднырнуть под большую ладонь и молчаливо по- просить переплести пальцы. Но, к счастью, смогла обуздать грешные позывы.

Пришла домой тихо, в кровать забралась, улыбалась в по- душку. Радоваться нельзя, разумеется, и все-таки я не сдер- жалась. Поспала всего два с половиной часа, встала в пять тридцать и пошла заниматься праведными вещами: обряд омовения, молитва, раскаяние, приготовление завтрака и утренняя приборка. Усталости не чувствовала: сердце грела наша встреча, его забота, осознание, что впервые день рож- дения отмечился. И я ждала его на службе: невыносимо жда- ла. Чтобы еще раз почувствовать радость этого дня. А он... он был не в духе. Превратил проповедь в спор. Но это не бе- да, я все равно была рада и такому присутствию — тем бо- лее, ему, как мужчине, лучше знать, что говорить. Боль на- ступила, когда Флойд исчез. Он всех ненавидел. Презирал.

И я подумала, что, кажется, на меня мужчина разгневан тоже — я состою в общине, устои которой ему чужды. Так что мой лучший день рождения в одночасье стал гложущим: придя в спальню, не переставала ронять скромные слезы.

А потом отец сказал, что снова будет учить взрослой жизни. Мама, естественно, тоже рядом находилась... Я жмурилась, стараясь мыслями переместиться в другое место — и почему-то всегда обнаруживала себя там, где пахнет духами Флойда, которые дарят покой.

Я перенесла нашу встречу в том числе и поэтому: примерно понимала, что нагрянет урок, и ходить ближайшие пару часов вряд ли получится. Так вот сегодня почти восстановилась, а до нашего единения остались считанные минуты. Мне пора вылезать из постели, красться к двери... Отец храпит громко, из-за чего мама пихает в щели окон тряпки, дабы подавить нечестивый звук — шум раньше меня тревожил, а сейчас помогает. Благодаря ему легко улизнуть к Флойду.

Но придет ли он сам?

Я почти уверена в обратном. Парню надоело слушать чуждые заповеди и общаться с немой пустышкой. Стыдно перед ним: он позаботился очень, а взамен получил птичку из бумаги. Но я не могу предложить что-то еще. Мне нечего предлагать. Такой позор...

Если не застану его у сарая, сильно опечалюсь — и вот, в чем проблема. Вот, почему ему правильнее не быть там. Я начинаю ждать каждого взгляда и каждого нового слова.

Затаиваю дыхание, когда мы оказываемся близко. Ведушь на поводу у искушения, что когда-то аукнется сполна. Мне же запретили с ним видаться... зачем тогда рискую?

Мама строго объясняла днем, что любой чужак, которого я повстречаю, обязательно захочет разрушить мою идеальную жизнь. Он будет милым и интересным, но это уловка, потому что позже его руки разорвут меня на куски. Она выдвинула шепотом:

— Тот надменный высокий парень. Кто он для тебя?

Я мыла полы и сразу проговорила:

— Никто. Совсем.

Было страшно попасться с поличным, однако женщина, вроде бы, поверила. Села на скрипучий стул за обеденный стол и помолчала, прежде чем тихо подвести суровый итог:

— Позволишь ему стать кем-то, и он отнимет все, что имеешь. Украдет из родного дома в грязные места, где всегда страшно. Такие, как ты, интересуют таких, как он. Мужчины вроде него опасны, хоть и красивы. Так что не соблазнись перед демоном. Не смей.

Я кивнула, хотя была не совсем согласна. Флойд... не плохой человек. Знаю, опрометчиво так считать. Но он... он правда добрый. Они ошибаются, называя его ужасным.

И мне не кажется, что я его привлекаю. Парень обозначал: ничего, кроме безопасной коммуникации, дружбы. Быть может, мама переживает, что я сама в него влюблюсь и разнервничаюсь перед зачатием ребенка со Сраллей... Но ей не сто-

ит думать о подобном. Флойд энергичный, громкий и разносторонний. Мы кардинально разные. И даже если бы я очаровалась им, он бы меня отверг. Это логично.

А еще... печально.

Потому что все, что я делаю — размышляю о нем. Чем бы ни занималась, Флойд Маккастер не покидает голову. Сопровождает и при домашней рутине, и при молитвах, и даже во снах... не знаю, что он там забыл. Пробрался на задворки мозга, вылезать не планирует. Как это решить? Нам ведь ничего не светит, кроме тайных посиделок в сарае со свечей. Скоро и это кончится — или кончилось уже — так как ему станет невыносимо от моей замкнутости. Я блеклая, а он харизматичный до крупниц естества. Так что настанет день, когда его авто больше не появится у церкви, и все прекратится.

Оно и к лучшему, конечно. Я скоро стану женой, а потом мамой... разные цифры на календаре, но совершенно одинаковые дни. Для Флойда ничего не значил тот шоколад и та беседа. А для меня это единственная ночь, отличающаяся от всех предыдущих. Уникальность, которую я пронесу в памяти до смерти. Жаль, что никому о ней нельзя рассказать... совсем никому.

Я тихонько выхожу на улицу и по миллиметру закрываю за собой дверь, сощурившись от страха перед скрипом. Поправляю волосы и разглаживаю ночное платье. Ни единой души. Привычная тишина, развеваемая слабым ветром. Воздух пахнет остывшей полынью. Звезды освещают тьму сгуст-

ками. Я поджимаю губы от учащенного сердцебиения. Не придет. Он не придет. Он правда не придет.

Однако я должна проверить, чтобы успокоиться. Поэтому обнимаю себя руками и шагаю балетками по земле. Дома быстро остаются позади, сменяясь невысокими кустарниками — через них пробираюсь особенно аккуратно, чтобы платье не замаралось. Голову не поднимаю: не хочу расстраиваться раньше времени. Но через десять минут ходьбы... вижу длинные ноги в двух метрах от себя. Его ноги.

Он тут.

Я сплю или парень действительно приехал? Зачем? Что заставило его? Или он и не собирался отменять визит? Я что-то не так поняла?

Он приехал.

Флойд приехал.

Флойд приехал ко мне опять.

От одного этого грудь захлестывает смесь животрепещущих эмоций. Я задерживаю дыхание, останавливаясь напротив него. Всего три шага, и снова бы уткнулась в сильный торс, как тогда, в церкви. Но нельзя. Грешно. Да и парень не хотел бы... по какой-то причине меня скребет данный факт.

— Привет, кошечка, — хрипло произносит, совсем размеренно и тепло, держа меня под прицелом внимательных глаз, — Рад, что пришла. Я скучал.

...

Скучал?...

Я не так поняла его снова... глупая. Ему всего-навсего было скучно дома, и именно это он обзывает тоской. Очень... жаль. Жаль, что такие красивые слова не адресованы мне. Хотя, я их и не заслуживаю. Размечталась... с ним всегда происходит подобное — погружаюсь в немыслимые фантазии, которые позже приходится отмаливать.

Именно это и разрывает на части: я хочу его видеть, но испытываю стыд за то, что вообще чего-то хочу. Мне запрещено желать. Запрещено двигаться вне приказов. Без Флойда я праведная. С ним совершаю ошибку за ошибкой. Это подавляет и вынуждает страдать.

Будто во мне борются две стороны: одна из них хорошая, а вторая отвратительная. Я чувствую себя окрыленной с парнем, пока не вспоминаю, что творю настоящую плесень. Что сама становлюсь этой плесенью. Внутренняя дилемма регулярно оканчивается огромным чувством вины и омерзением к собственному поведению. Я говорила, как улыбалась в подушку после встречи, но упустила, что, одновременно с тем, пребывала в глубочайшем самобичевании.

Мне трудно, и единственный способ избавиться от ноши — не приходить к Флойду.

Но я... я хочу к нему. Даже если это крайне плохо.

Парень не винит за молчание. Лишь безвредно выдыхает и совершает несколько аккуратных шагов навстречу, отчего мои плечи моментально приподнимаются, а голова опускается еще ниже. Теперь мы ближе. Его взгляд обволакивает

мою макушку. В нос ударяет тот самый дерзкий аромат, от которого коленки подкашиваются. Я ожидаю всего на свете: команды, грубости, замечания. Не угадываю. Он умеет удивлять до остановки сердца.

— Тебе, — произносит тише, сглотнув, и убирает руку из-за спины, чтобы протянуть... букет незнакомых цветов, — Я знаю, что домой не заберешь, естественно. Но это ведь не повод не дарить их, да? — он будто советуется и ищет одобрения, ощущая себя шатко, несмотря на то, что голос вроде бы ровный, — Увезу с собой, когда уеду. Но они твои и для тебя. Ты... хотела бы их взять?

Я таращусь на лепестки... наполовину светлые, наполовину винные оттенки. Композиция завернута в два вида бумаги: тонкую белую и основную черную. Почему он... дает их... сейчас?... Тишианцы цветы получают всего однажды за жизнь — когда их погребают под землю в гробу. Мы выращиваем ромашки самостоятельно, как раз для таких случаев. Флloyd... меня хоронит?...

Я сомневаюсь в ощущениях. Досадно получать намеки о смерти... но парень нервничает. Ему не по себе: от того, что бездействую. Не хочу расстраивать, поэтому робко забираю букет и кусаю внутреннюю сторону щеки, изучая знак завершения судьбы в руках. Хотя эти растения гораздо красивее наших. А значит, есть шанс, что они не несут в себе негатив? Я запуталась... мне снова очень стыдно...

— Пойдем? — неуютно бормочет, — Вкусное тоже при-

вез. Все в рюкзаке. Ты не должна, конечно, я приглашаю, а не настаиваю...

Я прижимаю цветы к груди, потому что если они и траурные, то все равно подарены им — то есть бесценные. Слабо киваю и иду к сараю. Флойд под боком. Не отстаёт. Все так же глядит неизменно. Станный...

Он открывает дверь, пропуская меня вперед, и я смущенно слушаюсь. Шум кустов остается за пределами постройки. Мы снова наедине. То, чего я так сильно ждала, за что себя корила, и за что переживала до слез. Но это... будто стоило того. Словно любая боль оправдана, если наградой будет его присутствие.

Я не забыла, как убегала от парня буквально пару дней назад, однако сейчас ситуация слегка изменилась. У меня появилось... чуть больше доверия. И самое главное — малая безопасность. Я не скажу, что не боюсь его — как раз таки наоборот, он пугает до потери пульса своим бережным отношением ко мне с перепадами на маты для Сралли. Но я однозначно боюсь его меньше, чем кого-либо другого. С ним спокойнее. Не объясню, почему и каким чудом.

Нечто, сравнимое с пожаром. Если я попаду в пекло одна — сгорю, мучаясь. Если там будет Флойд — выживу, ведь он укроет собой. Вот, на что это похоже. Я очень, очень стараюсь складывать аналогии, чтобы понимать происходящее. Анализировать... разбираться...

Опять грешу.

Избить меня мало. Пора прекращать думать о чем-то, кроме домашних дел и предстоящей ночи со Сраллей.

И все же я вновь поднимаюсь по лестнице. И все же я вновь держу ее для Флойда. Он достает плед... своими красивыми руками. Расстилат и приглашает. Почему я сажусь? Почему не уйду? Где найти подсказки или ответы?...

Он занимает то же место, что и раньше, но, замаявшись на пару секунд, прочищает горло и, как бы ненароком, пересаживается поближе на сантиметров пять. От этого по лицу расплывается жар. Я стараюсь не выдавать никаких эмоций, кроме полного смирения, как и следует делать. Тем не менее, руки в замке застыли. Скребу запястье ногтем и туплюсь прямо. Думаю. Думаю. Снова думаю. Хочу показать ему, что желаю общаться. Чтобы он не полагал, будто это только его инициатива. Или будто мне без разницы. Потому что все не так, очевидно, но извечная тишина может свидетельствовать об обратном. Меня затыкали с пеленок и били, если не слушалась. Флойд же, напротив, словно ждет слов. Это сложнее, чем кажется — переступить через барьер, размером со степь. И я правда пытаюсь: приоткрываю дрожащие губы, желая связать два слова. Жалкий набор букв. Не получается. Совсем. Ком поперек горла, страх и боль. Я могу общаться со Сраллей, если тот задаст вопрос. То же самое с отцом. Но с чужими, а особенно с мужчинами — нет. И я же нагрешу... я согрешу слишком сильно, если пойду на такой шаг...

— Хочешь взять альбом и ручку? — нерасторопно предлагает он, и я тут же киваю с непростым выдохом.

Это то, что я и пыталась произнести. «Можно альбом?». Спасибо волосам, за которыми спряталась: Флойд не застал картину, как я панически борюсь за не озвученные слоги. Он и без того считает меня ненормальной, а при виде коротких судорог так вообще бы ушел. Заслуженно.

Я не умею выстраивать дружеские отношения с людьми. Такому не учили и учиться самостоятельно запрещали. Поэтому не понимаю, чего конкретно Флойд от меня ожидает и как оправдать его надежды. Было бы хорошо посоветоваться с кем-то... нет, не хорошо. Нужно прекратить встречи и настроиться на намеченные планы.

И до того было страшно от представления близости с проповедником. А теперь, когда появился Флойд... стало еще более горько. Будто кто-то поиздевался. Он буквально... воплощение всех моих сокровенных плесневых желаний и даже лучше. Но безликой тишианке не дотянуться до такого мужчины... уж слишком высокий. Ой... я что, пошутила?...

— Держи, — аккуратно проговаривает, укладывая предметы рядом со мной, — Я тут... эм... купил ручки других цветов. Пиши, какой пожелаешь. Все на твой выбор, кошечка.

Я закусываю внутреннюю сторону щеки, робко поворачиваясь к яркой упаковке. На ней написано «Ручки гелевые. Неоновые. С блестками. 24 штуки».

Что такое «неоновые»?... И что такое «блестки»?... До знакомства с Флойдом я знала только карандаш...

В груди загорается то особенное чувство, что возникает каждый раз при контакте с парнем. Интерес. Какая-та жизнь. Я открываю прозрачный чехол и растеряно изучаю оттенки. Сжимаю подбородок двумя пальцами на несколько секунд, и, пораскинув, стеснительно вытаскиваю красный. Нас заставляют любить и поклоняться белому. Так или иначе, алые цвета привлекают меня сильнее. Просто... это нельзя продемонстрировать.

Но с Флойдом можно.

Он улыбается выбору, отчего мое бедное сердце трепещет вновь. Я не видела его лицо близко, хотя рассматривать... хочется. Невероятно. Любоваться и пугаться тому, что люблю. Со Сраллей таких влечений не возникает... это ужасно, да?...

Помещаю альбом на колени и уже на опыте открываю крышечку, чтобы с волнением приступить к письму. Буквы и вправду красные. Если чуть наклонить бумагу, переливаются. Блестят. Это... ого...

Впечатлений не счесть.

В мире Флойда все такое красочное? Теперь я лучше понимаю, откуда в нем столько насыщенности. Я бы, вероятно, тоже светилась, будь мне доступны подобные штуковины.

Сегодня не спрашиваю про инопланетные тарелки. Первое, что пишу: «Я думала, ты злишься на меня и больше не

приедешь».

Быть честной с ним — глубинная потребность. Словно это правильно не по уставу религии, а по зову души. И, когда неуверенно поворачиваю лист, ощущаю целую смесь эмоций — как своих, так и его. Во мне уйма смущения от признания, а во Флойде возмущение, отрицание, воодушевление и суетливость. Он будто... будто лопнет от переизбытка. Это... мило... очень. Он красивый...

— Почему ты так думала? — хрипит с беспокойством и хмуростью, заглядывая в мой профиль, — Я не могу на тебя злиться, мне не за что. И я держу обещания, которые даю, Френсис.

Почему не злится?... На меня все-все злятся. Я вечно что-то делаю не так — моя вина. Разве все его устраивает? Так не бывает. Приподнимаю плечи и возвращаюсь к бумаге, чтобы создать ответ, который гласит: «Ты ушел с прошлой проповеди и не был на сегодняшней. Тебе и не нужно на них ходить, нет. Просто я соединила все в одну цепочку и... переживала. Прости, это очень глупо».

Теперь он читает слово за словом, как только они выходят из под руки. Не дожидается поворота альбома. Придвинулся еще ближе, чтобы без помех видеть буквы: между нами не иначе чем сантиметров пятнадцать. Нетерпеливый... я сглаживаю и больше не вижу смысла двигать бумагу, когда заканчиваю. Смысл не падать в обморок утерян тоже, ведь его парфюм атакует без снисхождения. Он решил свести меня с

ума. Мама, наверное, все-таки права. Сижу тут с дьяволом добровольно и поддаюсь чарам... а кто бы не поддался?...

— Это не глупо, — мотает головой, добивая подкошенный рассудок пронизательным тембром, — Это твои чувства, Френсис, никто не имеет права обесценивать их — даже ты сама. Я не предполагал, что все будет выглядеть для тебя таким образом. Ушел, так как был... — он подбирает выражения помягче, — Рассержен на тот бред. Не приехал сегодня днем, потому что работал. Было много дел. Прости, я предупрежу в следующий раз. Обязательно.

Он так часто извиняется... никто, кроме него, прощения у меня не просил. У Флойда и повода-то нет испытывать вину. Это... нежно. В самом прекрасном плане. Заботиться о моем комфорте. Быть тем, кто показывает и окунает в комфорт.

Я тут же вывожу: «Кем ты работаешь?». Флойд не проповедует — разве что какую-то свою неадекватную веру, где женщины с мужчинами на равных... И я солгу, если скажу, что не размышляла о его жизни. На ум приходил лишь один род деятельности. Профессий мало. Так что, обмозговав варианты, остановилась на садовнике. Он занимается рассадой. Сегодня подтвердил: принес букет. Это талантливо... выращивать столь диковинные цветы. Надеюсь, его труд ценят по достоинству.

— У меня шахматный клуб, — шокирует, помедлив с ответом и отвернувшись, — Я им владею. Знаешь, что такое шахматы?

А как же клумбы?... Может, Морис — садовник? Или Альма? Им бы тоже подошло. Они все чудесные — искренне так считаю.

Я сжимаю ручку пальцами, когда черкаю в замешательстве: «Знаю. Но не знаю, что такое "клуб"». Флойд снова обращает взор на лист и тихо усмехается без укора.

— Ну... место по-интересам, где собираются люди и проводят время. Вроде того.

Через считанные секунды он внимает новый вопрос: «Получается, в твоём клубе проводятся шахматные партии?». Я жалею, что спросила. Потому что замечаю краем глаза, как парень прикусывает кончик языка... мне не стоило лицезреть это. В горле запершило.

— Да, — неброско бормочет, обвивая натренированными предплечьями длинные ноги, — Все так. Хочешь, расскажу что-то еще о своем мире?

Я без колебаний киваю, будто голодаю по сказкам. И Флойд вытаскивает вкуснейший шоколад, приступая к рассказу: мягко, без спешки, периодически уточняя, понимаю ли, о чем идет речь. А я не понимаю... он делится про дом. Толкует о каких-то квартирах... это так странно. Люди действительно живут друг над другом? Разве им удобно?

«Можешь зарисовать?» — прошу я, параллельно наслаждаясь лакомством. Он не отказывает. Без проблем берет альбом и чуть откидывается к скошенной стене затылком, забавно бубня:

— Из меня дерьмовый художник, кошечка. Но попробую, конечно.

Я глотаю скопившиеся нервы, когда следую за ним и тоже прислоняюсь головой к доскам, дабы следить за рисунком. Наши плечи случайно соприкасаются, и кадык парня тяжело перекатывается от пробежавшего тока. Он мельком осматривает ту область, которая контактировала со мной. Поджигает пухлые губы и утыкается в творчество. А я попросту раскаиваюсь за очередной грех. Хотя такое ничем не отменить....

— Вот так выглядит здание, — негромко проговаривает, ответственно стараясь передать картину достоверно, — Вытянутое. Пять этажей. Кофейного цвета... — он ищет коричневую ручку и вытаскивает ее из упаковки, чтобы заштриховать пустоты, бесконечно поглядывая на меня или на мои... губы, из-за чего покрываюсь малым жаром, — Много зеркальных окон. Прямо напротив него, вдоль центральной улицы, расположен хороший ресторан «Urban Graze»... — Флойд подмечает, как взялась за подбородок, и наконец разрешает загадку столетия мирным тоном, — В ресторанах готовят еду. Ты приходишь туда, чтобы поесть. Выбираешь понравившееся блюдо и заказываешь его. Ассортимент большой. Салаты, супы, вторые блюда, десерты, напитки. Туда я тебя приглашал. И... предложение в силе, разумеется. Ты только скажи, что хочешь поехать — я сразу увезу.

Увезет? Мне нельзя. Отхвачу по полной программе. Отец

избил за вопрос про город. Что будет, если уеду на пару часов? Убьет. Флойд не понимает... к счастью, не настаивает. Слегка поджимает губы в акте некоего расстройтва и переводит тему в прежнее русло, не меняя громкость бархатистого голоса.

— На каждом этаже по несколько дверей — это входы в квартиры. Моя квартира — тридцать пятая, — я действительно благодарна тому, что он все помечает на бумаге, это облегчает усваивание информации, — В доме четыре подъезда. У меня первый. Вот так, смотри, — на листе добавляются свежие линии и цифры, — У здания стоят много автомобилей, вровень моему... — секундная пауза и нахмуренность веселят, он поправляет сам себя, чуть ворча, — Нет, не все машины классные, только моя, конечно. Но там много машин, да. В городе ими активно пользуются.

На мне бесконтрольно появляется слабая улыбка. Флойда волнует, что сочту, будто есть кто-то лучше него? Зря переживает. Если бы передвигался на суповой ложке, ничего бы не поменялось в моих глазах. Стоп... я попробовала пошутить снова?...

Вернусь домой и уткнусь в книги, чтобы выискать молитву подлиннее и посерьезнее. Меня накажут свыше. Не дадут зачать ребенка, из-за чего стану огромным разочарованием. Все будут относиться, как к мусору. Потеряю уважение общины. Этого нельзя допустить... плохи мои дела. Крайне плохи.

Так или иначе, на переднем плане выступают другие мысли. Я лишь цепляюсь за те, разумные, чтобы сохранять хотя бы малую чистоту. Но это трудно, потому что наши плечи соприкоснулись вновь...

Он не отстраняется сам. Ждет и угадывает, отдаюсь ли я. Повисает хрупкое молчание, почти звенящее, в котором чувства душат горло горячей хваткой. Я стараюсь держаться ровно, гляжу вперед и еле глотаю. Голова Флойда без стеснения повернута к моей. Он так осторожничает... теперь даже смотрит робко, медленно обводя взглядом профиль опять и опять.

А затем решает выбить любую сохранившуюся здравость.

— Ты очень красивая, Френсис, — нелегко шепчет, переполненные слова ударяются об мою щеку и высасывают кровь, — Знаешь об этом?

Я умерла.

Об этом и вела речь мама? «Не соблазнись перед демоном». Но у него внешность ангела... пусть и падшего. Мужчину словно изгнали из светлого места за непослушание высшим силам, и он перешел на темную сторону. Но ведь... это ведь не так плохо... он... Флойд... прекрати...

Его голос звучит, как обещание из ада, произнесенное в раю. Сплошные противоречия. Мое сердце гроыхает по телу раскатами, и я глупо мотаю головой в заикающемся жесте «не знаю». Краем глаза вижу, как идеальная челюсть сомкнулась, а брови сдвинулись. И он вторит тем же прерыви-

стым шепотом, будто опасаясь чего-то не меньше меня. Опасаясь самого себя.

— Самая красивая. Я говорю правду. Кошечка, которая заслуживает другого места. Счастливой жизни. Тебе страшно от таких вещей...

— Нет, — неожиданно шепчу, и это поражает нас обоих раскатом молнии, оставляя звон в висках.

Он даже секундно дернулся, распахнув тяжелые ресницы и смочив губы, анализируя, не почудился ли ему мелькнувший миг. Я прекращаю дышать и прикладываю ладонь ко рту, впадая в мелкую тряску. Это не специально. Случайно. Обещаю. Клянусь. Я случайно. Простите, простите, я случайно, я не хотела, все вышло не нарочно.

На парня накатывает протест: ему не нравится, сколько вины источает мое лицо. И я готовлюсь к тому, что он кинется яростно толковать о «нормальности» права говорить. Полагаю, он готовится тоже. Собирается поступить именно так. Но затем, дав себе еще одну секунду, оглядев мои дрожащие пальцы и побелевшую кожу, запрокидывает голову, играя желваками шеи, и прислоняется к стене, чтобы бегло взять... ручку с альбомом. Длинные пальцы выводят неровные буквы черными чернилами. Мне трудно прочесть их поначалу из-за пелены увесистых слез. Я часто моргаю, позволяя двум соленым каплям скатиться по щекам и разбиться об выразительные костяшки, отчего Флойд выпускает тяжкий дрожащий выдох, значение которого мне не дано познать. Но

слова разобрать получается.

«Ты не сделала ничего плохого. Не стыдись того, что живая. Я тобой горжусь. Столько труда прилагаешь, хоть и не осознаешь этого. Главное — не отталкивай. Если тебе нужен перерыв, скажи. Не буду приезжать дня четыре или неделю...»

Там написано что-то еще, но я не дочитываю, когда беру красную ручку и чуть придвигаюсь, дабы зачеркнуть тревожное предложение. Мне не нужен перерыв. Я не хочу, чтобы он пропадал. Скучала тридцать шесть часов, а Флойд говорит о какой-то неделе. Потому недовольно закрашиваю часть написанного: он приоткрывает рот, не понимая поначалу, но затем, когда схватывает суть, улыбается, таращась на меня так, словно я совершила очередной подвиг. В нем буквально плескается похвала и жажда поощрить.

Я откладываю ручку, смущаясь внимания, и читаю то, что осталось в коротком тексте. «Ты действительно смелая кошечка. Все постепенно. В твоем темпе. Это твоя жизнь, и тебе решать, как шагать».

Почему он такой замечательный? Я живу в белой общине, но, по-сравнению с Флоридом, люди здесь мрачные. Да, парень ругается на Сраллю и порядки. Порой его высказывания сродни острым ножам, и я вздрагиваю, когда с красивых уст произносится что-то такое, что у нас считается невиданной грязью. Иногда он говорит про прикосновения, про тела, про желания — и у меня внутри все сжимается, будто я

нарушаю правила просто потому, что слышу это. Но, вместе с тем, Флойд умудряется зализывать раны, как сейчас. Я не встречала никого более контрастного. Он не взрывает мой мозг. Он его... переворачивает.

Я смотрю на полосу света с окна и покрываюсь болью, ведь скоро начнет светать. Время вновь подошло к концу. Флойд тоже смекает: его грудная клетка протяжно опускается. Я заправляю локон волос за ухо и нехотя пишу в альбоме, что лежит на его коленях: «Ты приедешь завтра?».

Его нежный ответ не может успокоить, но я все понимаю и грущу лишь секунду. Ожидание не напрасно.

— Не получится. Работаю работу. В субботу ночью есть возможность. Договорились?

В городе все вверх тормашками. Играют в шахматы после захода солнца... безумцы. Я киваю, чувствуя себя переутомленной от объема открытий. Цветные ручки, квартирные дома, рестораны...

Что же еще таит тот удивительный мир, в который мне так отчаянно запрещают попасть?

Глава 8

Флойд

Меня нельзя злить. Каждому известно: я вполне себе мирный человек, но у выдержки есть предел. Особенно, когда люди конкретно лажают. Так что они все, блять, сейчас получат пиздов.

— Ты, мать твою, будешь уволен, если не примчишься сюда через три минуты! — чеканю в трубку, скрежеща зубами, и скидываю звонок, как только слышу новые оправдания.

Ненавижу это — суетливые, плаксивые отговорки. Тайминг важен. Каин должен был запихнуть двух ублюдков на арену уже как полчаса назад, но он, сука, проспал. Мне что, самому руки марать? Они оба немытые и остервенелые от голода. Я не стану заниматься таким дерьмом, будучи в ебаном наглаженном, парадном костюме.

Только оделся: черные брюки и жилетка, белая рубашка, темный галстук и алый бархатный сюртук. Волосы уложил, лакированные ботинки зашнуровал поплотнее. Каин, уебищный он дебил, реально предлагает мне спускаться так в «темницу» и тащить гребаных моргиналов в кандалах?! Самое смешное: придется, если он не появится с минуты на минуту. Гости собрались в холле наверху, распивают напитки, трещат о ставках. Они не будут ждать, не привыкли — я всегда организовываю все четко по часам. Непорядочно по-

ступать иначе, когда владеешь бизнесом такого уровня и такой прибыли.

— Мистер Маккастер... — боязно затевает Чанг, которые уже как вечность переминается с ноги на ногу, стоя в моем кабинете, — У нас проблема... Мы забыли заказать Шато Петрюс для миссис Вандербилл, а она вот-вот прибудет...

Да я их... голыми руками...

— Нестрашно, — спокойно киваю, переводя на него внимание, и он выдыхает в облегчении, — Прямо, по коридору, направо и вверх по лестнице. Уяснил?

Чанг впадает в замешательство, бегло напрягая извилины, и с дрожью бормочет:

— Но это... черный выход... во двор... я уволен?...

У него имелась одна задача: следить за банкетом. Он не справился с пунктом, прописанным жирным шрифтом. Чем мы, блять, удивляемся?!

— Можешь считать это милосердием. Обычно я заканчиваю людей хуже, ты знаешь, — сообщаю так же спокойно, прежде чем раздавить гневом, — Свободен, живо, или начну развлекаться.

Паренек вешает голову и удаляется прочь. Наши пути расходятся, когда выхожу скоординированным шагом в противоположную сторону золотистого минималистичного коридора с потолочными лампами приглушенного теплого света. Нажимаю на кнопку лифта, игнорируя лестницу, ведь и так припозднился. Часы на запястье показывают полперво-

го. Шоу стартует в час, но подготовка не завершена — к счастью, это исправляется, как только стеклянные двери распаиваются. Каин бежит сломя голову, поправляя растрепанные черные волосы, и я выдыхаю через ноздри. Ему очевидно нужно в душ, а через час будет пора выносить оружие. Идиот.

— Мистер... Мистер Маккастер, — он теряет дыхалку, подбегая ко мне, пока держу кнопку лифта, оказывая великодушные, предоставляя ему минуту для разговора, — Не повторится. Клянусь. Управлюсь быстро сейчас, не подведу.

Проблема в том, что они не настолько виноваты, и мне это известно. Сам накосячил: сдвинул брифинги и собрания из-за встреч с юной кошечкой. Это сбilo порядок: кто-то расслабился, кто-то не учел нюансы. Но я полагал, что они не такие бездари и смогут справиться без команд, которые обсуждаются из раза в раз на протяжении двух лет. Хотя Чанг с нами недавно. Стоило ли сделать на его малый опыт скидку? Нет. Нахер не сдались те, кто с первых дней совершают ошибки. На эту должность легко найти нового сотрудника — ответственного.

— Я терпелив только потому, что ты не портачил раньше, — замечаю с пассивной агрессией, и вижу, как Каин бегло мотает подбородком, — Единственное и последнее предупреждение. Если через пятнадцать минут Патриша не скажет мне, что все готово, пеняй на себя.

И он срывается к двери для персонала, судорожно вво-

дя код в панель на стене. Из-за Чанга необходимо менять комбинацию цифр: мне не нужен внезапный визит, ему сюда вход отныне закрыт. Не терплю любой неуверенности, касательно дел.

Захожу в лифт и нажимаю на первый этаж, поднимаясь с нулевого. Смотрю в зеркала, поправляю одежду, натягиваю шаблонную улыбку. Как же это... поддельно. Я особо не замечал, пока не познакомился с девушкой, в которой царит сплошная искренность. С которой я сам становлюсь таким же: настоящим.

Наша крайняя ночь наедине взорвала сердце. Я никогда не испытывал табун мурашек от соприкосновения с чьим-то, мать его, плечом. Но Френсис... такая маленькая, светлая и живая... иногда мне кажется, что ее не существует, потому что в этом гнилом мире не мог появиться кто-то настолько прекрасный.

Мне нельзя думать о ней часто, иначе сорвусь, сгребу в объятия, увезу оттуда силой, а дома уложу на матрас и буду засыпать поцелуями от ушей до чертовых пяток.

Гости в костюмах и платьях реагируют на появление овациями. Как только раздается звук от прибытия лифта и двери открываются, все аплодируют, воркуя:

— Флойд, наконец-то!

— Принц снова с нами!

— Право, что вы, ну какой же принц? Посмотрите на него!

Король от дьявола!

Я прислоняю ладонь к груди, чуть кланяясь им с «великим удовольствием» в лице и посмеиваясь, попадая «в руки» высокого общества. Фоновая классическая музыка сопровождает звон посуды. Официантка тут же оказывается близь меня с подносом, молчаливо предлагая шампанское. Я беру бокал и незаметно оббегаю взглядом обыденно скромное помещение, что к наступлению мероприятий превращается в роскошь. Шахматные столы убираются — а я не наврал Френсис, днем здесь правда проводятся мирные партии между жителями Нью-Хейвена. Мы занавешиваем люксовую отделку и картины, декорируя все под незамысловатость. Нас может выдать только свечная люстра на высоком потолке, стоимостью в пятнадцать тысяч долларов. Но... разве кто-то из среднего класса разбирается в предметах девятнадцатого века? Я в курсе, что да, но утешаю себя обратным.

Так или иначе, сложностей возникнуть не может: я плачу, кому надо, чтобы отмахнуться от неожиданной проверки проезжающего мимо патруля полиции. На входе стоит охрана, как и внутри. Один из здоровяков как раз кивает мне в знаке «полный порядок», и я со спокойной душой позволяю себе переключить внимание на крупных спонсоров.

— Я слышала, сегодня шоу развернется буйно? — милуется мисс Уитмор, чей возраст, вроде бы, уже не подразумевает активных представлений.

Я не знаю, как у престарелой дамы не тормозит сердце при виде убийств. Ставлю все нажитое: она могла бы стать

маньячкой, а дома, наверняка, держит молодых мальчиков для траха. Так эта внешность выглядит.

— Полагаю, — киваю с улыбкой, — Скучать точно не придется.

— Флойд, — вальяжно стучит по плечу Редклифф, подходя из-за спины, и я впервые благодарен сорокалетнему мужлану за то, что отвлек меня от женщины, — Как твое ничего?

Я кривлю губами в извинительной форме для старушки и поворачиваюсь к собеседнику. Он жует тарталетку с черной икрой. Френсис пробовала морепродукты? Зачем я спрашиваю, и без того понятно... когда-то накормлю всем на свете.

— Неизменно в гору, — произношу, отпив алкоголь, — Что насчет тебя? Как прошла встреча с Бартом?

Мне вообще неинтересно.

— Отлично, выиграл дело, — усмехается он, а следом вводит в неприятное замешательство, — Слушай, ты до сих пор не окольцован, так?

Мои брови на секунду изгибаются, но я тут же меняю эмоцию на непоколебимость. Отвечаю самое честное с легкой ухмылкой:

— Нет, и не собираюсь. Это не мой стиль.

Я был убежден, что проведу судьбу с незнакомками. В последнюю неделю появились некоторые... колебания, черт бы их побрал. Однако курс не меняется. Временно окунуться в тепло с уникальной девушкой — неплохо. И все-таки я ее забуду. Когда-то. Через месяц.

— Мм, ошибаешься. Есть выгодное предложение, — опровергает Редклифф с прищуром, — Помнишь мою дочь Маргарет?

Да, я трахал ее около полугода назад на твоей террасе, потому что она о том мечтала весь ужин. К счастью, ты не поставлен в известность.

— Она прелестна, — говорю то, что ему понравится, ведь нам еще сотни раз контактировать.

Мужчина радуется оценке, поистине польщенный.

— Ты тоже ее привлекаешь. И, знаешь, было бы выгодно... объединиться, — он наклоняет голову вбок, а я желаю закатить глаза, — Сложим наши капиталы, станем семьей.

Серьезно? Вам было бы легче женить черта на взрывчатке — так хотя бы понятный результат. Я никогда не вступлю в брак. Ни с кем. Ни за что.

— Я не семьянин, — смеюсь, отзываясь откровенно, — Уверен, Маргарет гораздо больше подойдет другой жених.

— Никто не принуждает хранить верность, — разводит одной рукой, будто я сказал нечто глуповатое, — Гуляй, сколько душе угодно. Я лишь говорю о выгоде. Но это лучше обсудить в другом месте. Я напишу СМС, — указывает пальцем, отдаляясь, — Надеюсь, заглянешь к нам на бранч на следующей неделе.

Я скорее найду время на Сраллю, чем на это. С ним хотя бы сватать не будут.

Не забиваю мозги чепухой, отходя к столику с закусками.

Наконец-то ем хоть что-то. Последние два с половиной дня сложились крайне трудно. Решал множество скопившихся задач, мало спал. До сих пор не съездил к бабушке: планирую днем добраться. Потом к кошечке. С ней забудусь, как уже заведено. Потеряю здравый смысл и буду фантазировать о чем-то совместном. Гребаная секта. Еще чуть-чуть, и заберею ее навсегда. Она уже произнесла первое слово, увлеченно внимала рассказ о городе. Осталось за малым: убедить, что я поддержу, дам жилье и все, что понадобится.

Дожевываю брускету под щебетания дам по бокам. Миссис Вандербилл, естественно, негодует по поводу отсутствия любимого напитка. Кому отдуваться? Не Чангу, конечно. Мне. Я отшучиваюсь и обещаю, что такой трагедии больше не повторится. А когда осматриваю зал снова, натыкаюсь на блондинку поодаль. Чуть старше меня. Она скользит глазами от лба до ботинок и скромно, но предельно доходчиво улыбается уголком губ. Не похожа на Френсис... однако, если опустить ресницы... почему бы и нет? Пора выбивать клин клином.

Я улыбаюсь ей в той же слабой манере, показывая заинтересованность на миг, дабы обаять и заставить думать, накручивать. Следом отворачиваюсь к Патрише: миниатюрная брюнетка среднего роста, связывается со всеми по микронаушнику и передает мне, как обстоит положение. Одно из удачнейших решений — взять ее на работу. Идеально справляется со всеми обязанностями и никогда не переступает вы-

строенные границы.

— Порадуй меня. Скажи, что все готово, — негромко выдыхая мирным тоном, ненароком показывая усталость во взгляде.

Она сочувственно поджимает губы и бормочет:

— Все прекрасно, можно начинать... Вам бы отдохнуть.

Мне бы к Френсис.

— Когда-нибудь не буду об этом забывать, — отстраненно соглашаюсь, — Спускайся первая, проверь все повторно сама.

Она услужливо приклоняет голову и стремится к дверям в конце зала. Я торжественно поднимаю бокал и не успеваю по нему постучать, как уже внимаю взгляды тридцати человек. В этом месте я не гость, а хозяин. Пришедшие любят и боятся меня — справедливые чувства. В данной сфере бизнеса достаточно легко добиться всеобщего уважения и почитания. Никому не понравится быть врагом карателя. И я набираю в легкие кислород, затевая речь, истинные мотивы которой никто не узнает.

— Дамы и господа, — произношу чуть серьезнее, отчего часть женщин принимается махать веерами быстрее, — Благодарю за ваше присутствие и ваше ожидание. Вы все понимаете, зачем организовываются мои мероприятия, — толпа дергает подбородками, сгорая от предвкушения, а я продолжаю выдавливать пафос и неторопливо шагаю в центр помещения, держа бокал одной рукой, пока вторая засунута в

карман брюк, — У каждого века свой способ напоминать о правилах. У каждого общества свой способ восстанавливать вес поступков. И нам известно, как малы нынешние меры наказания, — опускаю голос и вкатываю губы, пожимая плечом, — Как они... гуманны.

Я беру короткую паузу, чтобы покрутить шампанское в бокале, поглядывая на напиток с оттенком грустной задумчивости — уверен, теперь все дамы ощутили острую необходимость снять особое напряжение. И я не думаю о Френсис. Совсем. Я точно о ней не думаю.

— Забавно, как много можно сказать о человеке, поставив его перед выбором, — произношу, возвращая легкий взгляд к публике, — Особенно если выбора, строго говоря, нет. Люди любят думать, что истина таится в священных книгах, в залах суда, на трибунах парламента. Но, если быть откровенными, настоящая правда рождается там, где остается только инстинкт. И, я полагаю... здесь не требуется лишних слов. Наши «дуэлянты» уже теряются в догадках: голодные, бедные и жалкие, — я усмехаюсь в улыбках, и все подхватывают снисходительное настроение, прежде чем ликовать от моего финального церемониального предложения, — Давайте поднимем бокалы и перейдем к акту справедливости.

Джентельмены и леди вздымают локти, дабы отпить алкоголь. Кто-то отдает ответ благоговения. Кто-то подходит и нахваливает мое бравое занятие. Кто-то хрюкает от нетерпения. Ни один человек не отстает от стука моей обуви по

полу из черного гранита. Я прикладываю ключ-карту, и стена разъезжается, предлагая гостям спуститься по широкой освещенной лестнице. В главном холле сохраняется охрана, что исполняет свои обязанности. Меня обволакивают беседы и пустые улюлюканья. Уши забиты разговорами. Рот болит от лживого веселья.

— Флойд, Вы бы хотели составить нам компанию в опере? «Веселая вдова» ставится снова, — приторно накидывает Сюзанн, с которой я уже там был.

— Мой знакомый устраивает аукцион в Паттоне, — отвлекает Адам, потирая залысину, — Антиквариат семнадцатого века. Забронировать тебе место?

— Мистер Маккастер...

— Мои почтения, но я не могу согласиться на все сразу. Или придется устраивать аукцион самого себя, — говорю с тонкой иронией, — Слишком много интересных мероприятий для одного человека.

Они хохочут, к счастью, прекращая зазывания: за ночь их поступило и без того много, и я выберу что-то, если сочту полезным. А лучше поеду к Морису и Альме. Накуримся, напьемся и побудем раздолбаями. После подобных приличий это, отчасти, необходимо.

Мы поворачиваем на площадке, и зрению открываются распахнутые резные двери с дворецкими по бокам. А следом просторная комната с дорогушим интерьером. Но единственное, что в ней важно — круглое углубление в центре

пола диаметром и высотой в три метра.

Я уже слышу звуки страха.

Я слышу звон цепей.

Зря Морис послушал Альму и разорвал наше сотрудничество. Мы были центром внимания вдвоем когда-то. Гости до сих пор интересуются, не вернется ли второй организатор. К сожалению, нет. Разве что если у друга кончатся отношения. Брюнетка считает сие действо людоедством. Она осознает мою правоту, пусть и частично. Но соглашаться не собирается. Выбрала не мешать и не осуждать. Ей главное, чтобы Морис не участвовал.

Я вежливо ускользаю от похлопываний по плечу, спокойно передвигаясь к центру холла, увешанного картинами с сюжетами казни. И вот они, герои представления: испугано дергают головы вверх, впиваясь в меня дикими глазами. А сказать ничего не могут: во ртах вставлены кляпы. Какая жалость...

По одной из их ног закованы в цепи, что уходят в площадку. И я торможу у стеклянного столбика с панелью управления: всего два тумблера. Первый отвечает за кандалы — цепь ослабляет натяжение, из-за чего эти особи могут спокойно передвигаться по арене, либо наоборот затягивается обратно, вынуждая стоять на месте. Второй рычажок поднимает платформу на уровень пола — но этим мы займемся под конец. Моя любимая часть.

Сегодня мужчина и женщина. Пятьдесят пять лет и сорок

три года. У нее есть преимущество возраста, верно? Плюсом к этому, мужлан разожратый до беспредела. Применит ловкость и обойдет его. Возможно, сможет отсрочить смерть... на пару минут.

Я небрежно изучаю каждого, испытывая отвращение от эмоций мольбы, которая проступает через отчаяние. «Загубить жизнь своим детям — отлично. Отвечать за поступки — нет, не хотим» — в этом состоит их мышление. Можно ранить, но получать раны нельзя. Можно издеваться, но самим становиться объектом истязания — ни за что. Все, кто сюда попал, считают, будто ответственности не существует. И как хорошо, что есть такой Флойд Маккастер, который доходчиво, блять, вставляет мозги на место. Или вышибает их.

Было бы весело посадить туда родителей Френсис. Ну, так, просто к слову. Я бы наблюдал за боем с азартом, никак не решаясь, кого все-таки больше желаю застрелить в конце — мамашу или папулю. Они оба заслуживают три обоймы в бошки — хотя бы за то, что держат кошечку там, впаривая чушь.

Сальные макушки вздымаются в пущей панике, когда гости встают по периметру углубления, глаза вниз. То, что меня раздражает, о чем я не могу сказать вслух — публика в экстазе от ситуации. Это нас отличает. Я доволен происходящим, однако всегда держу в уме, какая болезненная история за этим стоит. Вероятно, всему виной дети ублюдков, которые регулярно плачут на подписании договора, изливая ко-

лючий опыт вновь и вновь. Некоторые заказчики хотят присутствовать на мероприятии, однако я всегда строго отклоняю попытки: не хватало того, чтобы в процессе кто-то из них пожалел бедного родителя и кинулся истерить в просьбах прекратить шоу. Лишние хлопоты и проблемы.

Я смотрю на Каина, который успел натянуть костюм, и киваю, чтобы он убавил звук музыки на пару минут. «Несчастных» теперь слышно лучше: мычат и дергаются в кандалах, совершенно потерянные в происходящем. Им наверняка кажется все сном. Каждый пробыл в одиночной камере три недели. Все, что у них было — запас воды и сплошная темнота с тишиной. Так что у вырождков есть знатная мотивация согласиться на условия... хотя им придется в любом случае, выбора я не предоставляю.

— Марина Тасак и Честер Лэй, — называю их никчемные имена с улыбкой, — Добрый вечер. Как ваши дела? — это банальная шутка, но люди гогочут, а идиоты пугаются сильнее, так что все отлично, — Оу, да, точно, вы не в состоянии общаться и все такое...

— Господи, я постоянно смеюсь, как впервые, они похожи на поросят! — шепотом взвизгивает миссис Уитмор, перевозбужденная процессом.

Да... я говорил: она ебанутая.

— Вы, предполагаю, задаетесь вопросом, где находитесь и что происходит, — лениво щелкаю языком, — Что ж... слушайте внимательно, ведь вам не понравится, если я буду вы-

нужден повторять дважды.

Мужлан не успокаивается: бешено дергает закованной ногой в попытках порвать цепь. Как наивно...

— Буду приличным, начну с дамы, — вздыхаю для Марины, которая слушает лучше, хоть и побелела от ужаса, — Ваша дочь, двадцатитрехлетняя Элизабет Тасак, донесла о жестоком обращении. Вы регулярно били своего ребенка, — женщина смекает, в чем истина, и в мимике появляется ярость, безудержное несогласие с приговором, но я продолжаю, — Вы лишали ее еды в акте воспитания, унижали психологически. Это было... не очень вежливо, не так ли?

Стабильно, одно и то же: в них нет раскаяния, сплошное отрицание и выставление себя в образе жертвы. Меня тошнит от лицемерия.

— Теперь к вам, мистер Лэй... — я изгибаю брови и гримасничаю, окликая громче под вопль собравшихся, ведь этот полудурок осел на пол и тянется зубами к металлическим звеньям, — Мистер Лэ-э-э-й! Прошу вас, сохраняйте достоинство даже в патовом положении, не превращайтесь в собаку.

Его белая футболка заблевана: мы покормили их утром, дабы дать силы на драку, и он сожрал с голодухи хренову тучу пищи, позже обляпавшись в собственной рвоте. Переодеваем осужденных в базовые спортивные вещи перед тем, как заточить в клетке, пока они в отключке. И надо же так испачкать шмотки в идеально чистом помещении!

Мужчина решает выслушать: задирает нос вверх с ненавистью, пышет ноздрями. Жду не дождусь, когда на его месте будет мой отец.

— Ваш сын, тридцатидвухлетний Джозеф Лэй, инвалид с четырнадцати лет — Вы ударили его молотком по голове из-за отказа принести бутылку водки. Он, вровень Элизабет, подвергался психологическому и физическому насилию. Признаете ли Вы свою вину?

Это ничего не изменит, естественно. Да и он рвано мотает двумя подбородками, отрезая безмолвное «нет». Неудивительно.

— Вот, что с вами произойдет, — подытоживаю, глядя на обоих поочередно, — Вы будете драться на смерть, — в них разгорается неадекватный страх, и я засовываю руки в карманы штанов, вальяжно продолжая, — Один обязательно должен убить второго. Выживший победит. Ему достанется свобода и все проигравшие ставки наших почетных гостей, а это немалые деньги. Если кто-то из вас откажется, застрелю обоих. Так что настоятельно прошу включить остатки разума, пока публика выкладывает деньги на предполагаемого финалиста, — я отвожу взгляд от убитых горем морд и шелкаю пальцами, чтобы Каин оказался рядом, — Дамы и Господа, пора делать выбор. Положите в шкатулку фишку красного цвета, если вы болеете за Марину, и фишку синего цвета, если хотите выигрыша Честера. Ставка как всегда едина — пятьдесят тысяч долларов с человека.

Последняя информация уже интересует протестующих: они затихают и переглядываются между собой. Отличный метод подчинить. Эта система никогда не подводила. Все любят купюры, а с учетом того, как бедно живут «дуэлянты», размышлять долго не приходится.

Только вот в чем беда... победителя не будет. Великая досада. Но я не обманывал. Слово «обещаю» или «клянусь» не было произнесено. И перед животными честным являться не обязан. Потому с меня взятки гладки.

Люди ехидно посмеиваются, опуская выданные фишки в старинную коробку. Им известно, что это всего лишь фикция. Плата за вход — абонемент членства в шахматном клубе. Месяц — триста тысяч долларов с человека. Минимальный пакет — полгода, и оплата производится сразу. Если Вы приобрели тариф, Вам позволено приводить с собой разовых компаньонов. Но следующей их визит уже обязательно должен быть оплачен. Ну, я тот еще бизнесмен. Собой горжусь: сам все построил. Морис больше клубом занимался.

Каин демонстративно считает фишки так, чтобы уроды видели действие — и они действительно внимательно смотрят, забывая про дикую тряску в теле. Наконец парень сообщает мне на ухо итог, хотя на деле лишь безмолвно шевелит губами, и я триумфально оглашаю:

— Марина, если ты победишь в сражении, получишь восемьсот тысяч долларов наличными в руки, — она цепенеет, — Если победишь ты, Честер, станешь обладателем семисот

тысяч, — тумблер приговаривается, когда я удерживаю его указательным пальцем, ослабляя цепи, и провинившиеся трудно глотают, осознавая, что могут приблизиться друг к другу, — Что ж... желаю вам удачи! Пусть выиграет тот, кому судьбой предназначено!

Каин едва ли доходит до управления музыкой, чтобы сделать оперу «Риголетто» погромче, как мужлан срывается вперед, гремя цепью, с целью напасть на Марину. Та уворачивается, ударяясь о стену плечом, и роняет слезы. Это меня не интересует. Я отхожу от взбудораженных гостей, которые ахают и охают, таращась на зрелище. Следую к дальнему столику, где наливаю себе виски и мирно обжигаю горло. Патриша неподалеку робко выводит узоры стилусом в планшете. Ее не привлекает эта часть, но привлекает зарплата. Работает на меня год, а привыкнуть не смогла. Был момент, когда я утешал ее после окончания мероприятия. Увидел, что плачет скромно. Подошел, расспросил и узнал про нежность, казалось бы, стального характера. Я предлагал перейти на другую должность, заниматься бумагами, но она отказалась, сказав, как ей важно усвоить, что плохие люди заслуживают жестокой расплаты. Очевидно, усвоение идет тяжело. Хотя это, определенно, ее проблемы. С задачами-то справляется превосходно — мне другого и не надо.

В кармане вибрирует телефон. Я достаю его и читаю сообщение под шум пыхтений и восторга за спиной.

От кого: Морис.

«Как все проходит?»

У меня нет настроения на сарказм. Устал. Хочу закончить поскорее, облегчить душу выстрелом и поехать домой спать. Поэтому печатаю короткое:

Кому: Морис.

«По плану, без происшествий».

И блокирую телефон, протирая глаза. Битва позади перетекает в настоящее месиво: удары раздаются чаще, падения реже. Проходит еще около пяти минут, когда процесс завершается: гости взрываются восторгом, подмечая смерть участника. Я натягиваю ту же улыбку, разворачиваясь и шагая к ним с радушной физиономией. Подхожу к краю и заглядываю вниз: Марина задушена, вся в крови, а Честер изрядно побит, но дышит. Черт подери, прогадал. До последнего ставил на женщину. Однако, это приятнее: убивать мужчину. Легче подменять образ на отца, визуализировать, ведь выстреливать на глазах публики, зажмурившись, как-то жалко.

Каин несет закрытый футляр без команд, а я, внимания новую порцию оваций, раздаю громкие поздравления:

— Мистер Лэй, Вы у нас, оказывается, счастливчик. Редко кому выпадает второй шанс, да? Давайте мы Вас поздравим!

В нем мелькает успокоение. Он даже готов расплакаться, когда нажимаю на тумблер для поднятия платформы, предварительно утянув цепь назад, ограничив расстояние телодвижений. Труп Марины вздымается с ним же. И ему не

жаль: он лишь приободрен окончанием собственных мук. Я не знаю, что хуже: умереть там, от рук соперника, или продержаться на пару минут дольше и сдохнуть от пули. Вкусить облегчение, чтобы повторно прожить кошмар. Но, если судить о чести, погибнуть от моего выстрела куда приятнее.

Люди чуть расступаются: им страшно оказаться близко к тем, над кем хохотали. Я, не брезгуя, подхожу и с наигранной радостью вытягиваю ладонь для рукопожатия. Каин стоит сзади Честера и открывает футляр, благодаря чему показывается позолоченный Кольт Питон с гравировкой моего имени. Револьвер заряжен полностью, хотя порой интересно поиграть в русскую рулетку. Но не в этот день. Опять же: пора отдохнуть.

Я достаю ключ, дабы открыть замок на кляпе, который они так усиленно пытались снять прежде. Ублюдок тут же закрывает пасть, мыча от дискомфорта. Слезы льет крокодилы, Бога благодарит за спасение шепотом. А на фоне, тем временем, разыгрывается опера «Каста Дива». Я считаю ее наиболее подходящей для главного акта нашей трагичной постановки.

— Семьсот тысяч долларов, подумать только! — посмеиваюсь в залитую кровью рожу, чувствуя несвежую отдышку марафонца, — Ты у нас теперь из сливок общества. Что купишь на выигрыш?

Он вкладывает потную руку, отвечая на жест в изнеможении. Пытается что-то сказать. Перенесенный шок не дает

буквам складываться в слова. Гости затихли, горя развязкой ночи. А я думаю про отца. Про то, как когда-то расправлюсь с ним. Про то, что обязую его страдать. Это помогает. Кратковременный эффект, однако лечебный.

— По-по-жалуйста... — всхлипывает нытик, — От-отпустите...

Я вбираю спертый воздух в легкие в лживом сочувственном жесте и кривлю губами, бормоча:

— Ну, видишь ли в чем загвоздка, гнида, — его озаряет, они все довольно быстро догадываются, — Мы не извращенцы, которые позволяют такой твари уйти не просто безнаказанным, а еще и поощренным. Так что...

Я резко бью его в горло, заставляя пошатнуться и нелепо плюхнуться на задницу — сил и без того не было, сохранить баланс нереально. Он истерит и трясется, на адреналине планирует подорваться, но я выхватываю револьвер и целюсь в зареванное ебало, холодно чеканя:

— Последнее слово будет?

— Не надо! — горьким ором вопит он, изрываясь, и я без промедлений спускаю курок, разливая мозги по полу.

Выстрел поражает пространство, малая отдача поступает в ладонь. Тот миг, что является долгожданным: слабое умиротворение в груди. Оно растекается там тонкой струей, латая дыры и штопая пробоины хлипкими нитками. На всякий случай перевожу оружие на Марину и без сожаления стреляю и в ее череп, чтоб наверняка.

И это правда все. Мизерная секунда восстановления справедливости, которая быстро сменяется прежней болью. Потому что это не отец. Потому что по-настоящему хорошо должно стать только после расправы над ним. Потому что...

— Флойд, это было шикарно! — восторгается один из инвесторов, отвлекая от самокопания.

Я часто моргаю, на автомате выдавая беззаботность, молниеносно погружаясь в хвалебные речи толпы. Каин забирает Кольт, что совсем немного и незаметно подрагивал в руке. Мне снова необходимо включаться в активные обсуждения, когда все отходят к столикам, позволяя работникам оперативно прибирать тела. И я, сдержанно смеясь, умиротворенно общаясь, инициативно поддерживая темы, вдруг ловлю себя на безумном желании.

Я хочу к ней. Сейчас. Немедленно.

Я хочу к своей кошечке.

Положить лоб на ее живот и попросить погладить по волосам. Это так... унизительно. Я не знаю, откуда взялись подобные порывы. Но, Господи, как же непреодолимо кроет и тянет.

Я не из тех слоев. Мне не нужны утешение и жалость. Не принимал, не принимаю и не приму. Раньше было позорно и на секунду такое представить. Что изменилось? Почему это поменялось?

Двадцать минут: столько пытаюсь выкинуть дурь из мыслей. Мероприятие завершается, гости расходятся. И я тоже

собираюсь поехать домой. Но ко мне подходит она: незнакомка, которой закинул удочку и забыл.

— Я наблюдала за Вами весь вечер, — доносится сбоку, когда, как мне виделось, последний приглашенный человек покинул здание, погрузив пространство в звенящую тишину.

Без спешки поворачиваю шею к блондинке. Утомленные глаза снова оценивают красоту. Ниже на голову с учетом каблуков. Черное платье в пол облегает хорошую фигуру, открывает плечи и декольте. Волосы собраны в прическу, передние локоны закручены, аккуратно лежат на симпатичном лице. Я бы воодушевился ее появлению еще неделю назад. Теперь... пусто. Это тоже подавляет.

— И что Вы заметили, мисс...

— Кейт, — легко улыбается, сменяя клатч перед собой, — Просто Кейт. Я заметила, что Вы отлично пахнете.

А Френсис... ей нравится, как я пахну? Каким образом мне узнать? Будет ли чересчур откровенным спросить прямо?... Не надо спрашивать. Нет, глупости.

Я смотрю в узорчатый ковер, прислоняясь боком к стене, и жую губу, размышляя о том, как смог простудиться так масштабно и почему грипп прогрессирует изо дня в день. Мы с ней не вместе и вместе не будем. Я не должен хранить верность той, кто мне не принадлежит. И я бы не смог «владеть» ей правильно. Сломал или, как минимум, надломил бы. У нас разные пути и свести их не получится.

— Неужели парфюм передается сквозь дальнейе расстоя-

ние? — безвредно и тихо хмыкаю, отпивая терпкий алкоголь.

Глупая болтовня перед сутью контакта. Гребанные приличия. Оба в курсе, к чему рядом торчим. Я ставил цель трахнуть кого-то. Потом подбирал отговорки, чтобы не трахать. Но тут само пришло. Значит, знак свыше.

— Нет, я почувствовала сейчас, — тон, к удивлению, не соблазнительный, а мирный, — Все прочее забылось, как только этот одеколон окутал сердце.

Я не хочу анализировать. Хватит. Френсис давно следует пойти прочь из нутра. Сам себя терзаю, сочинив сказки про какую-то там симпатию, к тому же взаимную. Я ей не сдался, кроме как для спасения. У нее суженый-ряженный в соседнем доме. А у меня свои занятия. Поэтому допиваю виски, ставлю стакан на столик справа и четко произношу, наконец создавая зрительный контакт:

— У меня нет времени увозить тебя куда-то...

— Я не привередливая, мистер Маккастер, — мягко перебивает женщина, довольная тем, что мы поняли друг друга, — С таким мужчиной не стыдно поддаться страсти и в каком-нибудь укромном углу.

У нее глаза голубые тоже. Почти как у Френсис. Цвет волос светлее, не брюнетка. Все пройдет хорошо. Это поможет прийти в норму.

— Мой кабинет с прочным столом будет угоден? — выдыхаю серьезнее, и дама тут же спокойно соглашается.

— Более чем.

Я закусываю внутреннюю сторону щеки, резко вышагивая к лифту, вызывая его и попадая внутрь вместе со спутницей. В груди переполох раздирающий. А на телефон поступает новое СМС.

От кого: Морис.

«Если ты закончил, приезжай в клуб. Мы тут сидим».

Я быстро печатаю, пока дама поправляет пальцем красную помаду, смотрясь в зеркало. Мне даже не нужен минет. Просто секс. Выдолбить возникшую наивность и привязанность. Заглушить мольбы сблизиться. Избавиться от плаксивой потребности любить ее и быть любимым ею.

Кому: Морис.

«Не могу. Собираюсь переспать кое с кем. Потом домой».

Лифт тормозит на нулевом этаже, и я обвиваю чужую талию предплечьем, ведя Кейт за собой к нужной двери. Пользуюсь ключ-картой, завожу нас в средних размеров минималистичную комнату темных оттенков, выкладываю айфон на бумаги и подхватываю девушку, усаживая на стол. Она цепляется за мои плечи и испускает звук неожиданности, миглом принимая поцелуи на шею, разводя ноги, приглашая встать ближе. Откидывает голову, параллельно вслепую спуская пальцы к ширинке, и опытно работает над пуговицей с молнией. Я морщусь, сжимая бедра, притягивая ее вплотную, и задираю длинное платье, дабы проникнуть пальцами к нижнему белью. Представляю другую. Конкретную. Одну.

Единственную. Не желаю так делать, но делаю. Думаю, как ласкаю ее. Стараюсь слышать стоны Кейт иначе, когда надавливаю большим пальцем на центр мокрых трусиков, позже дергая ткань вниз по конечностям. Она целует тоже. Присасывается к мочке уха, расправившись с механизмом штанов, ждет, когда сам их спущу, когда войду. Вся готова. В моем распоряжении. Но я не для нее.

И тем не менее продолжаю пытаться, не распахивая ресницы. Запускаю пальцы во влагу, легко находя клитор и кружа по нему знающими движениями, отчего Френсис... Кейт издает протяжный высокий стон, распадаясь в моих руках, улавливая, что сорвала джекпот. Моя кошечка звучала бы противоположно. Лучше. Я не могу знать, однако я знаю. Это не она. Но мне и не нужна она. Френсис мне не нужна. Нет. Не нужна.

Я обхватываю свою все же возникшую эрекцию рукой и страдаю от того, что длина не превратилась в камень. Тогда мечтаю о ней. О своей. И все получается по щелчку. Бегло перекидываю девушку в позицию поудобнее для обоих и дергаю ящик стола, хватая оттуда презерватив. Открываю упаковку, собираюсь раскатать латекс по члену, как вдруг экран телефона загорается с вибрацией, показывая сообщение:

От кого: Морис.

«Как бы ты себя чувствовал, если бы знал, что кто-то сейчас целует Френсис?»

Блядская сука, уебок ты конченный!

Я рычу во всю глотку и судорожно выдыхаю через ноздри, откидывая ебаную резинку, то ли с силой упираясь, то ли ударяя кулаком по столу, из-за чего Кейт вздрагивает и теряется. Ее перепуганные робкое дыхание контрастирует с моим громоздким. Челюсть скрипит, а сердце сжимается, будто я совершил неестественную ошибку мира. Будто я кого-то предал. Руки тут же натягивают низы одежды. Лоб попросту в истощении рушится на плечо женщины, хотя я понимаю, что меня, вероятнее всего, ударят и обматерят за облом.

Я почти смог, пусть это и было обречено на провал. Прекратил бы и без сообщения Мориса: либо за секунду до вторжения, либо после первых двух секунд секса.

Наплевать. Что там надо делать? Предлагать встречаться? Предложу. Не сейчас. Потом. Когда заберу. Когда она думать про отношения начнет и если начнет. Если понравлюсь. Если буду соответствовать. Если я в ее вкусе. Если получится огородить ее от всех своих темных сторон.

Дохуища сраных «если».

В этом сложность. Я не для нее. Она не для меня. Но все, признаю и сдаюсь: Френсис, ты победила! Я принялся ревновать тебя из-за долбаного сообщения русоволосого долбоеба. Я вот-вот поеду раскаиваться в «измене» из-за него же. Поздравляю. Забрала и посадила на поводок. Че угодно, блять, твори, мне уже похуй, главное разреши забрать тебя из секты и носиться хвостиком, как последний щенок.

Я передумаю завтра, когда просплюсь. Я передумаю. Я должен. Нельзя так цепляться и увязываться. Неделя прошла. Всего одна, черт возьми, неделя, а я уже никакой!

— Эй, — осторожно шепчет Кейт, почему-то без обиды, с нежностью помещаю руку на затылок и поглаживая, — Посмотри на меня. Пожалуйста.

Я пропихиваю жгучий ком в горле и мотаю носом, не отрываясь от ее плеча. Восстанавливаю дыхание, избавляясь от свирепости. Ненавижу себя. И Френсис ненавижу... так или иначе, до сих пор хочу к ней.

— Запал на кого-то, да? — без злобы бормочет спутница, нарушая висящее молчание.

— С чего ты взяла? — не огрызаюсь, но отрезаю.

Она усмехается в доброй форме и ерзает по дереву. Оттягивает платье, прикрываясь частично. Я бы мог рывкнуть, прогнать, однако и без того повел себя некрасиво. И Кейт не истерит. Сохраняет чуткость, что поначалу воспринималась фальшью для флирта.

— Милый, мне тридцать лет. Я знаю эту жизнь.

— Ты же понимаешь, что, если расскажу, вход сюда для тебя будет закрыт, — морщусь, кусая губу, — Опасно сохранять в таком кругу человека, который что-то о тебе знает.

— Поверь, впечатлений мне хватило. Повторно я бы и сама не пришла, — тихо посмеивается в том же сожалении, поглаживая заднюю сторону шеи, — Так что? Она тебе отказывает?

Отлично. Докатился до обсуждения чувств с незнакомкой. Но... так проще. С разовым лицом. Тем более она добрая. Не тупая. Я не вываляю подробности. Только выговорю то, что бушует в груди в данный момент. Своего рода терапия, о которой так любит воспевать Морис.

— Я себе отказываю, — с трудом выдаю.

— Почему?

— Не могу быть с кем-то совершенно... чистым. Я ее испорчу, — слоги тяжелые, словно за них подвешены грузы, — Поэтому настраиваю себя быть... исключительно другом.

Кейт замолкает. Я, поуспокоившись, отстраняюсь, чтобы достать Charman и закурить, оперевшись задом о тот же стол, слева от нее. Она ненавязчиво тянется к пачке, спрашивая разрешение. Придерживаю верхнюю часть коробки и позволяю. Вскоре подношу пламя зажигалки: сперва для себя, затем для девушки. Мы затягиваемся дымом, оба растрепанные от никчемной попытки переспать, и оба кошмарно грустные.

— Люди почему-то думают, что свет обжигает, — негромко размышляет она, чуть болтая свисающей ногой, — Но на деле он всего лишь показывает, сколько в нас пыли. Тебе страшно не ее невинность. Ты боишься, что пыль придется вытирать. Наводить порядок, разгребать бардак.

Спасибо. Это определенно самая горькая пилюля из съеденных за последнее время.

Без понятия, с какого черта Кейт права, и все-таки она

попала в яблочко. Я вижу отношения Мориса и Альмы: им известно друг про друга все-все-все. Чуланы распахнуты, тайны вскрыты. Мне с самим собой невыносимо разговаривать на некоторые темы. А с любимым человеком... рано или поздно это станет необходимостью. Я в курсе, что забегаю вперед. Что мы виделись всего несколько раз. Что такие дилеммы оправданы на более поздних этапах. Однако я привык все контролировать. Просчитывать на сотни ходов. И здесь ясно: пушу на самотек — вляпаюсь в собственное дерьмо. Мне больно ступать в ту реку, которая изначально небезопасна.

— Я не хочу сближаться с кем-то и привязываться, — шепчу через заминки, — Но когда она рядом... не получается.

— О, Флойд... — Кейт поворачивает голову, расстроенно заглядывая в мое лицо, — Нельзя всю жизнь провести в одиночестве из-за страха открыться.

Можно. Вообще-то можно. Я такой план и выстраивал.

— Не готов это признать, — отмахиваюсь с тяжелым выдохом, — Да и мы с ней мало знакомы. Пока рано судить.

Она стряхивает сожженный табак пепельницу между нами, как поступаю и я, а потом произносит:

— Главное не уппусти момент, когда судить уже придется. Мое сердце топтало много мужчин, и вот я тут: раздвигаю ноги после кровавой сцены. А будь все иначе... грелась бы в родных объятиях. Не потеряй свой шанс, иначе будешь

трахаться без чувств до старости, пока член не отсохнет. Печальный исход.

Моя щека уже кровоточит от того, как в нее впиваются зубы.

— Это хорошо?

— Что именно?

— Трахаться с чувствами, — недоверчиво поясняю.

Кейт улыбается, туша сигарету, и чмокает меня в щеку, прежде чем спрыгнуть со стола.

— Ты сильно удивишься.

Загадочный ответ сопровождается глухим закрытием двери. Я остаюсь один и сажусь за стол, тупясь в потолок в бесконечном отрицании действительности.

Глава 9

— Йоу! — бодро выдает женщина, выбрасывая руки перед собой, подобно рэперу, — Так у вас сейчас здороваются, внучок?

Черт возьми... родите меня заново, чтобы память не сохранила эту сцену, или удалите Элине TikTok. Ей явно попадается не тот контент.

Я в целом не фанат подобных соц.сетей. В свободное от работы время спортом занимаюсь, отрываться хожу и смотрю фильмы. Бабушка вела себя точно так же, впрочем: до поры до времени. Год назад ее предали все подруги, и она перестала выходить из дома. Потом, в один из моих приездов, попросила скачать злосчастное приложение с быстрыми роликами — я не увидел в этом проблемы, помог, разумеется. Фатальная ошибка.

Месяц назад она загорелась снять совместный тренд. Долго объясняла, пыталась донести:

— Сперва я покажу в кадре пирог. Мы поставим подпись: «Какая большая шарлотка! Ничего больше не видела!». А потом ты выходишь и напрягаешь бицепсы. Понял?

Понял... и поддался. До того момента на ее аккаунте были только рецепты кулинарии, которые набирали по тысячи просмотров. Наш же «шедевр» выстрелил на пять миллионов лайков. Тысячи женщин в комментариях писали однотип-

ное: «Бабуля, можно забрать Вашего внука? Я тоже буду готовить ему выпечку!», «Скажите внуку, что я умею закрывать банки, гладить рубашки и не лезу в телефон!», «Отпустите его на свидание, прошу. Я обещаю вернуть!», «Готова стоять у плиты 24/7, лишь бы быть рядом с таким торсом».

Элина восторженно зачитывала все подряд, пока я уткнул лицо в ладонь и тихо мычал от степени бреда. Потом и фото начала показывать: молодые девчонки, лет шестнадцать. Какое им свидание с двадцатипятилетним? Уроки еще не сделаны.

Несмотря на некоторую «забавность» истории, конец оказался печальным: у бабушки вымогали новые видео со мной, а под роликами с готовкой посыпались гневные комментарии. «Это скучно», «Где тот парень?», «Эй, старуха, подписалась не для того, чтобы уметь варганить борщ». Элина сильно расстроилась и удалила свой профиль. Теперь контент не делает, только поглощает. Я не любил то, чем она занималась, но пришел в злость от чужой ненависти. Так что облегчил душу: пробил одну дуру, которая выливалась обилие грязи. Узнал, в какой магазин она ходит и в какой час. По «нелепой случайности» отправился за продуктами туда же. Девятнадцатилетняя хейтерша выкатила глаза и застыла с колбасой в руках, когда пристроился сбоку, невинно «выбирая» дешманский сыр. Затем очухалась, дабы не терять шанс, защебетала:

— Здравствуй... эм... я... хочешь, помогу определиться?

Я чуть покривился, бегло пробегаясь по ней небрежным взглядом, и надменно усмехнулся в молчаливом жесте «ты реально со мной говоришь?», прежде чем развернуться и выйти на улицу. Да, все было задумано ради одной высокомерной эмоции. Да, я потратил на это дерьмо час жизни. Нет, не жаль и не стыдно, потому что обижать Элину, Мориса и Альму нельзя, либо вы так или иначе будете иметь дело со мной — а это пренеприятный исход. Я бы унизил ее словесно, наказал болезненнее, однако она все еще девушка, пусть и отвратительная. К тому же маленького акта хватило с лихвой: я наблюдал из машины, как идиотка покинула магазин, давась досадой и комплексами. Превосходная работа.

Не менее превосходен и запах, витающий в двухэтажной квартире. Элина опять наготовила полный стол. Будет откармливать: к счастью, отличной едой, ведь холодильник ей затаривают только дорогими и качественными продуктами.

— Не совсем, — вздыхаю, снимая лоферы в прихожей, — Но ты можешь говорить, как душе угодно.

Она улыбается одобрению и оглядывает меня с теплом: ей нравится, когда надеваю брюки и поло, а не джинсы с футболкой. Бабушке кажется, что так меня быстрее ухватят в мужья. Сама одета в наглаженные хлопковые домашние штаны бежевого цвета и белую рубашку. Каре каштанового цвета уложила, минимум макияжа нанесла. Обожает наряжаться, хотя других за отсутствие «идеального» внешнего вида ни за что не осудит даже в мыслях. Во всем толерантная до

мозга костей.

— Моей душе угодно, чтобы ты попробовал новый салат по уникальному рецепту, запеченную утку и лимонный тарт, — подгоняет, придерживая за спину, на кухню.

Ну вы посмотрите, как красуется. Ну вы на нее посмотрите.

Я посмеиваюсь и потираю нос, минуя уютный коридор и гостиную в теплых тонах. Подмечаю новый узорчатый ковер на полу, рядом с милым электрическим камином и молочными диванчиками. Когда успела и кто помог?... А, да, точно. Убок сынуля примчался на помощь — мысль об этом вызывает привычную вспышку злости, которую я стабильно подавляю ради бабушкиного спокойствия.

— Горгонзола есть? С утра хочу. Заработался. Холодильник дома пустой, — говорю с надеждой и улыбаюсь, когда вижу на столе сырную тарелку с медом и инжиром.

Она действительно знает меня наперед.

— Сначала мои блюда. Потом, если силы останутся, закуски, — подчеркивает строже, подгоняя сесть за круглый стол, что я и делаю со вздохом печали.

Утку, конечно, буду. Тарт позволю — маленький кусочек с кофе без сахара. Но салат на майонезе... нет, ни за что. Утренняя тренировка коту под хвост будет спущена, а мне форму надо держать. Чтобы Френсис понравиться, допустим.

— Мгм, — киваю, наблюдая за тем, как мне в тарел-

ку складывают птичью ножку, две большие ложки лишнего блюда и овощи, — Спасибо... Эй, эй, нет, стоп, я столько не съем.

Она закатывает глаза и садится на соседний стул, поближе, безвредно ворча:

— Как ты эти мышцы сохраняешь, если тебе такая порция принцессы не по зубам?

— Ем много белка, чистые продукты без соусов, мясо, рыбу и морепродукты, фрукты, зелень, протеиновые коктейли, — твержу одно и то же, недовольный сравнением.

— Ой не ври! — с добром подкалывает, накладывая обед в свою тарелку, — Знаю я, как ты любишь брускетты и сыры. Пять секунд назад о горгонзоле трещал! Не очень-то они подходят для правильного питания.

— Это дни читтинга, я рассказывал, — то ли стону, то ли мычу, — Тебе ли не знать? В семьдесят выглядишь на пятьдесят. Йогой тут занимаешься.

Это истина. Она в отличной форме для своих лет и имеет мало морщин, благодаря деликатной косметологии. Мужчины с возрастом становятся краше, а женщины, зачастую, наоборот. Но Элина смогла надурить природу.

— Йогой я занялась, когда поняла, что задушить твоего деда все равно некультурно. А дышать — полезно, — отзывается остро, заставляя поперхнуться чуть было ни вырвавшимся смехом.

У нее две любимые темы: найти мне жену и вспомнить,

каким Хавьер являлся мудазвоном. Они развелись еще когда я был годовалым несмышленишкой. Брак длился двадцать семь лет. Элина терпела до талого, а потом выгнала мужа ссаными тряпками — и это не метафора, у них правда был кот, который помочился на шелковую скатерть. Ей она и отхлестала деда напоследок. Уж больно хреново он себя вел: матом крыл, ни в чем не поддерживал, исподтишка унижал. Сейчас уже мертв: нет, не я постарался. Спился и сел в заведенную машину, угорел. Радостная развязка.

Все узаконенные узы в нашей семье завершаются плохо. И вы серьезно хотите сказать, что у меня бы получилось переиграть систему?

Хотя у Мориса сложилось. Отец бросил их с матерью в мои ранние подростковые годы. У него не было примера, чтобы строить свое. По правде, он умел лишь разрушать — мы были бунтарями вдвоем, заливаясь алкоголем с моих тринадцати лет. Потом Морис поступил на рекламу. Мне стало скучно, и я ощутил себя брошенным вновь. Поэтому закончил школу экстерном и через год решил идти в институт, дабы не разделяться с неродным братом — стыдно вспоминать, но тогда я был, словно цепляющийся за штанину щенок. Считал, что не люблю учебу, ведь прошлое образовательное заведение вызывало сплошную ненависть — учителя пытались помыкать мной, а это заранее проигрыш. Но преподаватели в ВУЗе плевали на всех студентов, попросту вели лекции: кому надо, тот послушает. Мне приглянулся данный

подход, как и выбранная специальность. Так что экзамены сдавались отлично.

Помню, как отец радовался высоким отметкам: он полагал, что я уже никогда не возьмусь за голову и сторчусь в подворотне. Помню, как избил его за речи гордости. Этот ублюдок даже не умеет драться: сдачи не давал, только жалко старался уговорить прекратить!

— Он не стоил твоих замаранных рук, — отстраненно бормочу, отрезая ножом кусок мяса, — Кстати...

— Это что, засос? — перебивает она и тянется к моему щеку, проводя пальцем по отметине под челюстью, — Флойд Маккастер! Мы говорили о том, как это вульгарно!

Кейт ночью так не считала. В чем моя вина? Она сама. Я даже не заметил!

— Ну Ба, — фыркаю, отодвигаясь, — Не воспитывай, а.

Элина лишь негодуя вертит головой и возвращается к еде в расстройстве. Началось...

— Осесь тебе надо, — ага, я же сказал, — Тихая гавань. Вымахал, мужчиной стал, а все шляешься, как мальчонка, — мои глаза закатываются в ярком несогласии, но она продолжает, — Я на твою спасительницу молиться буду. Та, кто тебя остепенит, святая. Над таким парнем бразду правления взять непросто.

— Никто не возьмет надо мной власть, — мигом отвечаю, скрежеща ножом по тарелке, — Это невозможно.

Протест проходит мимо, озвучен впустую. Она не сдается,

незамысловато рассуждая вслух, пока лучи солнца с большого окна позади жарят мою спину, вровень раздражению.

— Я представляю ее... знаешь, хрупкой и стойкой одновременно. Искренней. Не похожей на тех, кто чертит тебе эти пошлые синяки, — бабушка снова осматривает шею и поджигает губы, прежде чем занять рот пищей.

— Не, — намеренно заносчиво произношу, откидываюсь на спинку стула и заносу скрепленные руки за затылок, — Я приведу матершину, оторву и хабалку. На голове у нее будет ирокез, а на лице тату. Еще и ребяенок нагулянный прицепом. Это мой выбор. Примешь?

Она замолкает на пару секунд. Потом начинает... креститься. Я вот-вот умру от веселья. А невеста-то не так сильно и нужна теперь, верно?

— Ну... я попытаюсь понять, почему ты в нее влюблен, — выдыхает, отчего мои брови взлетают, — И если ты по-настоящему влюблен... как не принять? Придется. Я же тебя люблю.

Святое дерьмо, теперь мне стыдно: за то, что она огорчена моим несерьезным отношением к серьезной для нее теме. Я не специально, честно. Устоявшийся характер не подразумевает сторонних попыток залезть в душу, копошиться там и запихивать нотации. Такой вот я: негибкий, касательно людей. Не подстраиваюсь. Делаю так, чтобы подстраивался кто-то, порой изощренными методами, если ситуация относится к сливкам общества, где командовать напрямую не получит-

ся. Я был мягким, добрым и полным любви в детстве. Никто не оценил, да и мне совсем не понравилось.

— Слушай, — негромко и недоверчиво проговариваю, стуча кончиками пальцев по столу, — Если я кого-то и приведу... она будет со светлыми волосами, голубыми глазами. Добрая и светлая. Нежная. С фарфоровой кожей. Похожа на милую кошечку, красивее нет никого...

Блять.

Блять, блять, блять, блять, блять!

Мой язык отнимается, громоздко падает. Я опоминаюсь и поднимаю взгляд на бабушку, что выпучила глаза и застыла.

Какого хрена это вообще было? Я просто... дебил.

Спасибо, Френсис! У тебя потрясающий навык: засесть на задворках сознания и всплывать в самый неподходящий момент, без всякого предупреждения!

Элина уже собирается открыть рот в масштабном эйфорическом допросе, но я выставляю ладонь, как преграду, и живо отрицаю:

— Нет. Стоп. Это девушка из фильма. В жизни таких не встречал. Актриса понравилась...

— И как зовут актрису? — затыкает неожиданным вопросом, от которого сердце уходит в пятки, — Что за кинолента?

— Эээ... — по мне вот-вот побежит холодный пот, я смачиваю губы и наспех выдаю первую отмазку, пришедшую на ум, — Знаешь, это авторская работа, еще не вышла на массового зрителя. Закрытый показ, устроенный моим другом.

Актеров специально не указывали в титрах, чтобы не отвлекаться от сюжета. Такая фишка режиссера.

Под конец несусветицы звучу гораздо увереннее и холодно. Это было так глупо: начать говорить о девушке. Мы друг другу никто. Я и фамилии-то ее не знаю. О чем речь?

Бабушка изучает меня с прищуром. Проводит анализ лжи, однако точно понимает, что, даже если и вру, правды от меня не добиться. Тут банально нет темы для беседы. Френсис не в моем вкусе. Хотя ночью, когда мы наконец увидимся, мнение, полагаю, изменится на пару часов. Сейчас с ней Альма и Морис: поехали на обеденную службу навестить «подругу». Это меня радует. Все под контролем, Френсис рядом с нами, а значит в безопасности.

— Так найди ее, — хмыкает, возвращаясь к еде, — У тебя есть связи и деньги. Хотел бы, женился и на дочери президента. Ничто не останавливает.

Она не знает, какой работой я занимаюсь. Прикрываюсь фразами «криптовалюта» и «компании». В курсе только отец, но тут мы впервые объединяемся без споров: я не рассказываю Элине про его бордели, а Гектор не делится про шахматный клуб. Она бы разочаровалась, если бы тайны любимого сына и обожаемого внука раскрылись.

Впрочем, папа не фанат моего рода деятельности, как и я не фанат его: тут мы тоже сошлись. Получается, второе попадание. Мерзко. Не хочу быть с ним хоть чем-то схожим.

— Мгм, наверное...

Вибрация в кармане вынуждает прерваться. Я чувствую спасение, когда достаю телефон, но на смену поступает кошмарный укол тревоги. То, что я испытывал крайне редко. Лишь в детстве. И от этого мутит.

От кого: Морис.

«Френсис нет на службе. Не уверен, стоит ли объявлять панику, ведь она может просто заниматься другими делами... но ее нет. Я должен был сказать».

В каком, нахуй, смысле, Френсис не в церкви?

Тогда где?

Я должен убедиться, что все в порядке. Ждать до ночи не хватит терпения. Что, если она заболела? А вдруг находится в опасности? Ей кто-то причинил вред? Как давно это продолжается? Мы виделись полтора дня назад, прошло много времени для одиночества в беде. Они могли обидеть девушку сразу после моего уезда, а узнаю я это только, сука, сейчас!

Кому: Морис.

«Скоро приеду. Полчаса».

Я нажимаю на кнопку «отправить» и встаю из-за стола под удивленный взгляд Элины. Мигом объясняюсь, попутно шагая в прихожую:

— Дела неотложные. Прости. Заеду завтра или в понедельник. Фильм посмотрим.

Она только грустно вздыхает и обнимает меня в пороге, целуя в щеку, когда спешно наклоняюсь для жеста проща-

ния, обувшись. Вылетаю на солнечную улицу. Матерюсь от подростка на электросамокате, что почти проехал по ногам — эти гребаные двухколесники, черт бы их побрал! Позволю куда надо, пообедаю с парочкой лиц, и нахер такой транспорт пропадет. Используйте скейты или велосипеды — они хотя бы достойны уважения.

Мустанг заводится с характерным звуком, после чего отъезжаю от шестиэтажного дома с потолочным ценником на имущество. Рядом находится искусственный пруд, из окон вид шикарный. Элина хотела здесь жить, и я осуществил ее хотелку раньше отца. Покупать имущество у нас в крови — выгодное вложение. Стоимость жилья в столице растет с каждым годом, а значит, я никогда не останусь без денег. Неужели Френсис предпочтет свою секту, нежели хорошую квартиру в центре? Я бы поселил ее рядышком с собой. Ну... чтобы не быть опять далеко. Навещать друг друга, как... соседи. Продукты бы привозил, да и в целом бы помогал всем, чем понадоблюсь. Это хороший план, а все, что от нее требуется — согласиться.

Я провожу по волосам в нервном жесте, давя на газ, и вскоре выезжаю за пределы мегаполиса. Клянусь на Библии: если хоть кто-то тронул кошечку пальцем, они будут пенять на себя. И без того сдерживался вечно, был милым и чутким, что не соответствует натуре. Меня заебало наблюдать, как ее ущемляют, и ни черта с этим не делать.

Друзья курят айкос у серой Ауди, припаркованной рядом

с церковью. На них надеты те же клоунские костюмы сектантов, и я серьезно до сих пор не догоняю, для чего это делается. Торможу поблизости, чтобы вылезти из авто и спросить в лоб:

— Вы до сих пор ее не видели?

Они синхронно мотают головами. Альма проговаривает с колебаниями, вытаскивая догоревший стик:

— Служба закончится через пятнадцать минут, — я смотрю на наручные часы и убеждаюсь в этом, — Наверное, самое время сходить до ее дома, проверить. Потом чудики выйдут, появятся проблемы. Прежде всего у нее.

Я поджимаю губы, ворча внутри себя о том, что у нее не может быть проблем, пока я здесь. Да и в целом достаточно избить Сраллю или еще кого единожды, чтобы они вели себя нормально. Не рискнут обижать девушку снова, если будут в курсе обязательных последствий. Сразу шелковыми переродятся.

Разворачиваюсь в сторону белых жилищ и иду быстрым шагом. Альма с Морисом зачем-то увязываются со мной. Еще и допрашивают, что не к месту.

— Ты был у Митчела?

Святое дерьмо, когда же это прекратится! Я дал пареньку больше, чем следовало, а дружеские посиделки не входят в акционный пакет моей доброты.

— Нет, — сурово пресекаю, — Мы друг по другу не скучаем.

— Да ладно, тебе ведь нетрудно, прекрати быть такой гнусной задницей, — стонет Морис, вскидывая рукой, — Ты для него авторитет. Направь мальчишку в верное русло. Ему скоро в люди выходить.

Я знаю, что это правда, но я так же знаю, что не нанимался на роль папочки. Мне просто нечего ему предложить, кроме как рекомендации не забывать напяливать гандон перед сексом. Из меня плохой наставник для детей, я умею руководить уже окрепшими умами.

— Это не моя ответственность, — отзываюсь, а следом по сердцу проходит волна дрожи, ведь я вижу ее.

Френсис сидит за домом, на земле, и что-то... ковыряет. Тихо выдергивает, потупившись в собственные действия.

Я скучал.

Тот факт, что она не заперта внутри дома, уже посылает импульсы облегчения. И, когда обхожу постройку, замечаю грядку. Вот, чем ей велели заниматься: полоть почву от сорняков. И даже, сука, без перчаток. Твари.

— Кошечка, — мягко выдыхаю, и ее плечи замирают, в то время как друзья по бокам вскидывают брови от нежного обращения, — Привет. Мы тебя потеряли.

Что тут вообще растет? Лук? Давайте я куплю им вагон зелени, только пусть они не поручают ей такой труд. Меня раздражает рутина двадцатилетней девушки. Ей следует вкушать прелести жизни, а не колупаться в огороде, повторяя молитвы.

Она все еще не шевелится и часто глотает.

Я хмурюсь, настороженно относясь к этим звоночкам, потому что Френсис застенчивая, но не скрытная. А сейчас у меня складывается стойкое ощущение, будто она что-то прячет. Потому сжимаю зубы и нерасторопно ступаю вдоль двух небольших грядок, чтобы присесть на корточки и наклонить голову, строго анализируя ситуацию. Однако Френсис лишь опускает голову ниже, испускает неровный выдох, крайне напряженный.

— Посмотри на меня, — негромко бормочу, будучи на расстоянии десяти сантиметров, — В глаза не можешь, понимаю. Но позволь тебя увидеть.

Я все еще прибегаю к этой чертовой аккуратности, так как не имею права коснуться ее щеки ладонью, направить — она мне подобных выкидонов не простит. Несмотря на нежность, девушка не поддается. Скрепляет руки в замок крепко-крепко, явно находится в панике. И я выдвигаю чуть более напористо:

— Я все равно добьюсь своего. Надо будет — лягу на землю, чтобы тебя оглядеть. Поэтому, пожалуйста, пойдя мне навстречу. Ты знаешь, что со мной безопасно. Мне можно доверять.

Хвала небесам, она больше не упрямится, хотя я бы похвалил ее за проявление характера в любой другой день. Перebarывает себя и нерасторопно поднимает голову, закрыв глаза...

Меня моментально бросает в ярость.

Все. Пиздец им настал. Я за себя не ручаюсь.

— Кто? — выдаю бесконтрольным гнетом, дыша через ноздри, и она вздрагивает, тут же вешая нос, скрывая от взора отчетливый синяк на щеке, — Кто это с тобой сделал?!

Она, черт подери, мотает подбородком в отрицании!

Я встаю на ноги и ее беру трепетно за локоть, чтобы поднять с колен, отчего девушка секундно задыхается. По белому подолу скатываются комочки политой земли. Я не даю ей увильнуть: шагаю ближе и все-таки касаюсь хрупкого лица, задирая его к себе, заправляя шелковистые волосы за уши, судорожно носясь горящими глазами по отметине. Я бил много людей, и мне прекрасно известно, с какой силой надо замахнуться, чтобы оставить такой глубокий фиолетовый отпечаток.

Она не смотрит на меня. Зажмурилась и трясется, хочет отдалиться, переполнена происходящим, но мне не до милостей, потому что мою женщину кто-то ранил, тут нет пространства для деликатности.

— Френсис, открой рот и скажи, кто тебя ударил, — давя тоном, звуча намного громче, — Отец? Проповедник? Оба?!

— Флойд, не кричи на нее, — с тревогой лепечет Альма.

— Я не на нее кричу, а на ситуацию! — поясняю басом, не поворачиваясь к друзьям, — Это выходит, блять, за все рамки!

Раздается скрип двери, и я верчу шеей, не отпуская лицо девушки, чтобы увидеть, как Морис напрягается и испепеляет кого-то взглядом, заводя руку, дабы укрыть Альму за своей спиной. Через секунду, когда я уже бурлю от агрессии, показывается невысокий, худощавый мужчина в белой одежде и шапочке. Лет пятьдесят. Он сужает глаза, осматривая девушку в моих бережных руках, и та молниеносно дергается, ускользая по щелчку пальцев. Миготом голову приклоняет, как виноватая, и это доводит меня до крайней степени горячки.

— В дом иди, живо, — командует мужлан, — В угол вставай...

— Вы тут че, все поахуевали?! — рявкаю я, приближаясь к недоразумению за два громоздких шага и сжимая кулаки, — Повтори-ка, Сука, что ты ей сказал, и лишишься челюсти.

Незнакомец пассивно осматривает меня, как никчемную моль. Я не пугаю его? Очень зря. Очень опрометчиво. Он распрямляет плечи, выговаривая надменное:

— Я — ее отец. А кто Вы такой, чтобы с ней пытаться говорить?

Папаша. Отлично. Давно пора. Уже как неделю жду. Убивать буду медленно и мучительно, растягивая наслаждение.

— Откуда у нее синяк на щеке?! — раздражаюсь гневом, сверля его убийственным взглядом, — Ты оставил?!

Краем глаза я вижу, как Альма вынырнула из-за Мориса и поспешила к Френсис: пожалеть, обнять. Я тоже утешать

кинусь, когда закончу. Тут она больше не живет. Хватит.

— А откуда у Вас этот? — переводит тему на следы от Кейт, и внутри меня закручивается болезненный узел, — Засос от увеселительных мероприятий с женским полом? Как грязно...

Это финал. Он своего добился.

Я обхватываю хлипкую шею ладонью и впечатываю ублюдка в стену дома с грохотом, рыча на всю округу:

— Слышишь, мразь, ты мне намекаешь, что у нее синяк от таких же занятий?!

Он задыхается от кулака, что пережимает дыхательные пути, но я вдавливаю ладонь сильнее, показывая, что это не предел смертоносным ощущениям. Уебок соображает, принимается кряхтеть:

— Она ударилась... об... комод. Упала, когда мыла... полы...

Я с силой швыряю его на землю и сажусь сверху, чтобы расшибить кулаком челюсть, как и пообещал. Затем нос. Он верещит подо мной, ворочаясь и выставляя руки, желая прикрыться, однако я лишь перехватываю его запястья и бью снова, выругиваясь криком:

— Хули ноем-то?! Ты всего лишь стукнулся об стул, выражаясь твоим языком!

Я собираюсь добить его прямо здесь, решить все проблемы. Кровь пачкает поло и кучку сорняков, что недавно отбросила кошечка. Удары наносятся чаще, превращая рожу в

ничто, до отключки совсем немного, но меня вдруг оттаскивают назад, нагло дергают, и я озираюсь, тут же видя Мориса, который недовольно ворчит:

— Угомонись. Ты ее перепугал. Какого хрена творишь такое перед девушкой?! Хотя бы в сторону бы отошел.

А?...

Я быстро моргаю, не отпуская сектанта, и метаю взгляд на Френсис. Она в руках Альмы. Прижимает к ее груди лоб, морщится и... мелко колотится. От этого в груди колет до онемения. Ей его жалко? Урода, который причинил боль? Реально?! Что они все несут? В чем гребаная драма?!

Перебарываю себя и встаю под симфонию булькающего кашля мужика. Он переваливается на бок, харкая выбитыми зубами. И все, на что меня хватает — командные пара слов.

— Френсис, пойдём. Мы уезжаем.

Альма расширяет глаза, оглядывая меня, как конченого дебила, и недоумевающе раскрывает рот в шоковой усмешке. Не перестает гладить девушку, отчего я кривлюсь в приступе неразберихи, повторяя четче:

— Френсис, поехали, я тебя отсюда увожу...

Она сжимается еще пугливее и... шагает от меня.

— Флойд, ты придурок, — шепчет Морис, потирая глаза, — Поверь, разгрести это будет сложно...

— Френсис, пошли со мной, — игнорирую я, чеканя обувью в ее сторону, однако кошечка судорожно отдалается, прячась за Альмой, что приколачивает меня к земле и за-

ставляет закричать в искреннем неведении, — Что?! Почему?! Блять, он избил тебя, а ты все равно предпочтешь это место мне?! Какого хрена вообще в твоей голове?! Тут опасно!

Я ненавижу это.

Я ненавижу ее ебаную реакцию!

— Флойд, успокойся, — уже злобно выдавливает Морис, прикасаясь к моему плечу, и я рвано шевелю торсом, чтобы скинуть хватку, — Она не сядет в твою машину после... такого, черт возьми. Я поддерживаю идею закопать этого выродка и поступил бы точно так же, но, мать Божья, не на ее глазах!

Я их не понимаю. Если бы Гектора побили, во мне бы страх не разросся. Я бы исключительно поблагодарил. Они прикалываются надо мной?!

До ушей доносится случайный всхлип. Кошечкин. Я никогда бы не представил, что в мире будет существовать звук, который приведет меня в глубинное горе, раздерет на части. У самого дыхание сбивается, а ярость не прекращает разъедать вены — все путается и лопается. Я произношу через зубы снова, в последней попытке, не догоняя, почему, сука, вынужден умолять.

— Френсис, пошли со мной, или я уезжаю и больше не приеду. Это ненормально. Тебе безопасность гарантируют, а ты решаешь торчать в отстойнике.

— Господи, ты еще и тупой мудак, — стонет Морис, сжи-

мая переносицу, а Альма так вообще тарашится на меня в абсолютном осуждении.

Девушка не выходит. Даже не колышется в сторону согласия. Я гримасничаю и вскидываю окровавленными руками, фактически выплевывая:

— А знаешь что?! Ну и пошло оно нахуй! Сиди в секте до старости. Я, ебанный в рот, старался, но ты все равно хочешь быть в кругу поехавших фанатиков. Желаю удачи!

И я разворачиваюсь на пятках, ругаясь еще тысячу раз, уходя прочь. По пути со всей дури пинаю уroda на земле: он мычит и стонет от дикой боли, а это раздражает, так что помогаю, блять, захлопнуться! Ездил, носился, цветы дарил, заботился, все мысли в ней двадцать четыре на семь. Что взамен?! Нихера! Не маленькая уже, возиться незачем. Нравится молиться камню?! Пусть молится.

Я к этому цирку вновь не подойду. У меня есть дела поважнее.

Глава 10

Когда я уезжал из секты, у меня было странное ощущение. Словно к душе прицепили гантели, и их вес увеличивался по мере расстояния. Я жмурился и пытался растереть центр груди, чтобы избавиться от ноющей боли, но ничего не вышло.

Альма с Морисом промывали мозги: помчались следом и завалились в квартиру. Трещали бесперебойно о том, как накосячил, пока мой рот был занят виски.

— Флойд, Господи, подумай глубже! — доказывала подруга, которой я ничего не мог возразить, ведь это невежливо по отношению к Морису, — Она мира нашего не знает, с ней аккуратность важна, а ты сцены кровавые разворачиваешь, орешь. Разве Френсис заслужила криков?

Я смотрел в сторону, ненавидя то, что меня отчитывают. Молчал и ждал, когда лекция «как стать пай-мальчиком» кончится. Они делали только хуже: заседали морально, отчего я сильнее желал отстраниться, не закрыть, а заколотить двери этой темы отбойным молотком. Потому что, как мы выяснили часами ранее, ситуация мне неподвластна. Я не могу остановиться в серой зоне, наблюдать побои и бездействовать. Но Френсис, похоже, хочет именно этого: чтобы ее синяки игнорировали. К чему были те слезы? Тот страх? Слушать Сраллю и соглашаться с ущемлением — да, нор-

мально. Увидеть, как тебя защищают — нет, невыносимо. Мне не близка эта идиотская логика и близка не станет. Я не чувствовал себя виноватым и не понимал, почему от меня требуют раскаяния.

Вы знаете, мир объясняется довольно элементарно. Есть два типа людей: те, кто стреляют без сожаления, и те, кто извиняются за полученную пулю. Я из первого типа, а Френсис из второго. Мы полярны друг другу, что было очевидно с первой встречи. Она всегда будет видеть проповедника Дика и отца святыми, а меня монстром — только лишь потому, что не ношу белое. Такой, как я, не нужен ей. А мне не нужна она. Все.

Уход друзей стал лучшей частью дня. Альяма продолжала сетовать в пороге, ведь не получила никакого ответа на все попытки «вразумить». Морис смотрел более снисходительно. Он добавил перед тем, как выйти за дверь с девушкой:

— Позвони, если нужно будет поговорить. Или помолчать.

Я закатил глаза и закрыл за ними замок, после чего быстро принял душ. А потом... уснул. Со мной такое редко случается: даже если ложусь в пять утра, все равно встаю в девять-десять и днем не засыпаю. Это мешает рабочим моментам. К тому же я не люблю пропускать жизнь — она у нас всего одна. Но тут накопилось. Усталость и нервы смешались между собой, чтобы вырубить организм на шесть часов. Когда распахнул веки, потерялся. Вокруг темно, все за-

путалось. Через две секунды память восстановила минувшее утро, и в груди снова завертелся ком тревоги. Внутренний груз усилился: к нему добавилась неожиданная тоска. Я ощутил себя каким-то ужасно несчастным и частично осознал, какую дурь наворотил.

Потому запихнул себя в джинсы, натянул худи и сел в Мустанг, совсем скоро покинув город. Мы договорились встретиться в час ночи, и да, я выдал басом, что больше не приеду, но, возможно, Френсис захочет проверить. Конечно, я не переставал злиться. Не переставал недоумевать. Клясться себе, что она для меня — никто. И все же сердце знало лучше: оно заставляло давить по газам, дабы не опоздать.

Спешка оказалась ни к чему. Пробираясь сквозь кусты, шагая к сараю через полотно душной ночи, я лишь получил присутствие цикад. Стоял там, на «нашем месте», около белых амбарных дверей, и корил себя за ошибки. Френсис действительно незачем приходить: я сам поставил между нами точку, размером с три ультрамассивных черных дыры. Глупо было надеяться на встречу.

Стучаться к ней в дом нельзя: подставляю перед родителями. Так что я вновь задался вопросом: забыть или добиваться. И, сжав кулаки, я решил для себя четкое: в последний раз попробую жить прежней жизнью, без нее. Если не получится, сражения отброшу. Приду или приползу, голову склоню и попрошу принять. А пока следовало вновь рискнуть стать тем, кто имеет всего две зависимости: никотин и кофе.

Никаких милых кошечек.

Той же ночью я купил билет в Партарину, где посетил аукцион на следующий вечер. Отрекся от девушки, сконцентрировался на стабильности, с которой все кристально ясно. Купил картину. Поужинал с давним знакомым в его уединенном пентхаусе на склоне. Подымил сигарой. Поплавал в бассейне. Потом, через два дня, прилетел в Нью-Хейвен. Снова работал. Проводил совещание. Много бегал. Один раз встретился с важными людьми за чашкой напитка на панамских зернах. В две ночи скурил два косяка. Был у бабушки. Смотрел фильмы. Взялся за новую книгу по менеджменту: прочел половину, хотя материал банальный для моего опыта знаний. Заблокировал контакты всех доступных женщин — не потому что порывался написать, а потому что не хотел, чтобы они писали мне. Заглянул к Митчелу. Мы поиграли в приставку и поели стейки.

Я пытался забыть Френсис неделю: ровно столько же, за сколько она меня очаровала.

У меня не получилось.

В каждой мелочи был намек на девушку. Я видел ее в толпе прохожих. Замечал цвет ее глаз в случайных вещах. Сравнивал голоса чужих женщин с ее красивым шепотом. Мечтал о совместном сне все семь ночей. Видел ее во снах. Чувствовал. Много думал и анализировал.

Кошмарно много скучал.

Время тянулось, словно проклятое, и я не понимал, как

держусь, ведь это было безумно трудно. Мне казалось, что чем дольше мы не контактируем, тем выше шанс разорвать связь. Однако все вышло с точностью наоборот. Тяга к ней закрепилась намертво, превратив в мертвеца и меня: я не проводил ни одного часа без мыслей о кошечке.

Мне понадобилось четырнадцать дней от первого взгляда, чтобы признать чувства. В масштабах Вселенной это пустяки. Но для меня прошло не меньше года, и я измотался борьбой до истощения. В один из вечеров в загородном коттедже, наедине с собой, даже ощутил гребаную беспомощность в горле, отчего затошнило. Конечно, я не люблю Френсис, мы недостаточно близки для такого громоздкого слова. Однако совершенно определенно: она живет в моем сердце. И против этого, как лично убедился, нет противоядия.

Без понятия, каким чудом, но и злость к ней любая иссякла. Вернулась нежность — правда, в умноженном объеме. И появилось то, чего вообще не ждал: громадная вина, абсолютно терзающая и сметающая.

Я перекопал в памяти нашу последнюю встречу тысячи раз. Оценивал свое поведение... паршивое поведение. Нет, мне не совестно за побои — так козлу и надо, получил по заслугам. Но мне совестно за те крики. За то, что устроил расправу при ней, потому что она действительно не должна быть свидетелем жестокости — без разницы, какого вида свирепость и кто ее выдает, Френсис заслуживает наблюдать свет, а не тьму. Я расположил ее к себе, был трепетным,

а потом порушил все за один миг. Расстроил и обидел. Вынудил плакать, что вообще полное мудачество. Ставил перед выбором, который ей пока что не по силам. Неправильно требовать от нее многого, девушка совершала прогресс, шагала навстречу, но это не означает, что она готова прыгать. Нельзя ожидать от кого-то травмированного чудодейственной разумности, я могу лишь предлагать помощь и быть последовательным — вот, в чем истина.

Я так же ощутил нечто неподдающееся толкованию: на передний план вышло не желание касаться, а желание быть близости. Больше не тянуло дронить в душе, а голову не забивали вариации поцелуев с ней. Единственное, что я испытывал — высокое чувство искренней преданности. Это сломало мозг.

Мне было бы достаточно просто дышать напротив нее, чтобы чувствовать себя полноценным. Эта правда была крайне тяжела для принятия.

Тогда на ум пришел очередной проеб: папаша девушки заметил засос, озвучил наличие отметки, а я еще и подтвердил причину ее появления. Каково было Френсис? Мерзко, полагаю. Я не уверен, что она чувствует ко мне симпатию, однако, если чувствует, факт недавнего «траха» должен был ощущаться неприятно. Но я ни с кем не спал. Трогал, пытался и все же прекратил. Изменой не считался бы и секс, ведь мы с Френсис не в отношениях, оба взрослые люди. Так или иначе, осадок в кошечке явно остался. Я кретин. Облажался

по всем фронтам.

Френсис была слишком щедра ко мне: шла на уступки, доверяла и перебарывала противоречия, рисковала, дабы провести вместе пару часов. Я пренебрег ее смелостью, а потом исчез на неделю — хотя эти семь дней были необходимы, они помогли разобраться в себе и устаканить сложные вещи.

С чего я вообще решил, что она простит и откроется заново? Вероятно, банально привык получать желаемое, но с кошечкой так не работает. Она другая. С ней все иначе: гораздо тоньше и многограннее. Поэтому не имею представления, как исправить ошибки.

Тем не менее это вовсе не означает, что я не буду исправлять.

Сегодня, на восьмой день разрыва, мои руки написали записку. «Я очень виноват перед тобой. Пожалуйста, разреши выразить сожаление вслух. Этой ночью в 1:00, как обычно. Буду сильно ждать». Морис и Альма уже не посещают службы — они сочли это опасным для Френсис после инцидента, с чем абсолютно согласен. Так что пришлось послать... Патришу. Она была удивлена, но я не нашел человека лучше — ей можно доверять, секреты хранить умеет. Обозначил, кому и как нужно аккуратно передать бумажку, в подробности не вдавался, сразу же достал кошелек для оплаты услуги. Но девушка не взяла деньги, пробормотав:

— Вы и так хорошо мне платите, мистер Маккастер. Входите в положение, когда прошу. Поэтому не стоит. Мне

нетрудно.

Ну, это на самом деле правда. Мероприятия проводятся раз в две недели, а Патриша работает шестнадцать дней в месяц — ведет учет, занимается «бухгалтерией», информирует о завершении того или иного процесса. Я отдаю команды, инструктирую. Она следит за готовностью ключевых пунктов. На совещаниях и брифингах, где сидят все сотрудники, достает папку и пересказывает итоги, благодаря чему я, поставленный в курс выполненных задач, могу легче и быстрее пройти по дополнительным аспектам. Уже говорил: взять ее в доверенные лица было превосходным решением.

Так что она съездила в церковь, а потом отчиталась:

— Передала, дождалась, когда прочтет, и забрала. Никто не заметил.

Во мне прошла волна волнения. Я опущу, что места себе не находил, шатаюсь по кабинету туда-сюда в течение двух часов.

— Она... какие у нее были эмоции? — мой голос был сдавлен от страха отказа.

Патриша замялась, прежде чем выдохнуть:

— Смешанные. Как будто ей... неудобно, — это заставило прикрыть веки, одно только представление страдания в голубых глазах топтало сердце, но брюнетка добавила мягче, — Я не смотрела, что Вы написали, но, думаю, Френсис не откажется. Она прошептала мне: «Хорошо». Потерянно прошептала, и все-таки... да.

Кошечка промяукала: «Хорошо».

Она придет.

Господи, я реально не рассчитывал. Это не обещание о прощении, быть может, девушка хочет попроситься, обозначить, что не нужен. Но я хотя бы увижу ее.

И я обязательно все изменю.

Френсис

Все двадцать лет жизни я не отличалась ловкостью. Когда тебе велено смотреть исключительно в пол, ты автоматически становишься неуклюжим. Так что это и произошло: поскользнулась на мокром полу, упала, ударилась об комод лицом. Синяк расплзся молниеносно, хотя я растирала его пальцами сквозь зудящую боль. Родители поругали: в церковь вход открыт только тем, кто идеален. Поэтому послали на огород.

И кто бы знал, во что это выльется...

Я понимала, что Флойд не поверит в нелепые обстоятельства, но не ожидала встретиться с таким человеком. Он совершенно отличался от того, кого я знаю. Пришел в ярость, испепелив прежнюю деликатность. Это бросило в ужас, и я сразу подумала о том, что мама была права.

Она говорила о жесткости этого мужчины, но мое сердце было ослеплено симпатией, поэтому здравая оценка реальности не проводилась. Чего можно было ожидать от парня, который угрожал сжечь проповедника? Я просто хотела ви-

деть его определенным образом, а потому обманулась. Он-то не нарекал себя ангелом. Это были мои мысли.

Я постоянно перепрыгивала через страх, чтобы оказаться ближе к Флойду, но, кажется, это все же было чрезмерно опасным занятием. Меня душил стыд за грехи, однако я оправдывала себя тем, что, возможно, ошибаюсь насчет мира, ведь мне известно только то, что говорит община. Они оказались правы: люди в городе погрязли в плесени. У нас мужчины не бьют друг друга, это запрещено. И если Флойд так легко набросился с кулаками на моего отца, что же он творит с неугодными женщинами? Я думаю, он бы убил меня, поведи я себя не так, как требуется.

Мне было необходимо подтверждение, что наши свидетельства безрассудны, либо подтверждение, что они нормальны, но я получила первое, и это было слишком горько. Он кричал на меня так, словно тотально разочарован. Выдал, что все кончено. Матерился. Я в курсе, что заслуживаю мужского осуждения и должна была приспособиться к подобному, но почему-то от Флойда это вытерпеть оказалось труднее.

Я не испугалась крови отца. Я испугалась того, что совсем не знаю парня. В этом тоже состоит странность, ведь во мне обязана присутствовать любовь к родителям, и я считала, что она есть, но тело не бросилось на защиту папы, хотя, если бы кто-то избивал Флойда, я бы попыталась оттянуть обидчика. Отец так и заявил, когда поднялся с земли:

— Вот значит как... даже не вступилась.

Он, видимо, хотел, чтобы я подралась с Флойдом за него... но я не смогла бы ударить парня, не умею и не хочу.

Предвещала, что накажут в доме. Однако папа выдвинул: — Молодец, что не поехала с ним. В городе тебя бы били так, как он меня, ежедневно. А здесь, дома, ты в безопасности. Тут тебя любят. Запомни этот урок.

Я послушно кивнула и отправилась молиться, утерев слезы. Но ночью плач все равно душил. Душа скучала, несмотря на противоречия. И мне было горестно, потому что мы разлучились на века, хоть это и верно. Скоро ночь зачатия со Сраллей. Следовало концентрироваться на важном. Вроде бы хорошо, что все так обернулось, отвлекаться не на что. Однако... с Флойдом было прекрасно, пока не произошел кровожадный инцидент. Я не знала, как жить в серости, когда познакомилась с красками. Это было сродни пыткам: примиряться со своим грустным положением вновь.

Мы перекинулись парой фразой с Рахиль, одной из претенденток в жены для Сралли, и она прошептала, что проповедник наслышан о случившемся и совершенно огорчен мной. Я шатко спросила:

— Что это значит?...

Девушка самодовольно ответила:

— Это значит, что его терпение кончается, и все обернется бедой для тебя, но счастьем для меня, ведь я симпатизирую ему сильнее, чем Иффинг, пусть и меньше, чем ты.

Я не уверена, что на ее слова можно опираться, потому

что в них звучит конкурентность, поэтому предпочла огран-
диться от темы. Им неистово хочется стать матерями в отли-
чие от меня, и абсурдность состоит в том, что я все равно
встаю первая на оплодотворение. Но так решено святым, а
значит так нужно. Кто я, чтобы не соглашаться?

Тем не менее... мои глаза все равно искали особенные бо-
тинки, когда находилась на проводи. У Флойда обувь всегда
начищенная, будто новая. Я не определяюсь, почему нужда-
лась в его визите. Вероятно, мне хотелось получить какое-то
опровержение. Услышать, что он не поступил бы так грубо
со мной. Осознать, что он погорячился. Это вряд ли бы что-
то изменило: опять же, через две недели произойдет сближе-
ние со Сраллей. Однако мое нутро скулило по аромату пар-
ня. Мои уши ныли от недостатка хриплого голоса. Мое серд-
це рвалось от нехватки нашего контакта. Я будто преврати-
лась в сборник несостыковок: одна часть меня нуждается во
Флойде, а другая часть признает правоту общины сильнее,
чем когда-либо прежде.

День за днем, солнце сменяло луну, звенели разные темы
проповедей, уроки с родителями возобновились — я полно-
стью отчаялась и перестала надеяться на его появление. Он
говорил, что выполняет обещания, так что было бессмыслен-
но молиться на обратное. Но на восьмой день... что-то изме-
нилось.

Сегодня ко мне подошла девушка. Протянула записку. От
знакомого почерка желудок свернулся.

«Я очень виноват перед тобой. Пожалуйста, разреши выразить сожаление вслух. Этой ночью в 1:00, как обычно. Буду сильно ждать».

Виноват... выразит вслух... будет ждать.

К горлу подкатил слезный ком: я обрадовалась посланию, не верила в него и, вместе с тем, его боялась. Смесь чувств ударила громом по голове, дезориентировала. Рот бесконтрольно прошептал:

— Хорошо.

А в организме творилось черт-те что. Я не знаю, буду ли в безопасности с ним. После того дня я правда больше не знаю. Было не по себе от догадки, что Флойд накажет меня за неповиновение. Что, если он назначил встречу ради этого? Изобьет или украдет? Тоже станет... оплодотворять? Иначе зачем я ему? Для дружбы? Он объяснял, что ничего не хочет, но... я сомневаюсь. Так быть не может: сначала дарит шоколад и воодушевляет ручками, а потом резко зовет с ним сбежать. Значит, цель у тех посиделок все же имелась: уговорить меня уехать в город. Зачем? Ему... одиноко? Он ищет новую компанию для душевных разговоров? Я не совсем подходящая кандидатура...

И я обязательно буду винить себя за глупость позже, но тоска по нему сильнее всего прочего. За эту неделю разрыва я поняла: даже если он и убьет меня — нестрашно. Ночь со Сраллей пугает меня куда больше, так что я предпочту умереть от ударов Флойда, нежели лежать под проповедником...

Я серьезно размышляю о своих предпочтениях?

Этот мужчина стал моим главным грехом. С ним и я стала грешницей высшего ранга. Было бы больше извинин в мозгах, не приняла бы приглашение. Но я слаба перед ним, абсолютно слаба. Чтобы он ни выкинул... все постараюсь понять. Потому что Флойд... Флойд сердцу дорог. Я впервые по кому-то сучала. Впервые так больно и сильно.

Вы его не видели, а если бы он перед вами предстал, все бы поняли. Я мало людей наблюдала — в общине скупое количество народа — но он самый красивый, он совершенный. И нет, прикипела я к нему не из-за внешности, его черты — всего лишь добивающий фактор. Я привязалась, потому что рядом с ним в груди все бушует и искрится. Потому что когда он смотрит на меня — а он всегда смотрит — по коже бегут мурашки. Потому что... это просто он. Здесь не подобрать объективной причины. Я им очаровалась еще тогда, когда тембр услышала, до встречи с лицом. Что-то щелкнуло. Поначалу напугало до побеления. А после превратилось в зависимость. Он мне нужен.

Поэтому я снова ускользаю из дома. Настенные часы на кухне показывают без пяти час. Опоздаю, и он уедет, но я не могла раньше — отец храпел тихо, то есть неглубоко уснул. Меня бы хлестали розгами сутки, если бы застукали за проступком. Надеюсь, Флойд не рассердится малой задержке... не покалечит сам.

Колени подкашиваются и велят развернуться, когда вы-

хожу на улицу, освещенную луной и звездами. Сегодня не душно, почему-то прохладно. Ветер чуть колышет ночнушку, пока пробираюсь по степи, потупив взгляд. Кожа, нагретая одеялом, стынет, вынуждая подмерзать. Я дышу с переборами, крайне тихо, и обнимаю себя покрепче. Тревожусь безмерно. Мешкаю. И все-таки дохожу до амбара, где замечаются его ноги — только от этого глаза слезятся. Ползунок трескает шкалу тоски.

Я останавливаюсь на расстоянии в три шага, одновременно мечтая прибиться к его телу и исчезнуть, ведь совершенно не представляю, что он мне предложит. Флойд явно изучает меня, скользит взглядом первые секунд десять, а после... шепчет несвойственным ему голосом, полным волнения.

— Я понимаю, что заставил тебя нервничать. Но ничего не поменялось, Френсис: никакого вреда не причиню. Пожалуйста... не надо меня бояться. Вся дрожись.

Ну, вообще-то, я просто замерзла и соскучилась — в этом основная причина тремора. От его клятвенного тона переживания по поводу убийства рассеиваются. Поэтому пытаюсь унять реакцию на плохие погодные условия. Я и обувь-то не надела: родители начали прятать балетки по вечерам, будучи накрученными от событий. Так что ступни страдают особенно ярко. Их еще каким-то образом отряхнуть от пыли придется.

— Зайдем внутрь? — тихо предлагает, очевидно боясь

принять отказ, — У меня не получится быть с тобой долго сегодня, прости, пожалуйста, я могу только объясниться, а потом нужно уехать: с работы позвонили, мое присутствие необходимо. У нас минут десять есть, кошечка.

Мой живот скручивается от расстройства, но я не злюсь на Флойда, хотя он звучит безумно виновато. У него есть свои дела, и мне приятно, что он, игнорируя неотложность, выделили время на разговор, ничего не отменил. Поэтому я иду к постройке, где мы скоро скрываемся от лишних глаз. Треск цикад остается за зданием, как и шелест кустов, погружая нас в надломленную тишину. Парень стоит напротив. Было бы хорошо залезть наверх, как мы и делали, однако с этим, похоже, сегодня не сложится. И он торопится, хрипло выкладывая уязвимые речи:

— Френсис, я до сих пор не жалею, что избил его. Прости, но мне правда не жаль. Тебя обидели, а те, кто делает тебе больно, будут иметь дело со мной: безоговорочно, всегда, — в нем сквозят оправдания, несмотря на посыл фраз, и я ежусь, пытаюсь анализировать находку, — Но я жалею, очень раскаиваюсь за свое поведение, касательно тебя. За то, что напугал. За крики. За ультиматумы. За то, что бросил на неделю. Я не должен был так поступать и впредь не поступлю. Прошу, прости меня... — он прерывается на секунду, перебивает сам себя, — Стоп. Тебе холодно?

Я закусываю губу, взвинченная потоком его искренности, и слабо киваю, после чего моментально слышу то, что он сам

сдержать не сумел:

— Можно тебя согреть?

Так... на чем тут сосредоточиться? Умоляю, Флойд, позволь переваривать реальность поступательно.

Я раскрываю рот, физически чувствуя, как время поджигает. Мне критически важно взять паузу, дабы обмозговать его извинения, однако в эту ночь каждая секунда является роскошью. Потому определяюсь: осмыслю дома. А пока... каким образом он там запланировал предотвратить болезнь?...

Мои плечи приподнимаются, и я вкладываю всю имеющуюся мощь для одного скромного, дрожащего вопроса:

— Как?...

Не вру: Флойд бы рухнул на пол от обретенного дара речи. Я вроде бы усвоила, что он за общение меня не бьет. Проблема в другом: парень не тишианец. Перекидываться с ним предложениями — запрет. Но я ведь и без того все на свете нарушила...

Он шумно сглатывает и вбирает кислород через нос. Колеблется. Наконец, отвечает неровное и глухое:

— Объятиями.

Пульс отключился.

Даже в глазах потемнело.

Я застываю и кусаю внутреннюю сторону щеки, вылупляясь в дощатый пол. Такое ощущение, будто мои органы задушили. По телу разливается то жар, то холод. Предсмерт-

ная горячка.

Мама иногда обнимает меня, но это нельзя назвать приятным. Если обнимусь с Флоридом... остатки здравости потеряю точно. Чувствовать его запах так близко... быть в его тепле... да я же в обморок свалюсь.

В череп сразу просачиваются навязчивые упрёки, самобичевание, слова «грех», «плесень», «неправедно». Однако... я хочу, чтобы он меня руками укутал. Это плохо, что я того хочу. Кошмар. Отмаливать долго придется...

И все равно я делаю к нему шаг.

Я к нему ступаю, показывая разрешение.

Мне просто нужно быть с ним сегодня. Пожалуйста, простите, мне очень нужно. Обещаю: я искуплю эту ошибку. Буду хорошей матерью. Вытерплю все, что уготовлено. Только дайте мне побыть с этим мужчиной хотя бы пару секунд.

Он рвано выдыхает, а следом вынуждает содрогнуться: без сомнений подходит вплотную и обвивает предплечьем, вжимая в себя с нежностью, роняя нос в мои волосы. Я застываю. Коченею. Флорид разбивает в щепки: аккуратно берет одну мою руку, складывая ее у себя на груди, а затем проделывает ту же работу со второй, прежде чем накрыть их своей ладонью.

Все. Пропала.

Пожалуйста, не забирайте меня из этого места. Я там, где хочу быть.

Никогда меня от него не забирайте.

Длинные пальцы выводят узоры на коже. Он поглаживает спину. Губы шепчут в макушку неимоверно пронзительно:

— Прости меня. Пожалуйста. Прости. Не буду так больше. Я по тебе скучал. Только о тебе и думал.

Предложи уехать с тобой снова.

Я всем естеством тебя прошу: предложи.

Флойд, предложи, пожалуйста. Я соглашусь. Сейчас без раздумий. Не оставляй меня здесь. Забери и спрячь.

Его черное худи отдает сигаретами, кофе и тем уникальным ароматом. Торс твердый, хотя на нем мягко, что нелогично. Я плотно сжимаю губы и сбавляют напряжение в теле, чтобы прибиться к нему вплотную самостоятельно, в настоящей безмолвной мольбе, и он задыхается от этого жеста, вдруг смещая голову еще ниже, чтобы приложить лоб к моему виску и проговорить неустойчивым тихим хрипом:

— Ты правда мне дорога, Френсис. Сильнее, чем я думал. Чем я мог бы когда-либо представить. И это чертовски сложно, моя нежная кошечка.

Я едва разбираю его буквы: он относится к ним с опаской, говорит совсем неотчетливо. Мой рот не осилит нормально-го ответа, потому я отзываюсь действием: боязливо обхватываю его большой палец ладонью, слегка сжимая, и он морщится, потираясь об висок носом, отчего моя кровь бурлит.

Это такой хрупкий момент, что его способен разрушить даже взмах крыльев насекомого. Словно нам обоим больно и хорошо разом.

Во мне нет столько наглости, чтобы проситься к нему. Флойд мог выдать то предложение на эмоциях, что, впрочем, так и есть, по всей видимости. Поэтому мне отведено малое: наслаждаться данной минутой, никак не претендуя на постоянство. Меня уже заранее тошнит от разлуки, а она стремительно наступает с прощальными слогами:

— Я бы так всю ночь с тобой провел, — сжато бормочет, мягко ласкаясь носом снова и снова, обдавая горячим дыханием, — Поверь, ничего сильнее этого я не хочу, Френсис. Но мне надо ехать. Завтра увидимся так же, хорошо? Ты придешь?

— Приду, — заикаюсь, еле сдерживая эмоции.

Он громоздко выпускает кислород и позволяет себе то, о чем не спрашивал: невесомо прижимает пухлые губы к виску, а затем поднимает мою ладонь, чтобы оставить на руке трепетный поцелуй, отчего я сгораю. Флойд буквально тащит себя за шкурку, когда отдаляется и спешно произносит:

— Завтра. В час ночи. Снова тебя обниму, моя хорошая. Добрых снов.

Моргнуть не успеваю, как он исчезает за дверьми. Будто его здесь и не было. Словно я сошла с ума.

Тело гудит от близости. Рассудок затуманен. Часто моргаю и кое-как держу себя на ногах. Что это было? Почему так прекрасно? Разве это реально — испытывать столько фейерверков от соприкосновений с человеком? Мы не в сарае находились. Переместились к звездам, к чему-то высокому,

приблизилась к недостижимому. Как мне жить со Сраллей, зная, что все годы буду хотеть к Флойду? В миг, когда моя грудь примкнула к его телу. Когда я растворилась в бережной хватке. Когда почувствовала животрепещущую нужду не разделяться до старости. Это убивает.

Меня колотит пуще прежнего. Я запрокидываю затылок и стискиваю зубы, чтобы избавиться от подступающей влаги. Переизбыток минувших минут невозможно переоценить. Но надо возвращаться домой, чтобы не заболеть — иначе наши встречи отменятся.

Я встряхиваюсь и привожу себя в норму. Выныриваю на улицу, где вдалеке заметен любимый силуэт: Флойд садится на мотоцикл, надевает что-то на голову и уезжает по трассе в сторону светящихся построек. Провожая его отчаянным взглядом: через полминуты на горизонте нет ни намека на парня. Это печалит, но я подбадриваю себя обратным отсчетом: все меньше и меньше времени до следующей встречи, минус секунда, минус минута...

— Френсис, Френсис, Френсис, — доносится сбоку, и я подпрыгиваю, выкатывая глаза в диком нечеловеческом страхе, замечая Сраллю, что вышел из-за сарая, — А я ведь тебя предупреждал.

Глава 11

Когда я слышу его тягучий насмешливый голос, внутри меня разрастается яма, в которую с грохотом падает сердце. Пульс подскакивает, а тело моментально покрывается холодным потом. Я не могу моргать и дышать. Меня словно поставили лицом к лицу с остервенелым монстром, не предоставив средств для спасения.

Никогда, ни разу в жизни я не переживала кошмар такого масштаба.

Он вбирает кислород, в то время как мне до сих пор не удается, и нерасторопно двигается вперед с расширенными от гнева ноздрями. Страх повышается с каждой секундой, бросая мою душу в панику, и я жалею, что не имею возможности скончаться прямо сейчас, ведь это было бы куда лучше — смерть все равно наступит, просто позже, после пыток.

Он меня уничтожит.

Меня сегодня не станет.

Я не представляла, что осознаю такие горькие вещи в двадцать лет. Мне виделась иная судьба: да, блеклая, да, несчастная, и все же она завершалась естественной гибелью. Сралля не виноват, конечно, его я не виню. Это моя вина, а он лишь справедливо карает за проступки. Но как быть готовой попрощаться с собой в столь молодом возрасте?

Я чувствую раздирающий ужас, как только проповедник

подходит вплотную и медленно склоняет голову, внюхиваясь в мой запах, довольствуясь мелкой дрожью мученика. Сралля нравится получаемая реакция, он поистине наслаждается тем, во что меня превращает.

— Ты пахнешь иначе, Френсис, — жеманно бормочет, оказывая давление всем своим близким присутствием, — Что вы делали там, м? О чем говорили? Говорила ли ты?

Ему не было слышно и видно.

Я имею хоть что-то. Могу отрицать. Но поможет ли это?... Ложь — огромный грех. Мне стыдно покрываться плесенью вновь, и все-таки я желаю спастись... Это слишком жалкое оправдание. Понимаю.

— Он, — заикаюсь скачущим шепотом, — Он пришел... извиниться. И сказал... что больше не приедет. Я... я молчала...

Сралля перебивает щелканьем языка и вдруг обхватывает челюсть двумя грубыми пальцами, чтобы задрать мою голову к своей и прошипеть свирепым тоном дьявола:

— Не ври мне, Френсис Гвинерра, — я издаю звук ничтожества от того, с каким усилием он тянет мой подбородок вверх, и сгораю от гнета, — Ты терлась об него, иначе бы не пахла мужиком. Дешевая потаскуха, которая кинулась на первый член, что оказал внимание. Я был о тебе лучшего мнения.

Все происходит на бешеной скорости. Я раскрываю рот, чтобы отрицать, но он жестоко толкает меня к стене сарая, не

отпуская лицо, и выговаривает фактически по буквам, брызжа слюной от степени ярости:

— Сутки пороть буду, — вынесенный приговор заставляет подавиться отчаянием, — Потом здесь же повешу. Ты испорченная, а значит не нужна. Но пока... — мужчина прикрывает темные глаза на миг, прежде чем расстроено произнести, — Придется тебе поспать, чтобы я все подготовил.

Я не успеваю за его ходом речи, как мой затылок без предупреждения бьет об стену, вынудив шумно проскулить и потеряться в пространстве. Что он творит? Что творится? Мне больно... но проповедник делает это снова, только гораздо сильнее, до треска досок, недовольный неудачей первой попытки. Зрение резко выключается, поддаваясь завесе тьмы.

Распахиваю ресницы с тошнотворным чувством, ощущая вязкость во рту и дикое головокружение. Все плывет. Пахнет... древесиной. Горелым воском. Моя челюсть отвисает, легкие жадно заглатывают кислород, дабы предотвратить рвоту. Я щурюсь и пытаюсь проморгаться, но даже шею трудно ровно держать. Однако не бросаю попыток из-за какого-то инстинкта самосохранения. Жалею моментально. Лучше бы бросила. Потому что первое, что вижу — столб и привязанные к нему руки. Потом улавливаю собственное позорное положение: стою на коленях, в сарае. Это должно быть сном... просто плохим сном...

Я хочу к Флойду.

Он же здесь, да? Мы стояли там, недалеко от дверей, обнимались... я веду размытый взгляд влево и встречаюсь с отцом. Он осматривает меня в бесповоротной ненависти, и нет в нем ни капли милосердия. Сплошное презрение.

А затем кровь стынет по щелчку пальцев: рядом со мной приземляют железный вытянутый таз, фактически стучат дном об пол, по вине чего вода создает волны и частично выплескивается наружу. На бедро попадают капли кипятка, и это вынуждает окончательно погрузиться в реальность, пискнуть от жгучего контакта. Розги замочены: их много, не сосчитать. Пар обдаёт заледеневшие руки, но не согревает. Меня сейчас ничего не согреет и не укроет. Все, конец.

Теперь я знаю: человек умирает не тогда, когда сердце замирает. Он умирает раньше. В момент принятия, что тебя точно не спасут — ни благословение неба, ни чужая добродетель. Просто точка. Без объяснений, без восклицаний. Ты — беспомощное тело, которое ждет, когда его добьют.

И меня добивать будут долго.

— Хорошо, что очнулась самостоятельно. Я думал, придется будить, тратить драгоценное время, — бормочет Сралля сзади, и мои глаза расширяются, а зубы сжимаются, как только чувствую холодный металл.

Он разрезает ночнушку от поясницы вверх по позвоночнику, выверенной линией, пока одежда не открывает спину полностью. Ножницы издавали характерное лязгание, оповещающая о неминуемой трагедии.

Я хочу к Флойду...

Это не просто паника. Мой разум отказывается функционировать. Я пытаюсь думать, но могу только слышать, как что-то грохочет внутри — будто пульс бьется где-то в ушах, в висках, в животе. Безысходность подступает резко, словно судорога. Ноги становятся ватой, но не мягкой, а колючей.

В горле тесно. Пробую сглотнуть — не получается. Рот пересох, язык онемел. Не плачу и не кричу — еще нет. Но слезы уже собираются где-то за глазами, и я даже не определяю, это от давления или от того, что мне больше некуда деться.

Все вокруг обостряется, и, вместе с тем, я перестаю быть собой. Есть только ожидание боли. Или вопля. Или чего-то хуже, чего я пока не могу назвать. Страх заворачивается в груди едким комком, побуждая умолять о пощаде, однако слог не вяжутся от оцепенения.

Я хочу к Флойду. Он терпеливый, касательно меня, и бить бы не стал палками. Может, кулаками, но это быстро, и его надо сильно разозлить, а я бы не злила. Он говорил, что не причинит вред, был нежным и ласковым, я помню. Тем не менее мужчины имеют право ударить женщину, и от этого факта не избавишься. Разница лишь в том, что он бы старался себя сдерживать всеми способами, а Сралля вообще не сдерживает.

Сегодня меня повесят, предварительно превратив в истекающее кровью создание.

Я хочу к Флойду.

Чем больше я повторяю это внутри себя, тем сильнее слезы грозятся скатиться по щекам. Поэтому я опускаю ресницы и плаксиво морщусь, когда слышу, как проповедник подходит к тазу и берет распаренные палки. С них капает вода, подсказывая, что все готово. В прошлое наказание, в мои шестнадцать лет, били недолго, хоть и увесисто. Назначили мало ударов, и я знала, что потерпеть нужно немного. Но здесь... никто не обозначал количество, а потому я никак не наберусь смелости для того, чтобы достойно принять исход. Это позор: я заслужила всего самого злого за непослушание, но скулю в душе так, словно меня обязаны помиловать.

— Неужели ты все-таки настолько глупа, Френсис? — вздыхает Сралля, прикладывая к моей спине кончики розг почти ласковым движением, и я заранее давлю всхлип, кривясь, — После избиения Теодора... естественно, я следил за тобой особенно тщательно. Проверял, пойдешь ли ты на такую низость: приблизишься к грязи, которая посмела нанести увечья твоему отцу. И вот я вижу, как какая-то грешная женщина передает тебе записку... — мои вены скручиваются, и я коротко мотаю головой в знак укора самой себе, — А ты, почему-то, не рвешь бумагу. Почему-то отвечаешь не тишианке. Почему-то идешь к погани, к демону, что решил увести тебя от будущего мужа. Если ты правильно помнишь, тебя могут касаться лишь два мужчины: Теодор и я. Помнишь ли ты это, Френсис?

Я открываю рот, игнорируя стучащие зубы, и хнычу:
— Да...

Но весь мой мир внезапно сужается до выкрика, как только по спине прилетает первый удар. Кожа полыхает, и я изгибаюсь вперед, стучаясь лбом об столб, издавая пронзительный скулеж. В ушах звенит, будто огонь прокатился по нервам, оставляя за собой пульсирующую, расплзающуюся боль. Слезы моментально рвутся наружу — не от жалости к себе, а от дикого шока, от того, как быстро и безжалостно муки становятся центром всего.

Я хочу к Флойду!

— Тогда с какой стати ты, помня об этом, обтираешься об чужого недочеловека?! — басом орет он и замахивается снова, отчего дыхание замирает на секунду, прежде чем тело получает новую рану, запястья пережимаются из-за веревки, которую я дергаю в бреду, рыдая навзрыд, — Заткни рот! Или хуже будет.

Куда хуже?!

Я хочу к Флойду! Я хочу к нему! Флойд, забери меня, умоляю, прошу, пожалуйста! Пожалуйста!

Дверь сарая скрипит. Мигом поворачиваю тяжелую голову в надежде, залиvisto и грузно дыша, ища истеричным взглядом парня, но натыкаюсь на мать. Она встает рядом с отцом, который абсолютно спокоен, и я сразу ною:

— Мама, мам, помоги мне, мам...

Бесполезную мольбу заменяет истошное мычание: про-

поведник замахнулся, вновь рассекая плоть. Я пытаюсь не орать, пытаюсь быть угодной, пытаюсь не ошибаться снова, однако надменные слова мамы вытаскиваю из горла надрыв-ный всхлип.

— Ты заслужила. И я больше не твоя мама. Мне грязная дочь не нужна.

Вот, какова их позиция. Я знаю, что виновата, знаю, что оплошала, но так ведь нельзя, так нельзя! Всегда старалась быть хорошей, все-все выполняла, не перечила. Зачем убивать меня за один проступок?

Но все опять концентрируется на терзании. И опять. И опять. Он бьет в те же места, целится в прежние рассечения, ненавидя меня всецело. Попутно ворчит о том, какая я отвратительная:

— Посмотри, до чего ты довела! Посмотри, что мне приходится делать! Как ты могла так со мной поступить?!

Потом смеется. Правда, он смеется. Каждый раз, когда я содрогаюсь и скулю через сомкнутые губы, роняя поток слез на деревянный пол. Моя кожа онемела. Я перестала считать на цифре «двадцать три». Ничего не прекращается. Проповедник постоянно меняет розги: они ломаются после двух-трех ударов, треща.

Я хочу к Флойду.

Мы сидели на втором этаже. Мы обнимались на первом. Все было хорошо. С ним было хорошо. Я хочу к Флойду. Я хочу к Флойду. Я хочу к Флойду. Я хочу к нему, пожалуйста.

Сралля все же берет перерыв. Он уходит вместе с моим отцом, и через приоткрытые двери я вижу солнце. Значит, сейчас день. Наступило время проповеди. Сколько меня били? Сколько часов? Все размыто. Реальность мутная. Мозг работает лишь на пару процентов.

Я хочу к Флойду. Я просто хочу к нему. Он же придет в час ночи. И он меня заберет. Возможно. Я очень попрошу, чтобы забрал на время. На денек. Потом не буду мешать.

Меня мелко трясет, на лбу кошмарно много пота. И шоковое состояние побеждает. Сознание выключается, как и тогда, при столкновении затылка со стеной.

К жизни возвращает очередной удар. Я распахиваю глаза, тут же бросаясь в слезы и крики, потому что ужас не прошел. Я надеялась, что умру, когда веки опустились. Но я все еще тут. Вокруг расставлены свечи. Уже ночь. Меня тошнит. Невероятно тошнит. Горло содрано. На спину словно вылили кипяток. Я не чувствую кожные покровы. Это хуже, чем ад. Я представляла то грешное место иначе.

— Запишите в летописи, — торжественно произносит Сралля кому-то, и я кое-как поднимаю взгляд, чтобы заметить всю общину, стоящую в полукруге, — Время повешения полвторого ночи. Причина — измена устоям Тишианства, развратное поведение...

Дальнейшие слова не слышу.

Накрывает одно громахающее осознание: Флойд не приехал.

Флойд ко мне не приехал.

Моя челюсть скачет, а рыдания неожиданно пронзают весь сарай, как будто я превратилась в дитя, которого бросили на произвол судьбы.

Флойд ко мне не приехал, Флойд не приехал, он не приедет, он меня не спасет, он не приехал, Флойд не пришел, Флойда нет, я одна, я умру, меня повесят, они меня убьют, Флойд не приехал, он не приедет, я одна, его не будет, меня не заберут, я одна, я одна, я одна, Флойд не придет!

— Прекрати выть!

Флойд не приехал, он меня не забрал, я одна, я совсем одна, все, конец, через минуту конец, задыхаться буду, шея свернется, Флойд не приехал...

— Поднимите грешницу, — выплевывает проповедник.

Флойд не приехал!

Кто-то подходит. И еще кто-то. Сралля развязывает мне руки, перерезает веревку на железных крюках ножницами, и мои запястья тут же рушатся вниз, но меня дергают вверх, вынуждая встать на ноги с неадекватным хныканьем. Я в настоящем хаосе. Ничего не разбираю, кроме висящей петли, кроме табурета, кроме мешка, который мне вот-вот наденут на голову. И в момент, когда тканевый пакет приближают к лицу, человек сзади решает перехватить талию поудобнее, ослабляя хватку, отпуская меня на миг...

Я спасу себя сама.

Мои руки отпихивают Сраллю со всей оставшейся силой,

а ноги срываются в сторону амбарных дверей. Я толкаю их плечом и вываливаюсь наружу, на темную улицу, падая на колени, но тут же подрываюсь, чтобы бежать вперед. Я не знаю, куда и каким образом, содержимое черепа в том же припадке, но ступни несутся в сторону трассы, по земле, и я задыхаюсь плачем, когда слышу со спины разъяренный голос проповедника:

— Держите ее!

Топот обуви позади разрезает слух. Я не оборачиваюсь, ведь это замедлит темп, и размахиваю согнутыми руками, чтобы ускорить себя, чтобы выжать всю мощь, мной просто руководит бешеный страх. В ноги вливаются камни, щиколотки царапают кустарники, но скоро ступни попадают на асфальт, на трассу, и я ною во всю силу легких от животного испуга, но не перестаю бежать вперед, к городу, до которого слишком далеко.

— Френсис, вернись! — разносится громом.

Я не оборачиваюсь. Я не обернусь. Нет. Нет. Я никогда не обернусь. Я буду смотреть только вперед. Мне страшно. Я должна спасти себя сама.

— Френсис!

Асфальт горячий. Он натирает голые пятки и пальцы, но я не сдамся, я буду бороться, я за себя обязана бороться, я не хочу, чтобы меня повесили, я не хочу!

— Остановись, живо! Я приказываю тебе остановиться!

Все мужчины общины, все они следуют за мной, они ры-

чат и ругаются, догоняя, и все же у меня была фора. Я не обернусь, я буду бежать, не оборачиваясь, я выживу, я, я, я правда, я, у меня получится.

Платье развевается, обволакивая слабое тело, хотя ветра нет. Я не умею бегать, я никогда не бегала, однако бегу, держа локтями на импульсе. Зрение до сих пор размыто из-за слез, они не перестают литься, я себя не контролирую, все слишком неотчетливое, кроме нескончаемых оров. И оры приближаются. Потому что приближаются они. Приближается проповедник.

— Тварь, я тебя все равно убью! — его доведенный до невиданной ярости тон звучит недалеко, — Ты не имеешь права уйти от нас!

Я не сдаюсь и не сдамся, я себе помогу, я себя спасу, я должна, я должна, должна! Сердце не выпрыгивает наружу, оно рвет грудь и долбится в попытках покинуть свое место. А город до сих пор далеко, мне нужно продержаться полчаса, там будут другие люди, там будет где спрятаться, там, там, я там спасусь, я не вернусь обратно...

Меня резко хватают за волосы и плечо, тащат назад, затылок запрокидывается от чужой жестокости, но рука самостоятельно заносится грубым рывком, чтобы ударить локтем, чтобы бороться, и мужчина отцепляется на миг, благодаря чему я могу мчаться снова, вырвавшись из неудачной хватки. Они кричат, они меня нагоняют!

— Френсис, остановись!

Я никогда не останавлиюсь, лучше расшибу лоб об землю и умру сама, чем полезу в петлю. Мне страшно, мне очень, очень страшно, мне так страшно, мне невероятно страшно... вдалеке виднеется машина. Фары ослепляют все больше и больше с каждым метром. Это Флойд? Это Флойд? Он за мной? Он меня заберет? Это Флойд?!

Флойд!

Автомобиль вынуждено тормозит, ведь проезд закрыт мной и бегущей толпой. Но никто не выходит. Это не Флойд. Не он. Это не Флойд, нет, нет, нет, не он. Я кидаюсь на железо, вопя сырым и измученным заиканием:

— По-жалуйста! Помогите... помогите мне!

За рулем сидит незнакомый мужчина. Он сжимает круглую штуку и просто отводит взгляд, не собираясь выходить, ожидая, когда дорога откроется, и у меня нет времени умолять, потому что рядом разносится:

— Никто тебя не спасет! Вернись! Френсис!

Я истошно выпускаю кислород и захлебываюсь хныканьем, набирая скорость вновь, но через пару минут падаю на шершавое покрытие, пыльное, спотыкаюсь, раню ладони, кашляя и трясясь. На меня тут же валится здоровое тело, толстые руки впиваются в бедра, волочат назад, я бьюсь щекой об асфальт и кричу, сдирая ногти, которые бестолково впиваются в твердость. Инстинкты руководят мозгом, я выкидываю пятку, так и не смотря на человека, и попадаю по лицу, раздается хруст, я что-то сломала, он стонет и кряхтит,

а я подтягиваюсь на забытые ноги и бегу дальше, не ощущая легких и всего организма, не ощущая ничего, кроме желания выбраться.

Жаркая ночь давит и плющит, по коже катятся соленые капли ледяной температуры, под ступнями тоже мокро, это не пот, это кровь, я не опускаю глаза, чтобы не затормозить, чтобы ничего не затормозило, нельзя останавливаться, мне ни в коем случае нельзя, я умру, если остановлюсь, они меня убьют. Топот стихает, либо отдаляется, в глазах темнеет, и я уже не понимаю, действительно ли выигрываю схватку или просто теряю сознание и напрочь перестаю отображать ситуацию. Прикусываю язык до железного вкуса, чтобы очнуться, мне нельзя падать, меня поймают, мне нельзя!

Огни города воспринимаются миражом, однако я вцепляюсь в них взглядом, как за единственный выход из мрака. Я вбиваю ступни в дорогу, не давая себе послабление. Каждый куст сбоку мерещится человеком в белом. Плечи тянет к земле, конечности, словно неродные, но я концентрируюсь на ритме: резвый шаг, еще шаг, грузный вдох и выдох, не сдаваться. В данный болезненный момент я чувствую больше свободы, чем когда-либо — эта мысль, как ни странно, держит крепче, нежели жалкие мышцы.

— Френсис! — гневный крик опять забивает перепонки, отчего я реву навзрыд, ведь меня не отпускают и не отпустят, — Ты все равно умрешь, слышишь?! Ты не добежишь и умрешь! Тебе не выжить! Посмотри на себя! Как ты вооб-

ще бежишь?!

Я не посмотрю на себя. Цепляюсь за страх, ведь он служит единственным мотиватором не бросать борьбу. Агония пожирает от макушки до пальцев, кажется, словно гудят даже волосы, однако я пытаюсь не думать об этом, я стараюсь представлять, что у меня получилось, что я смогла, хотя я не знаю что будет считаться победой.

«— Здание. Вытянутое. Пять этажей. Кофейного цвета... Много зеркальных окон. Прямо напротив него, вдоль центральной улицы, расположен хороший ресторан «Urban Graze»... На каждом этаже по несколько дверей — это входы в квартиры. Моя квартира — тридцать пятая. В доме четыре подъезда. У меня первый... У здания стоит много автомобилей...».

Как мне найти? Как мне его найти? Тот дом будет в начале города стоять? Мне будет понятно? Что такое подъезды? Как мне понять, что это будет подъездом? Я запуталась, я не знаю, я очень, очень запуталась, я хочу упасть, я хочу спать, я хочу, чтобы меня обняли, меня сейчас вырвет, я слабая, я очень слабая...

Позади разносится шум колес, а скоро автомобиль тормозит чуть впереди, и из него выскакивает девушка моего возраста, она выкатывает глаза и открывает дверь, ловит меня нежными руками, а я пачкаю ее кофту выпадом тела, ведь бег прервался внезапно, я шугаюсь и хнычу, но она испугано тараторит:

— Садись, я тебя увезу, куда надо. Садись скорее. Я тебя увезу, все хорошо, все хорошо, я не враг, садись внутрь, давай.

Она подталкивает меня к дверям, фактически запихивает в укрытие, садит на странные мягкие скамейки внутри машины и тяжело сглатывает, озираясь, после чего быстро залезает вперед сама. В этот миг, на короткий миг, в окно с моей стороны ударяют ладонями, и я давлю крик, видя испепеляющее лицо Сралли на секунду, прежде чем колеса задают бешеную скорость, скрипя по асфальту.

Все погружается в короткую тишину.

Я соображаю, что теперь они догнать меня не смогут. Машина намного быстрее.

Это закончилось?

Я теперь в безопасности?

— Вода, — перепуганно и напряженно говорит темнокожая девушка с кудрявыми пышными волосами, — Вот, возьми, пей, пожалуйста. Я отвезу тебя в больницу.

Кто такой «Больницу»?... нет, мне не надо к нему, мне надо к Флойду. Я подношу горлышко емкости ко рту, не в состоянии даже нормально глотнуть, потому что неустанно колочусь и подпрыгиваю от переполняющих эмоций и страха.

— Вы знаете... — скулю, пытаюсь взять себя в руки, — Вы знаете Флойда... Маккастера?...

Она оборачивается с изогнутыми бровями, будто не понимает, о чем речь, и бормочет:

— Нет, я не знаю никаких Флойдов, милая. Кто он? Позвоним ему из больницы.

Какая больница... какое «позвоним»... что она говорит? Что это за лампочки? Почему свет на элементах не желтый, а синий? Почему оно светится синим? Так бывает? Что все это такое? Мне больно, я хочу к Флойду, пожалуйста. Мне просто нужно к нему, очень.

— А Вы знаете... — хныкаю, сжимаясь, — Вы знаете вытянутое здание... кофейного... цвета. Пять этажей. Прямо напротив него, вдоль центральной улицы... расположен хороший ресторан «Urban Graze», — я пытаюсь повторить его слова, заливаясь отчаянием, что такого места и не существует.

Почему она не знает Флойда? Может, его не так зовут? Или... или... я не понимаю, ничего не понимаю!

— Знаю, это элитный дом с конским ценником на жизнь, — все еще в сомнениях отвечает незнакомка, а я скулю в облегчении, — Тебе надо туда? Флойд там живет?

— Да! — всхлипываю, — Там еще... на каждом этаже по несколько дверей — это входы в квартиры. Его квартира тридцать пятая. В доме четыре подъезда. У него первый... А у здания стоит много автомобилей, но его автомобиль лучше. Вот. Вы такое знаете? Точно? — напрямую плачу, и она кивает мне, будучи нахмуренной и сбитой с толку.

— Точно знаю. Но тебе нужно в больницу. Что вообще случилось? Какого хрена эти убудочки неслись за тобой? Что

с твоей спиной? — засыпает, пока я выкатываю глаза от смеившегося вида за окном.

Здания сияют. Много разных вывесок, и их количество возрастает по мере движения авто. Надписи... светятся. Как они светятся? Люди не в белом... кто-то хохочет громко... они... веселятся?...

А кто это?... он на ногах, но едет... у него колеса на ногах... на обуви... колеса...

— Дорогая, поговори со мной, — встревоженно требует девушка, и я возвращаю к ней размытый взгляд, сжимая свои трясущиеся ноги до синяков, чтобы оставаться в сознании, — Мы приедем к твоему Флойду через десять минут. Он точно хороший человек? Он тебе поможет?

— Поможет, — отзываюсь невпопад, — Да. Мне к нему. Пожалуйста. Я хочу к нему!

Она вбирает воздух по чуть-чуть и дергает подбородком, потирая лицо. Решает не втягивать в беседу дальше. Наверное, я не выгляжу, как та, кто способна поддерживать диалог... у меня до сих пор челюсть ходуном, а разум сохраняется на последнем издыхании. Боль адская: она кроет и придавливает. Гудят ступни. Спина неживая. Но каждая частичка меня зудит и вопит. Очень жарко. В горле рвота. Губы пересохли. Потерпеть немного. Совсем немного.

Но время растягивается, и я хныкаю от беспомощности, совершенно убого, немощно.

Я хочу к Флойду. Пожалуйста, можно к Флойду?

Не знаю, каким чудом заставляю себя не вырубаться. Каким чудом не рушусь, сижу ровно. Натянула трясущиеся мышцы, вся напряжена, зубы сжала, лишь бы не свалиться. Еще чуть-чуть, Френсис. Подожди чуть-чуть.

Машина все-таки останавливается, и девушка выходит на улицу, чтобы открыть мне дверь. Я берусь за ее руку и через стон двигаюсь по мягкой скамье авто, попадая в чужую местность. Не могу разобрать. Сил нет. Очень больно. Слишком больно.

Я хочу к Флойду.

Шаги, отчего-то, стали невыносимыми. Я бы не пробежала снова и трех метров. Незнакомка в оцепенении и ужасе тарашится на следы моих пяток, видимо, не зная, как это комментировать, и следует ли. Она мягко подводит меня к железной двери и показывает:

— Это первый подъезд. У тебя есть ключи от домофона?

А приоткрываю рот в растерянности и мотаю головой, капая слезами. Флойд не говорил про домофон. Он про такое не рассказывал... я не знаю, что такое домофон...

— Ладно, нестрашно. Мы наберем. Если он дома, откроет, — успокаивает неровным голосом и совершает странные вещи, когда тыкает пальцем по панели, которая издает... звук при нажатии.

А потом и вовсе разносится протяжное пиканье. Оно недолгое. Через секунд пять из прибора внезапно слышится голос Флойда, и я думаю, что сошла с ума, потому что не

вижу его, но он как-то говорит.

— Кто? — нервно произносит парень, и я распадаюсь в шумном плаче, больше не имея возможности руководить эмоциями.

— Френсис, — отвечаю нечленораздельно, истерично, захлебываясь, обнимая себя руками, — Флойд, это Френсис! Пожалуйста... Флойд, можно к тебе?...

Глава 12

Флойд

Я могу сказать, что последние двадцать четыре часа выдались действительно нескончаемо хуевыми. Наконец-то, каким-то чудом, волей Господа, в которого я даже уверовал на десять минут, Френсис разрешила обняться. Но это счастье должно было замениться кипятком и трупами. Блять!

Я ехал на мотоцикле в город, порываясь развернуться и послать все нахер. Согласен был остаться в том сарае, жить в деревянной белой коробке. Главное — с кошечкой. Навсегда. В то же время, как бы ни злился на обстоятельства, частично благодарил их. Почему? Потому что вот-вот перешел бы черту, милое лицо к себе поднял и поцеловал. Я реально был близок к слету катушек и спуску тормозов.

Но таковы обстоятельства: в подвале шахматного клуба прорвало трубы с горячей водой. И вот незадача! Все, сука, пленники, сварились. Камеры затопило, кипяток продолжал хлестать. Если бы не Митчел, что обитает там же, мы бы и не узнали о катастрофе, пока не наступило бы утро. Он позвонил мне, чего ни разу не делал, и пассивно проговорил:

— Слушай, под мою дверь проникает жидкость с розоватым оттенком. Это норм?

Я был на пути к секте. Вынуждено затормозил на обочине, ведь парень правда не стал бы тревожить по пустякам. Когда

ему что-то необходимо, он обычно молчит, либо обращается в удобное время к моим сотрудникам.

— Какая, черт возьми, жидкость? — огрызнулся я, морщась и поднимая визор шлема.

Митчел явно играл в PS5, а разговор поставил на громкую связь. Гребаное щелканье джойстика служило тому подтверждением. Он только этим и занимается!

— А я ебу? — вздохнул он.

— Я тебя сейчас отебу, — процедил мой раздраженный голос, — Нормально объясняй, либо номером моим не пользуйся. У тебя дверь чуть ли ни бункерная. Что там, может, сука, течь?!

Я серьезно заплатил за переделку двух камер под этого подростка — одна для спальни, вторая для туалета и душа. Проверенные рабочие воздвигли стены, заменив всю решетку, и проложили максимальную шумоизоляцию, чтобы оры «соседей» не доносились. Внутри у него есть все на свете: от кондиционера до кружки в виде медсестры из Сайлент-Хилла. И Морис, мистер преданный щенок хозяйки Альмы, все еще считает это недостаточным?

— Да я не знаю! — психанул паренек, так как пришлось поставить игру на паузу, — Погоди, потрогаю... — он затих на пару секунд, а потом закричал, — Ай, дерьмо, горячо! Флойд! Она течет сильнее! Флойд...

И до меня дошло. Мигом.

— Не истери, дверь не открывай ни в коем случае. Понял?

— я перешел к инструкции, суетливо сочиняя строгий план,
— Подложи полотенца. Сейчас начну решать проблему.

Я скинул звонок и сразу набрал Морису. Попросил туда примчаться, воду отключить и людей скооперировать в слаженную совместную работу. После вызвал Каина и Шона. Оставалось только приехать самому. Но я спешил к кошечке, которой пообещал. К той, к кому сильно хотел. И как же это было прекрасно.

Она находилась в моих руках. Прижалась к груди, щекой слегка терлась, не боялась. Доверяла. Я чувствовал, как дрожала от эмоций, и тем не менее отдаляться точно не желала. Мое черствое сердце размякло снова. Хотелось холить и лелеять. Неторопливо, чтобы не спугнуть, склониться поближе к губам. Прошептать о чем-то трепетном. Сказать то, что не умею говорить. Ласкать невинными поцелуями, убеждать тихо, что рядом буду и правда рядом быть. Почему чрезвычайная ситуация обязана была произойти именно в такую ночь?!

Приехал на место в гневе: не на людей злился, а на несправедливость мира. Мог бы банально радоваться, что между нами в целом случилась такая интимность, пусть и на короткий момент. Не претендовать на большее, довольствоваться тем, что имею. Однако, как выяснилось, я крайне жадный до всего, что связано с Френсис. Мне слишком мало десяти минут. Дайте хотя бы чертовых два-три часа!

Спускался в подвал, кипя от самых различных чувств. А

потом... застыл. Морис, Каин и Шон сидели на бетонных ступенях. Все трое грустно курили, уставившись в это нечто. Вода лежала гладью на уровне метра от пола, скрывая начало лестницы. На потолке мигала лампочка, которая вспышками освещала кровавый цвет кипятка. Воняло кровью и вареным мясом. Парни обернулись ко мне с одинаковой обреченностью в лицах. Мы посмотрели друг на друга красноречиво: было понятно, что возиться придется долго. Никуда от этого не деться.

— Пиздец, — сонно вздохнул Морис.

Я достал Chapman и сел к ним, дабы собраться силами перед долгой работой. Шон с Каином неловко подвинулись к стенам: они были смущены настолько неформальной встречей. Друг протянул зажигалку. Мы оба уставились на мирно покачивающийся круглешок около ботинок: видимо, ублюдок в камере сошел с ума от паники, поскользнулся, упал, и глазное яблоко выпало. Неприятно, наверное.

— Пиздец, — подтвердил я, докурив, — Все, давайте за дело. Шон, тащи ведро.

Это заняло одиннадцать часов. Без учета перерывов. Было бы быстрее, если бы воду не приходилось таскать в туалет на нулевом этаже, до которого с подвала идти неблизко. Мы с Морисом обсуждали вызов ассенизаторской машины, но непроверенные люди не могут гарантировать молчание, и без разницы, сколько ты им заплатишь. Мне лишние проблемы не нужны. Потому сообразили купить мощный насос:

только вот на улице ночь, и его нигде, сука, не достать. Так что до открытия магазинов разбирались со всем самостоятельно, неандертальским вариантом. Я качаю руки, однако к полудню они забились до боли. Даже когда насос доделал за нас работу, это не означало конец. Необходимо было вытащить изуродованные тела. Шона вырвало на Карлитто, у которого как раз и выпал глаз. Заслуженно получил порцию знойных матов.

Позже я позвонил Джеймсу: он помогает избавляться от трупов без последствий. Жмуриков вынесли, и мои пальцы набрали номер уже знакомого клининга. А потом номер сантехников. Но и на данном этапе все не завершилось. Сопровождающая беда состояла в том, что мероприятие, запланированное на пятницу, теперь не могло состояться. Дуэлянты сварились. Некого на битву выпускать. Поэтому я созвал собрание, попрощавшись с Морисом, и перешел к устранению главного сбоя. Нельзя затаскивать в клетку кого попало — рассуждал ранее. А те, кто в списке заказов, но еще на свободе, не полностью обработаны: мои люди ходили к ним домой, становились друзьями-собутыльниками, вытягивали информацию про грехи, однако не были всецело уверены в справедливости возмездия. Так или иначе, мы избрали тех, кто, по нашему единому мнению, точно виновен, и я отдал команду притащить ублюдков в подвал к ночи, не кормить и не поить. В этом тоже загвоздка: тварям надо остервенеть, чтобы драться. Каждого такого мы запираем в подвале на

недели полторы, предоставляя исключительно воду. А тут до сражения остается всего три дня: они вполне могут забрыться и отказаться забивать друг друга до смерти. Мне придется заставлять их дулом пистолетом, обыгрывая сие действо для публики запланированной частью шоу.

Я пришел домой в пять вечера. Вымотанный и размазанный. Сна не было почти двое суток. Ноги не держали. Собирался прилечь на чуть-чуть, но телефон затрещал, на дисплее показалось «Элина». То, что она проговорила слабым голосом, вынудило вмиг подорваться и поспешить сесть за руль.

— Флойд... ты не волнуйся только... — я терпеть не могу, когда кто-то, кем дорожу, начинает речь с подобного, — Мне стало плохо. Сердце прихватило. Вызвала скорую, все обошлось. Правда, пришлось лечь в больницу на пару дней — врачи рекомендовали, чтобы понаблюдать за состоянием. Пожалуйста... есть ли у тебя возможность привезти мои вещи?

Естественно я повез. Сначала заехал к ней домой, а после помчал в госпиталь. Бабушка улыбалась и смягчала обстоятельства, однако ей очевидно было плохо. Я вытряс мужчине в халате душу, требуя узнать картину без прикрас. Гарольд выдал, что состояние стабильное, конкретно сейчас волноваться не о чем, и все же сердце барахлит, привносит опасность. Это прижало меня к стене, хотя я стоял в центре кабинета, не колыхаясь. Конечно, врач сказал, что здоровье мож-

но укрепить, но домой я ехал, как убитый. Даже размышлять не стану. Не хочу.

Зашел в душ, отмывая пот и липкую грязь. Часы показывали пол-одиннадцатого. Скоро нужно было навестить самую лучшую кошечку, что конкретно согрело и волновало одновременно. Я натянул свежие джинсы и плюхнулся с футболкой в руках на диван. Совсем на немного. Перевести дух, заказать доставку еды, поужинать и сесть за руль опять. Но все выключилось без предупреждения. Просто уснул. За секунды три, не больше. Ресницы оказались неподъемными, и мозг не поддавался контролю.

Я осознаю это сейчас: домофон возвращает в реальность, и мои органы опускаются от неадекватной тревоги. Панически тыкаю по смартфону, чтобы увидеть... полтретьего ночи.

Два тридцать.

Френсис ждала, а я не пришел.

Она стояла около сарая, как потерянная кошечка, и переживала, что ее бросили.

Ебанный мудака, блять, ненавижу себя, убить мало.

И панель на стене не прекращает пиликать. Кого, нахуй, сюда занесло так поздно?! Если это папаша, пусть пеняет на себя. У него привычка появляться тогда, когда готов рвать и метать.

Я запихиваю телефон в карман и поднимаюсь, ощущая, как все внутри скрежещет, ядовитые узлы охватывают плоть, заставляя мучиться. Нервно снимаю трубку домофона и на-

жимаю на кнопку, отрезая разочарованное:

— Кто?!

И тогда в ухо поступают самые испуганные и надрывные рыдания, которые я когда-либо слышал за двадцать пять лет существования.

— Френсис. Флойд, это Френсис! Пожалуйста... Флойд, можно к тебе?...

Я раскрываю рот, грудь сжимается тисками, а дыхание перехватывает. Мысли рассыпаются на долю секунды, погружая в онемение: кажется, будто отмер даже язык. Это ее голос. Точно ее. Хотя я и слышал его исключительно тихим, ни разу таким истошным, но это Френсис, без сомнений.

Кошечка?

Я сам не замечаю, как отпускаю трубку и дергаю ручку двери, истерично вспоминая про замок, кручу его ледяными пальцами и вылетаю на лестничную клетку, не обувшись. Несусь вниз по лестнице, пропуская по две ступени, и фактически горю, не в состоянии проанализировать что-либо. Тяну на себя дверь первого этажа, потом нажимаю на кнопку еще одной двери и дергаю ручку...

Ебаное дерьмо.

Ебаное дерьмо. Дерьмо. Дерьмо. Что это, блять, такое?!

— Флойд! — скулит девушка, впиваясь в меня глазами, и я ошеломленно смотрю на нее, потеряв здравость, — Ф-Фло-йд....

Она делает шаг, или рывок, или что-то на последней воз-

возможности сил, и я делаю то же самое ей навстречу, мои ноги сгибаются, колени падают на землю, а руки выставляются, чтобы молниеносно утянуть Френсис к себе, чтобы принять, после чего она рушится в объятия и заливается ненормальным плачем, обвивает меня за шею крепко и слабо, вжимается в торс и хнычет на всю улицу, зарываясь лицом в шее. Я ухватываю ее чуть ли ни тисками из предплечий, забывая про кислород, но тут же одергиваю себя, ведь девушка ревет надрывнее, хотя не отцепляется. Все сумбурное и патовое. Я оглядываю собственные руки, которыми окутал хрупкую фигуру, и вижу... кровь.

Кровь?!

— Кошечка, — я не знаю, что выражает мой голос, настолько противоречиво он еще не звучал, но Френсис гудит от обращения громче, судорожно колотятся на моем теле, я знаю, что должен ее успокоить, я знаю, я стараюсь включить мозги, составить план, внести контроль, я реально стараюсь, но степень ужаса сбивает разум, это настоящий хаос, — Все, все, ты в безопасности, ты со мной, ты в безопасности... — толкаю себя бормотать именно это первоначально, не допрашивать, хотя вот-вот взорвусь, я намеренно отодвигаю анализ, касательно крови, мне страшно посмотреть на спину, потому что молниеносно поеду устранять тех, кто посмел, блять, свершить это, сделать с ней такое, что они, твари ебанные, натворили?!

— Она бежала по трассе, а за ней неслась толпа ка-

ких-то ублюдков в белых платьях, — произносит кто-то сбоку, Френсис рыдает в панической атаке, невменяемо, и я задираю голову на незнакомую девушку, отчего кошечка сразу впивается в меня более цепко, боясь, что ее покинут, а я, сука, не могу даже обнять, я не знаю, как ее обнимать, я не знаю, что со спиной, у нее кожа раскаленной температуры, — Я остановила машину и забрала ее, увезла от погони. Хотела отвезти в больницу, но она описала Ваш дом, Ваш адрес, просилась сюда. Теперь, вроде как, лучше уйти, но я переживаю за нее...

Я вытаскиваю из кармана джинсов телефон, снимаю блокировку экрана и бегло протягиваю устройство, отвечая кое-как сдержанно:

— Запишите свой номер телефона. Я свяжусь с Вами завтра.

Пока незнакомка стучит по дисплею, я поворачиваю голову и прижимаю губы к виску Френсис. Веду руки ниже, к пояснице, и обвиваю ее там, где, к счастью, все целое по ощущениям. Я чувствую кровь, но не раны. Моя челюсть дрожит, как и кулаки. Сохранять самообладание стоит громадной выдержки. Душа делится ровно пополам: одна часть орет заботиться, а вторая помыкает сворачивать ублюдские шеи. Однако я выбираю первую. На ближайшее время я выбираю это.

— Я тебя отнесу домой, аккуратно, никуда от тебя не отойду, ты не одна, и ты в безопасности, никто тебя не оби-

дит снова, — хриплю ей на ухо, слыша шумное шмыганье и всхлипы, я не уверен, что Френсис разбирает, о чем говорю, никто бы на ее месте не разобрал, — Все хорошо теперь будет. Обещаю, все будет хорошо, я обещаю.

Она отвечает мне тем же плачем, отчего стискиваю челюсть: боль этого звука непреодолима. Поднимаюсь на ноги, чуть наклоняя торс назад, чтобы создать упор для нее. Перекладываю предплечья под бедра, группирую трясущиеся тонкие ноги и почти забываю про телефон, пока незнакомка не произносит:

— Мишель. Меня зовут Мишель. Позвоните, пожалуйста.

Я киваю и забираю телефон, набирая код домофона, который открывает дверь без ключа. Подхожу к лифту, тыкаю на кнопку и все никак не могу прекратить шептать:

— Ты очень смелая кошечка, очень храбрая, настоящая умница, я тобой горжусь, все правильно сделала, все верно, потерпеть немного осталось, моя хорошая, совсем немного, потерпи, пожалуйста, совсем чуть-чуть.

Она фатально измотана и безжизненна. Насквозь пропитана ужасом. Ни одно мое слово не помогает. Никакие заверения не работают. И я планирую накормить ее вкусным, подлечить повреждения, умыть и уложить спать по возможности, но, когда сажаю на стойку раковины, когда она тут же наклоняется вперед, будто держать свое тело невыносимо, все рушится.

Потому что мне открывается реальное положение вещей.

Потому что я вижу, блять, исполосованную до мяса фарфоровую кожу.

Потому что я замечаю, как с ног тоже капаят капли, и понимаю, что ступни стерты в хлам.

Потому что я смотрю на ладонь, покрытую ссадинами.

Потому что улавливаю рану на щеке и содранный подбородок.

Мне казалось, что ситуация куда лучше, что кровь на спине — последствие неудачного падения, и подлечить ее можно перекисью водорода. Что жар берет происхождение от истерики. Я просто не хотел, чтобы жизнь была к ней такой кровожадной, и отрицание оказалось выше фактов. Но она, черт возьми, у меня умрет вот-вот либо от болевого шока, либо от заражения.

— Господи, нет, Френсис, нет, Господи, — вырывается изо рта без ведома, прежде чем все, что во мне имеется, концентрируется на конвульсивных действиях.

Гудки в телефоне кажутся долгими: пальцы нашли контакт за секунду. Девушка прижимается лбом в испарине к моему прессу, пыхтя и скуля. Лейстред отвечает, тут же внимая грубый голос, полный команд и приказов приехать немедленно. Я не могу повезти ее в больницу, там все белое, она впадет в новую истерику и рассудка лишится, если еще не лишилась, я даже своему врачу говорю забыть нахуй про светлый цвет одежды. Он перебивает меня, прося объяснить характер проблемы точнее, чтобы понимать, какие медика-

менты и инструменты брать, но я рываю:

— Все брать! Я тебе любые деньги заплачу, но будь тут через пять минут, мне без разницы как!

Кошечка не вздрагивает от крика. Трясется мелко и стоит тихо, изнемогая и догорая. Мой голос душит сам себя в горле, я глажу ее щеку, на которой нет травм, умоляю потерпеть опять и опять, будто это что-то выполнимое. Выпытываю у мужчины, чем могу помочь прямо сейчас, но он отрезает:

— Не надо, я скоро приеду, Флloyd. Просто подожди. Не то натворишь и заражение пустишь.

Просто подождать?!

Я, нахуй, вырву его кишки, и скажу то же самое, когда он будет молить о смерти.

Дышу грубо и рвано, пытаюсь держать себя в руках. Вот, что на самом деле является кошмаром: наблюдать, как твой любимый человек мучается, и не иметь возможности что-либо изменить. Это похоже на то, будто ее избивают прямо у меня на глазах, но я связан цепями и способен лишь смотреть.

Этот момент определенно сохранится в моей памяти и станет новым стабильным ночным кошмаром. Убитая мама и истощенная Френсис. Френсис и мама.

Хватит.

Морис снимает трубку достаточно быстро, сонно выговаривая:

— Если снова трубы, я не поеду...

— Возьми Альму, приезжайте ко мне в квартиру, — бешено отстукиваю, и он замолкает, — Френсис здесь, ей очень навредили, возьми Альму и приезжай, Морис, сейчас.

Подруга поможет. Она фельдшер по образованию. Отличный фельдшер. Лейстред — лучший врач, хоть и скверный человек. Звонить им было правильно, все живем в центре, будучи при деньгах, они приедут скоро, я знаю, что они ее спасут, но мне нужно, чтобы они спасали прямо в эту минуту, ведь ей хуже и хуже. Ей хуже.

— Френсис, маленькая моя, посмотри сюда, эй, посмотри, — шепотом прошу, легонько поднимая ее тяжелый взгляд дрожащей рукой.

Девушка смотрит мне в глаза.

Так жаль, что первый раз, когда она посмотрела, вынужден протекать в таких обстоятельствах. Бледность кожи ни-хрена не успокаивает, как и то, что слезы течь не перестают. Я хочу все забрать себе. Хочу вырвать ее терзание и проглотить, лишь бы она прекратила страдать. Как мне это сделать?!

— Я позвал Альму и Мориса. Помнишь их, да? — неровно произношу, втирая слезы большим пальцем, и кошечка вяло кивает, — Хорошо, моя умница. Еще я позвал человека, который поможет тебя вылечить, все эти раны успокоить. Ты нам разрешишь тебе помочь? Травмы будут обрабатывать, это неприятно, но это нужно. Ты сможешь довериться-

сы? Пожалуйста....

— Я, я тебе, я доверяю, — слезливо шепчет она, почти неразборчиво, — Доверяю, Флойд...

Моя ты нежная.

Я без спроса целую ее в макушку и морщусь, продолжая чувствовать себя совершенно бессильным. До сих пор не решаюсь осмотреть спину повторно: мне хватило увидеть однажды, чтобы умереть. Они заставили ее пройти настоящий ад, и я не хочу знать, сколько времени длились пытки, но Френсис рвет мое сердце, когда признается сама:

— Ты уехал, и, и... — она захлебывается горем, упираясь лбом в грудь, чтобы снизить нагрузку на позвоночник, я хочу положить ее, однако скоро придет Лейстред, мне страшно тревожить ее лишний раз, когда каждое движение невыносимо, — И из-за сарая вышел проповедник. Он меня, он ударил меня... затылком об стену, — кашель пронзает грудь, плач возрастает, потому что вибрация приносит страдание, и я давлюсь яростью, ненавистью происходящее, ненавистью произошедшее, ненавистью то, что все так, — Потом меня привязали к столбу, к тому столбу, и били розгами, всю ночь, до полудня, а потом хотели повесить, они, они подготовили петлю, чтобы меня повесить, и я вырвалась, я побежала, Флойд, я побежала, это было страшно, мне было так страшно, мне сейчас страшно, Флойд, извини, что я говорю, я так много говорю, Флойд, извини...

Я никогда не прощу себя за то, что это случилось.

Я никогда себя не прощу.

Мне хочется блевать от осознания, что она находилась в том ужасе двадцать четыре часа, с самого моего уезда, и никто не мог ей помочь. Я ей не помог.

Она не заслуживает этого. На протяжении всей жизни я видел много людей, и никто из них не был достойным, кроме Мориса и Альмы. Френсис такая же. Она уникальная, светлая, добрая и чистая — с ней нельзя поступать так грязно. Каждые две недели в шахматном клубе бьются те, для кого смерть — слишком нежное наказание. Все они, включая толстосумов, были бы справедливо изничтожены подобным образом. Даже я — если бы что-то такое сделали со мной, это не было бы чем-то некорректным. Но не с кошечкой. Только, блять, не с ней.

Я изучал пытки годами, подготавливая почву для отца, однако знания пригодились раньше и для других уродов. Сегодня вся секта будет гореть, а главная тварь понесет особое возмездие.

Собираюсь ответить ей, утешать, но входная дверь открывается. В квартиру влетают трое, оглядывая помещение в поисках пострадавшей. Френсис сжимается, прибиваясь ко мне плотнее, и я глажу ее по голове, когда почти гневно выкрикиваю:

— Быстрее соображайте!

Они молниеносно находят нас глазами и испытывают разные эмоции: Лейстред спешно пересекает зал, Морис сводит

брови так хмуро, как бывало крайне редко, а Альма, хоть и торопится, покрывается страхом.

— Флойд... — испугано всхлипывает Френсис, расширяя зареванные глаза, как только я вынуждено отодвигаюсь в сторону, предоставляя знакомому пространство для анализа.

— Я никуда не уйду, Лейстреду важно тебя осмотреть...

— Чем били? — перебивает мужчина, сосредоточенно оббегая взглядом спину, — Кабель? Предмет был грязным?

— Розгами, — через зубы отвечаю я, и Альма прикрывает рот ладонью, сдерживая звук горя.

Мы с Морис создаем зрительный контакт только на секунду, чтобы понять друг друга без слов. Он достает телефон, строча СМС тем, кто подметет следы расправы через считанные часы.

— Понятно, — четко и незамедлительно инструктирует Лейстред, — Возьмите антисептик у меня в сумке, обработайте сначала руки, а потом поверхность стола полностью. Альма, поможешь. Будем зашивать.

Френсис смотрит в пол, капая слезами без протестов, она не боится предстоящей боли, ей просто хочется, чтобы все это кончилось как можно скорее. Ей просто хочется перестать ощущать себя плохо. Я никогда не встречал чего-либо настолько разбивающего, помимо смерти матери. Готов ради кошечки об пол расшибиться насмерть, вот только это ничем не поможет.

— Флойд, давай, перетаскивай, — торопит врач, и я жму-

рюсь, когда поднимаю девушку, слыша моментально участвовавшее хныканье.

Мои касания причиняют Френсис вред, но она все равно льнет впритык, будто я — все, что ей необходимо. Это неправильно. Она должна злиться за то, что подвел. За то, что не уберег. Потом до нее дойдет, как отвратительно поступил. И чем тогда вымаливать прощение? Раскаяний никогда не будет достаточно. Я себя презираю.

— Не уходи, пожалуйста... не бросай, — хныкает в плечо, — Флойд...

— Я тебя никогда не брошу, с тобой буду, всегда с тобой, — клянусь с горечью в горле, — Ты очень смелая кошечка. Нужно оставаться смелой еще чуть-чуть, хорошо? Ты с этим справишься, ты уже со всем самым страшным справилась, моя нежная, все почти закончилось.

Я знаю, что это ложь. Все только началось. Сколько продлится реабилитация? Швы заживут через месяц в лучшем случае. Ее станет истязать каждая минута: ни ходить, ни шевелиться самостоятельно не получится. Я не отойду, кружиться вокруг да около не прекращу, что угодно делать кинусь, и все равно это не будет являться целебным бальзамом.

Она этого не заслужила.

Она не заслужила этого.

За что ей так страдать?

Альма продезинфицировала мой прозрачный кухонный стол. Я укладываю на него кошечку животом вниз, без про-

медлений садясь на стул рядом с лицом. Одна ее ладонь цела, так что без раздумий переплетаю пальцы, сжимая руку с максимальным заверением опоры, отчего девушка прикрывает сырые ресницы.

Она так уязвима. Так разрушена. Господи, блять.

— Что с ногами? — Лейстред таращится на окровавленные ступни, тяжело сглатывая и шустро вынимая марлю с растворами из сумки, — Флойд, с этим точно в больницу надо. Анализы сдать. Если она стояла с такими ранами на улице, может быть столбняк или бактериальное заражение...

— Значит ты, как главврач-хирург, в состоянии позаботиться обо всем тут, — произношу с гроыхающей язвительностью в тоне, не переставая поглаживать большим пальцем нежную кожу переплетенной со мной руки, — Я сказал, что заплачу. Дак работай.

— Я, как главврач-хирург, обязан улучшить состояние пациента, а работа в полевых условиях с этим слабо состыкуется, суть не в деньгах, кретин, — пассивно дерзит он, предварительно скомандовав Альме набрать в шприц Лидокаин, — Аллергия на обезболивающие компоненты есть?

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки и нервно смотрю на Френсис, которая, похоже, даже не имеет представления, что такое «аллергия». Она ведь никогда не была у врача. Ебанный пиздец.

— Она из секты, — беспокойно отвечает подруга, — Не уверена, что когда-либо принимала хоть какие-то лекар-

ства...

— Да вы прикалываетесь, — выдыхает Лейстред, смыкая челюсть, — Ставь пробную дозировку в плечо, смотри за реакцией, если кожа...

— Я знаю, — нервно и грубо выговаривает Альма, — Я. Знаю.

Морис сурово глядит на того, с кем у него много раз возникали конфликты, но это другая история. Лейстред фыркает через нос и говорит:

— Начинаю зачищать кожу, ждать дольше нельзя, придется без Лидокаина, пока не убедимся, что организм его воспринимает. Настоятельно прошу не дергаться.

Френсис не открывает глаза, хотя не спит, сознание не потеряла. Жмурится и сжимает зубы, руку мою покрепче берет, и от этого я морщусь сам. Прикладываю щеку к столу, поближе к ее щеке, чтобы носы соприкасались, и не успеваю слова произнести, как ее сухие губы приоткрываются в плаксивом стоне, а тело набирает иную волну озноба, гораздо мощнее предыдущего.

— Я сказал не дергаться, — рубит Лейстред, не отрываясь от процесса, прикладывает марлю к ступням и промакивает жидкость, льет раствор.

Я рычу на него во всю глотку:

— Слышишь, умник, я с тобой вещи похуже сделаю и...

— Заткнись, — чеканит он, — Я реально прошу вас всех завалить рты и не мешать.

Если бы ситуация была иной, я бы вынул из него потроха и скормил их собакам, но мы там, где мы, сука, есть.

Потому тяжело вбираю кислород и часто хлопаю ресницами, аккуратно дотрагиваясь мокрой щеки, чтобы успокаивать всеми возможными способами. Френсис шмыгает носом, стуча зубами. Закладывает остатки сил на терпение. Она хотя бы понимает, каким воином является на самом деле?! Я видел в ней исключительно хрупкую душу, слабость. Глобально ошибался. В этой женщине больше характера, чем в ком-либо другом. Она невообразимо стойкая, отважная и сильная. Еще раз: Френсис это осознает? Я, блять, утонул в ней с концами, как бы ни к месту это ни звучало.

— Хочешь, расскажу тебе что-то? Попробуешь послушать? — шепчу в мольбе, погибая от того, в какой агонии она находится, я предлагаю хоть какие-то варианты малого облегчения, я пытаюсь.

Слезы катятся отчаянным водопадом: Лейстред открыл запакованный пинцет и принялся доставать из кожи камни, стекло или прочее дерьмо. Кошечка не разжимает зубы, чтобы не закричать, но кивает грузной головой, всхлипывая. Я мельком смотрю на Мориса, который оперся на столешницу и наблюдает за нами в напряженном сожалении. Он тоже стремится к мести. Сколько бы терапий ни приходил, так и не научился полноценному контролю: потому трясет ногой, еле дожидаясь момента возмездия. Альме от этого плохо. Очевидно, она согласна со справедливостью предстоя-

щих убийств, однако ей не нравится заставлять своего парня в облике свирепого зверя. Тем не менее волноваться не о чем: я поеду разбираться один. Но пока концентрируюсь на любимой девочке, не смея покинуть ее мыслями ни на миг.

Я не ведаю, что несу. Я не знаю, зачем выношу это на свет. Я не знаю.

— Когда увидел тебя впервые, сердце перевернулось и сжалось, — рассказываю ту истину, которую скрывал от самого себя, трудно делюсь, перепрыгивая барьеры, ломая стены, — Думал о тебе двадцать четыре на семь. Ты мне снилась часто. Там я тебя обнимал, ты обнимала меня. Мы были вместе. Счастливы. Я никогда не был таким счастливым, как во снах с тобой.

Она хнычет и мелко колотится от чистки ран, но распахи-вает ресницы, смотря в мои глаза с яркой нуждой, сквозь пелену тихого плача. Друзья все слышат. Конечно, они слышат. Прослеживают слова, поражаясь им и трепеща. Альма бы заплакала, если бы дала волю эмоциям. Морис точно слегка оттаял в душе. Наверняка мельком улыбнулся. А я не способен на улыбки. Держу лицо напротив ее лица, все еще щечкочусь с ней носами и пылаю от того, в каком кошмаре она вертится — наверное, это побуждает продолжить выкладывать тайны.

— Переживал, что тебе не подхожу. Я ведь не подхожу, Френсис. Ты удивительная. Замечательная. Не встречал похожих. Одна ты такая. Была и будешь, — она смотрит неот-

рывно, сжимает мою руку — не от чуткости, а от боли, и все равно старается за речь ухватываться, — Привязался и прикипел. Дурное делал, а потом стыдился, хотя не вместе мы для разумности таких самобичеваний. Знаешь, что мне в тебе нравится?

Она отвечает одним потерянным взглядом, однозначное «нет». Зачем я признаюсь? Зачем, зачем, для чего?...

— Все, — бормочу на выдохе, — Абсолютно все, Френсис.

— Ты, — командует Лейстред Морису с неприязнью, — Достань бинт.

Спасибо, что прервали. Я в кои-то веке завалил непослушную ебучку. Какой же стыд вывалила моя пасть...

Морис идет выполнять, сжав кулаки. Ни за что бы не пропустил приказ для собаки мимо, но сегодня это о другом, и он не развернет драку в нынешних обстоятельствах. Так или иначе, упаковку он отдает с категоричным:

— На улице тебе конец. Довел.

— Прекрати, прошу, — негромко лепечет Альма, оббегая парня расстроенным взглядом.

Они сегодня поссорятся. Масштабно.

Эта ночь не устает втыкать ножи и вносить раздрай каждому.

— Ты тоже... — вдруг доносится шепот напротив, и я прекращаю дышать, смотря в пронзительные глаза.

Не надо.

Френсис, умоляю, не говори.

Она давится глухими рыданиями, и все равно произносит:
— Ты иногда пугаешь... но нравишься. Флойд.

Уровень сближения заскакал ввысь.

Меня тошнит. Признание ничего не испортило, я ведь мечтал о взаимности, не сбегу, ебаным холодным абьюзером не обернусь. Однако в груди жжет. Это слишком открыто. Слишком. Мне легче что-то делать, не называя это своими именами, нежели распадаться в откровенностях. Ласкаться словами умеренно, не скатываясь в прямые определения.

Конечно, сам виноват. Первым исповедоваться начал.

Внимание переключается на очередную пытку. Пора латать спину. Я пропихиваю ком в горле, отрывая щеку от стола, позорно используя этот миг для того, чтобы спрятаться. Все-таки осматриваю раны подробнее. Глубокие полосы. Подсохшая кровь размазана. Кожа воспалена. Шрамы останутся, как безжалостное напоминание об ужасном дне.

Всем, кто причастен, заживо гореть.

Поголовно всем, кроме Сралли. Для него испытание выйдет красочнее: с фееричным размахом, в моем стиле.

— Аллергия?

— Нет, — отзывается Альма, — Порядок. Подготавливаю иглу для швов?

— Быстро, — говорит врач, набирая в шприц обезболивающие, — Тут уже ничего не почувствуешь, — это обращение к Френсис, и оно подается гораздо мягче, — Отмучилась

пока что. Молодец, герой.

Кошечку нужно хвалить, вне сомнений. Но меня корежит, что хвалит посторонний мужчина. Я без понятия, почему. Злит.

Альма перенимает шприц и деликатно ставит уколы вдоль травм. Как только они действуют, буквально спустя минут семь, Френсис опускает ресницы и засыпает. Молниеносно. Ее кожу промывают раствором, чистят от кусочков дерева, потом зашивают медицинской ниткой. Лейстред действительно хорош, как специалист. Видно, что старается выполнить работу аккуратно. Минимизировать визуальное искажение тканей. Когда заканчивает, колит Лидокаин повторно и поворачивается ко мне с последовательным руководством, в то время как Альма бережливо обрабатывает ссадины на руках, щеке и подбородке.

— Повязку на ступнях менять два раза в день. Оставлю обезболивающую мазь: сначала ее, потом марлю сверху. Через трое суток дайте ногам дышать, снимайте повязку перед сном, до утра. Следите, чтобы не было воспалений, гноя: если появится, мигом в больницу, и плевать, по каким причинам ты это отвергаешь. Хочешь, чтобы ампутации не было — выполняй, что говорю. Спина будет болеть невыносимо. Когда проснется, мучится не перестанет. Вот рецепт на Кеторолак, — он достает специальную бумажку из сумки и бегло пишет назначение, под конец ставя печать, — Купи, пить строго по инструкции, поможет пережить первые дни.

Никакой нагрузки, иначе швы разойдутся. Лежать на животе, спать на животе, одежда только свободная, не синтетика, а лучше без одежды, но тут сами смотрите. Зубы чистить в постеле. Есть в постеле. В туалет носишь на руках, под бедра бери. Распаривать спину запрещено. Мыться с помощью обтирания. Душ и ванна исключаются. Я приеду проверить через дней пять. Звони, если что-то забыл.

Он, дособирав сумку, направляется к порогу, чтобы обуться. Я иду следом, хватая с тумбочки кошелек, однако Лейстред цокает:

— Я ее лечил, а не тебя. У сектанток денег нет, полагаю. Так что отвали.

— Не люблю ходить должником, — хриплю с недоверием, каменея в мышцах.

Мужчина закатывает глаза.

— Нихера ты не должен. Я исполнял обязанности, опираясь на клятву Гиппократы. Все, спокойно ночи, не трахай мозг.

И он выходит за порог, не позволив поблагодарить хамское благородство даже словесно. Приятно радуется. Ненавижу пользоваться словом «спасибо». Оно тупое.

Я не перестал пылать по поводу происходящего, я всего лишь отвлекаюсь на любую попавшуюся чушь, потому что переполнен объемом испытываемых чувств, потому что это подавляет, потому что я на грани того, чтобы целовать нежные руки в лихорадочных мольбах навечно остаться мной,

стать моей, сделать меня своим.

Так нельзя. Нельзя. Так правда нельзя. Я не могу.

Меня ломало по ней прежде, но спасением являлась кратковременность встреч, какая-никакая дистанция, а сегодня расстояние стерлось в порошок, и это не то, к чему я был готов, хотя я не понимал, что настолько готов не буду. С Френсис мне требовалась последовательность, миллиметр по миллиметру, не разом одним грузом, я едва ли справлялся с касанием плеч, переваривал и ощущал растерянность. Это крайне тяжело для объяснения.

Суть в том, что я не имею права относиться к ней паршиво, катать на эмоциональных качелях, стать тем, кто ухудшает, а не улучшает. Мерзко вести себя не по-мужски, кошечка достойна получать прекрасное и никогда ужасное. Но я полон дерьма и ни черта не ориентируюсь в этом лесу, учусь на ходу. Поэтому, когда шаг неожиданно превращается в неистовый бег, ноги спотыкаются, наступает паника.

И я часто вспоминал маму за последние полтора часа, что также разносит в щепки. Думал о ней по причине того, что отбросил обыденную отстраненность, выкинул похуизм, был тем, кем боюсь быть — собой, настоящим.

Отвратительно больно.

Нешадно.

Я проглатываю убийственную тревогу и кусаю губу до крови, протяжно выдыхаю, возвращаю контроль. Игнорирую всего себя в принципе. Постепенно получается. Поворачива-

юсь к кухне. Друзья шепчутся на натянутых тонах. В мимике Альмы сквозит разочарование. Мориса стабильно клинит в таких перепалках: он убежден, что правосудие вершится так, как вершу его обычно я, как вершили его прежде мы вместе, а Альма опирается на гуманность. Считает, что хорошего человека от плохого отличает соблюдение законов и морали. Я давно не спорю, молчаливо придерживаясь своей политики. Друг же отстаивает позицию с лихвой. Он во всем нежен, внимателен и добр по отношению к любимой. Но эта тема неизбежно вызывает всплески.

Они настолько увлечены, что даже не замечают, как я беру кошечку на руки и уношу в спальню, перекладывая в постель. Платье испачкано, но я попрошу помочь с переодеванием Альму. Френсис, по крайней мере, пока не разрешала эту вольность мне. Я не хочу быть тем, кто совершает что-то против ее комфорта. Я не хочу быть ими.

Пuls стучит в ушах. Открываю шкаф, достаю первую попавшуюся футболку. Конкретно тороплюсь, чтобы девушка не почувствовала себя брошенной. Я должен вернуться до ее пробуждения. Быть недалеко, когда откроет глаза. Потому заземляю губы на щеке перед уходом, шепча тихо-тихо:

— Я поступлю, как следует, и приеду обратно. Прошу тебя... прости, что допустил такое. Мне очень жаль, — рот сводит на мгновение, а голос опускается до самого неразборчивого, подрагивающего шепота, — И мне очень жаль, что я никогда не смогу сказать тебе одну вещь, которую ты заслу-

живаешь слышать ежедневно от правильного человека. Потому что я неправильный, Френсис. Прости меня и за это.

Кое-как, с горем пополам, я оттаскиваю себя от нее — в этом и состоит моя личная беда. Чем дольше, тем глубже. Уже не отрицаю чувства. Бессмысленно изгонять закрепившееся. Да, нравится, да, привязан — голая правда. Но мы до сих пор противоположны, не можем быть едиными — порой забываю об этом, пускаюсь на самотек, превращаясь в глупца. Френсис не нужен такой, как я. И мне не хочется узнать это из нежных уст слишком поздно, когда растворюсь во всем, что с ней связано.

Потому что если бы она знала, чем я вот-вот займусь, никогда бы не прибежала сюда. Назвала бы монстром — здесь действительно нет преувеличения.

Клянусь, эти уебки получают по заслугам в полном, блять, объеме.

Глава 13

Довольно удобно хранить в багажнике канистру с бензином, лом, изоленды, жгуты и веревку с лопатой. Вожу данный набор в Мустанге ежедневно. Порой он пригождается — если встречаю урода, учить которого нет времени, а вот проучить обязательно нужно.

Например, был один случай: заехал на заправку поздно вечером, стою у Форда, вставил в бак шланг, ничего необычного. Сбоку паркуется красивая женщина: автомобиль старенький и побитый, совсем не соответствует роскошной укладке. Ей явно хочется жить лучшей жизнью, что заметно во всем, начиная с макияжа для ковровой дорожки и заканчивая поддельной сумкой Шанель. Уверен, она всегда бережет отговорку про то, что тачка вообще чужая, временная замена любимой БМВ, хотя отговариваться никто и не просит. Все так и есть: незнакомка улыбается мне неловко, юбку одергивает и шурует виляющей походкой к кассам, цокая каблуками. Я думаю: ладно, ближайший час ничем не занят, можно потрахаться. Потому жду даму для разговора. И все бы шло как по маслу, мы завели диалог, я включил флирт, однако в беседу встрял пьяный мужлан. Подошел и шлепнул ее по заднице, говоря о том, какая встреча неожиданная, «сколько лет сколько зим». Лом пригодился через секунду: неинтеллигентно обращаться так с девушкой-

ми и нехорошо прерывать меня. Уебок получил сломанный нос, а я страстный благодарственный секс через полчаса. Почти все остались в плюсе.

Другая ситуация гораздо стабильнее, подобное происходит чаще всего. Отбираю нелюдей на мероприятие, для схватки. Читаю письма: многие из них содержат истории про насильников. Девушки пишут о том, что хотят возмездия для тех, кто обошелся с ними жестоко. Только сливкам общества, как показывает практика, не нравится смотреть бой между молодыми соперниками — в них буйства больше, могут кидаться оскорблениями в сторону публики. Но наказать их надо. Мимо пройти не могу. Зову Мориса, и мы едем вылавливать мразей, чтобы позже закопать их в лесу. Денег за такое не беру. Считаю волонтерством. Кто-то же должен этим заниматься. Или вы думали, что кару преподносят небеса? Нет, небесам на все плевать.

Так вот, к чему веду: мне нравится веселье. Убивать мудаков — любимое хобби. Поэтому сектантам реально не повезло. Разозлить человека, на счету которого сотни трупов — очень смело. Но привести этого же человека в ярость — безумство. А я, блять, правда в ярости.

Морис тоже. Ко всему прочему, я отказал ему в совместном правосудии, из-за чего Альма выдохнула полной грудью и без звука прошептала одними губами: «Спасибо». Но друг был, мягко выразиться, несогласен.

— Ты ахерел? — отчеканил он в полтона, чтобы не раз-

будить кошечку, — Мы всегда делаем подобное вместе, тем более тут дело касается Френсис...

— Палишь сам себя, — почти пропел тихим голосом я, доставая пистолет из комода.

— Морис Легран, ты что, черт возьми, продолжаешь ездить с этим психопатом на ваши расправы?! — выдавила Альма в гневе, отчего парень заоченел и прекратил быть живым.

Ну, да. Ее не поставили в известность. Какая драма.

— Не психопат, а эмоционально холодный гений с радикальной моралью, — поправил я, гримасничая и щелкая перепроверенной обоймой, — Сколько раз повторять? Прекрати применять ко мне дешевые термины.

Таким образом, Морис остался в квартире. Альма схватила меня за локоть в пороге и дернула назад, отчего я обернулся с насмешливым выражением по типу «ты серьезно попытаешься?». И она попыталась.

— Напишите заявление в полицию. Пусть с ними разбираются по закону. Посадят в тюрьму. Хватит уже брать на себя новую и новую кровь. Мы живем в современном обществе, Флойд...

— Может, мне еще чай попить с их государственным адвокатом, на которого они имеют право?! — отрезал я жестче через зубы, и подруга поджала губы, — Иди воспитывай своего парня. Мне чушь не впаривай.

Конечно, Морис вынудит извиняться за грубость. Просто

вежливо отсрочил нравоучения, дабы не откладывать расправу. Потому я открыл дверь и пересек порог, но вдруг услышал в догонку:

— А дети? Что, если там есть дети? Их тоже убьешь?

Как удобно манипулировать сектантскими опездолами. Просто чудо! Отвечать на это не было желания: не повернулся и спустился по лестнице без слов. Сел в машину, дал по газам. И всю дорогу, весь гребаный путь, думал о том, как ошибся. Никогда не страдал деликатностью, но с Френсис выбрал аккуратность. Вот, к чему это привело. Лучше бы силой ее в авто запихнул, тварей перестрелял, а дальше бы объяснял, что поступил верно, к психологам бы отправил. Да, девушка бы меня ненавидела. Да, это бы ее травмировало. И все-таки данный вариант гораздо мягче, нежели тяжкие телесные. Я бы предпочел презрение с ее стороны, если бы это означало, что она была бы цела. Иногда тебе не дают абсолютно безобидный и мирный исход, приходится выбирать меньшее из зол.

Я думаю, что никогда не буду заслуживать такую, как она, по крайней мере потому, что никогда не перестану быть тем, кто я есть. Френсис рано или поздно начнет задавать вопросы, касательно семьи. Мне не кажется, что девушка забудет мать и отца, а уж тем более сочтет их достойными смерти — неважно, как они с ней поступили, ее сердце добрее и прощательнее. Но я не стану меняться. Возможно, в других аспектах, однако не в этом. Как бы грубо ни звучало, Френ-

сис придется либо принять мою суть — а она, очевидно, на подобное не согласится — либо смириться с тем, что исчезну из поля видимости. Естественно, я не прекращу о ней заботиться. Буду оберегать издалека. Куплю жилье. Разве не удобно иметь человека, который за тобой и твоим благополучием приглядывает? Покупает продукты, душит мудаков, из-за которых ты плачешь, абсолютно всегда зацелует между ног, если позовешь. По-моему, предложение выгодное. Кто от него откажется?

Я тру лицо и глубоко выдыхаю, ненавидя то, что заранее знаю, чем все кончится. У Мориса и Альмы, к слову, схожая проблема: любят, но слишком разные, чтобы быть вместе до конца. Он не хочет жениться, а она о браке мечтает. О чем речь? Все равно расстанутся. Будет трудно: я к Альме привык, не брошу дружбу ни при каких обстоятельствах. Неважно, что у них в отношениях, если она мне, как сестра. Да и Морис бы не хотел, чтобы мы прекращали общаться, уверен. Так ему легче узнавать, в порядке ли она — через наш контакт.

В этом и состоит суть нормального мужчины: без разницы, что вы не сошлись характерами, ты все равно будешь оберегать ее, как и пообещал. Я давно знаю это правило, но не предполагал, что у меня появится человек, к которому оно применимо. Поэтому пусть Френсис называет меня извергом позже: не имеет значения. Моя роль — защитить. Неизвестно, какие «сюрпризы» сектанты устроили бы вновь,

не будь они мертвы. Я что, должен положиться на милостыню камня или чему еще они там молятся? Нет, пошло оно нахуй. Серьезно: мне поебать. Сожгу всех.

Трасса, по которой она бежала, воспринимается пыткой. Я мог спасти девушку хотя бы от стертых ног, не реши мой чертов организм вырубиться. Каждый раз, когда осознаю это, в груди сворачивается ком омерзения и боли. Без понятия, как в зеркало отныне смотреть. Буду видеть там лгуна, который подвел. Я ведь обещал сам себе, что сохраню. По итогу сделал лишь хуже.

Я знаю, что в любом случае привнес благо своим появлением: Френсис не выйдет замуж за тирана и не превратится в инкубатор для сектантских малышей. Но, вместе с тем, ее пытались повесить за связь со мной. Я не могу вообразить, какой ужас ей пришлось пережить, и хочу забрать это себе. Абсолютно все: от психологических травм до физических ран. Разумеется, твари не смогли бы повернуть подобное со мной. Силенок бы не хватило. Я говорю про то, что желаю пережить уже случившуюся боль за нее. Чтобы у кошечки ничего не болело.

Но это невозможно.

У меня душа, блять, разрывается и воет от того, что я ни хера не могу изменить.

Паркуюсь на привычном месте. Достāju телефон, чтобы отправить нужному контакту координаты. Пишу: «30 минут». Получаю: «Принял». И, наконец, выхожу из машины.

В уши сразу поступает хор голосов, словно молитва читается одновременно сотней уст. Звук исходит из церкви, в окнах которой горит свет — свечи зажжены. Погодите...

Они правда облегчили мне задачу и собрались все вместе?

Отмаливают побег Френсис в ночи единой пиздобратией. Я рассчитывал на охоту, но, стоит признать, так удобнее, хоть и менее страшно. Гораздо увлекательнее было бы кошмарить уродов до инфарктов, разгуливать по улице, жутко присвистывая, и отрезать головы тех, кто неудачно сыграл в прятки. Но имею то, что имею.

Я им сейчас все грехи отпущу.

Надеюсь, они радушно поприветствуют проповедника Маккастера: с орами, воплями и визгами.

Гнев скребет горло, заставляет дышать невпопад. Я открываю багажник и достаю лом с канистрой, а сложенную веревку перекидываю через плечо. Параллельно закуриваю сигарету, чтобы хоть как-то прийти в норму, сохранить контроль. Чеканю обувью по иссушенному торфу и подхожу к зданию, чтобы засунуть металлический инструмент в ручки дверей — так никто не выберется. Из щели снова доносится скорбное и фанатичное:

— О, святой Первый Муж, прости нас за то, что не обуздали пошлость юной души, что позволили плесени....

Топором зарубить мало.

Я смыкаю зубы и открываю канистру, выплескивая из нее бензин на белые стены. Следом иду к окнам без малей-

шей попытки быть скрытным, чтобы облить другую сторону церкви. Нос забивает сладковатый химический запах. Протираю глаза от табачного дыма, который клубился из сигареты, вставленной меж губ, и вижу, как уебки склонили головы. Они плачут и повторяют одну и ту же мантру с надрывом. Сралля Дик стоит за тумбой, тоже потупив взгляд. Кажется, весь трясется.

Значит, он понимает, кто за ними придет.

Ему страшно.

Как же это приятно.

Хоть что-то теплое душу обволакивает. И я искренне благодарен, а потому спешу отплатить тем же: согреть чужие сердца. Отхожу подальше, чтобы бросить сигарету щелчком пальцев, после чего огонь резко вспыхивает с характерным залпом, поражая доски. Стена дома, еще секунду назад находившаяся в ночном отблеске мрака, озаряется зловещим оранжевым светом. Слабое колыхание ветра подхватывает горячие языки и несет их к дверям, а потом к крыше — все происходит за секунду, и я просто скрещиваю руки на груди, наблюдая за тем, что будет твориться с их гребаными лицами. Надеюсь увидеть настоящую жалкую беспомощность и дикий страх. Они должны испытать то же, что заставили испытывать ее, и намного масштабнее.

Так и происходит. Сектанты мигом затыкаются, а затем вопят. Внутри начинается паника: я слабо вижу из-за пожара, но слышу ярко. Их истеричные выкрики служат блажен-

ством посреди океана щемящего терзания. Пламя вертится ввысь, охватывая новые и новые участки сухого дерева, которое трещит и гудит. Жар вынуждает попотеть и меня. Я стираю капли пота со лба и снова закурываю сигарету кофейного Charman, довольствуясь тем, что ублюдки пытаются выйти через дверь: толкают ее с нечеловеческим воем, не понимая, почему она не открывается.

Действительно, почему же?

Бедняжки.

Огонь проникает внутрь, сея больший хаос. И в кои-то, сука, веке, они догадываются валить через окна. Я-то думал уже самому их разбить, потому что стоять и любоваться факер-шоу наскучило.

Первый кандидат ломает стекло телом, выпрыгивая и падая на землю с криком о помощи, ведь непослушное пламя вцепилось в его платье обжигающей хваткой. Я достаю пистолет из-за спины четким рывком, в то время как еще несколько тварей стремятся наружу, и навожу дуло, без колебаний выпуская пулю за пулей в спины, чтобы выродки горели и мучались, не померли сразу. От этого действия смертники сходят с ума пуще прежнего. Они правда считали, что спасутся.

— Проповедник, что нам делать?! — ревом вопрошает мужской голос, — Что нам делать?!

Да, Сралля, подскажи им. Давай, мне интересно.

Огонь ломает окна. Осколки разлетаются по сторонам. В

нашем штате запрещено даже швыряться бычками: погода шпарит, воздух сухой. Пожары — частый инцидент. Я банально знаю, что предпринимаю: так было, так есть и так будет.

— Оставайтесь... оставайтесь смелыми! — совершенно ссыкливо отвечает святоша, безнадежно, в слезах, — Выбирайтесь! Все, прямо сейчас! Я — последний! Замкну наш круг!

У меня с собой две обоймы. На каждого хватит. Как же он надеется на иное. Это забавно. Я без преувеличения покачиваю головой со смехом от абсурда.

Со злорадным смехом, ведь он не знает, что я запланировал и какая тяжкая ноша ему выпадет.

Но как бы ни было прекрасно лицезреть их отчаяние, я хочу поехать к Френсис как можно быстрее. Вернуться и заботиться о кошечке всеми способами, которые окажутся действенными. Я все еще не лучший человек для нее, но то, как она прижималась ко мне, означает, что ей необходимо именно мое присутствие. Ни Альма, ни Морис, ни кто-либо другой. Френсис хочет меня, и я буду у нее столько, сколько потребуется.

Мы знакомы не так давно, но уже на данном этапе мне горько от того, что это не взаимно.

— Выходите, либо сгорите, — тороплю погромче, и они затихают на секунду, — Там пекло ада. Тут — я. Выбирайте, кто страшнее.

Нельзя допустить, чтобы проповедник предпочел превратиться в прах. Этого слишком мало для расправы. И он плаксиво кричит, заикаясь и кашляя от дыма:

— Вы... Вы не понимаете! Она сама! Она пошла не тем путем! Мы ничего плохого не сделали! Пожалуйста! Ум-ум-умоляю!

Ничего плохого не сделали.

А знаете... да пошел этот самоконтроль к черту. Тут близких нет. Могу стать монстром.

Я постоянно даю по тормозам, чтобы не чувствовать безнаказанность, хотя мне известно, что наказать меня никто бы не смог. Связи с верхушками, деньги, власть, компромат на неугодных — все это делает меня неуязвимым. Но мне не нравится чувствовать себя извергом, хотя Альма твердит об обратном. Я неизменно считаю, что занимаюсь достойным делом. Тем не менее у всего есть границы дозволяемого, и ты конкретно можешь поехать башкой, если регулярно будешь превращаться в зверя. Это не то, чего я хочу.

— Хорошо, — отвечаю, перекрывая тоном треск пожара, и выкидываю окурок, — Просто выйдите, встаньте на колени и извинитесь. Предлагаю свою щедрость один раз.

Им уже некуда деваться: пламя ломает крышу. Потому все вытаскиваются наружу, ноя от ожогов, спотыкаясь об землю, дабы добежать до меня, подальше от огня, и рухнуть подле ног, свесив сальные головы. Очень послушные: никто не попытался ринуться прочь. Видимо, на решение повлияли три

обгорелых трупа, которые заставили их рыдать во все горло.

Проповедник падает ближе всего, а за ним выстраивается дюжина человек. Кто-то спрятался в домах, не был на службе, а кто-то остался сгорать заживо — сужу по ору внутри здания. Они хныкают и неистово содрогаются в плечах, пока церковь позади полностью скрывается за дьявольскими языками. И я уже собираюсь дать инструкции, как вдруг слышу нарастающий топот двух ног со спины. Они серьезно? Господи, блять, ну как можно быть такими тупыми?

Я прикрываю веки на секунду и втягивают жаркий кислород через ноздри, прежде чем развернуться и всадить пулю в лоб молодой девушке, что неслась напасть... с серпом. Мило.

Она падает замертво, роняя острый предмет около моей обуви, и сектанты синхронно взвизгивают, закрывая уши и приклоняясь еще ниже. Эта дура действительно помогла мне, между прочим. Так щедро принесла инструмент — он куда лучше ножа, что лежит в заднем кармане джинсов. Я бы даже поблагодарил ее парой слов, если бы еще дышала.

— Вот, как все будет, — тяжело вздыхаю, наклоняясь и поднимая серп, — Попробуйте кинуться в сторону или тявкнуть лишнее, когда разрешения не давали — ляжете рядом с ней. Стреляю я хорошо, в чем у вас уже не должно быть сомнений. Верно?

— Верно! — всхлипывает один за другим, — Верно! Да! Какие противные голоса.

— Отлично, — фальшиво поощряю, — Теперь... вот ты,

— указываю острием на случайного мужлана, — Да, да, ты. Подползи ко мне. Ну же. Не бойся. Я говорю: ночь щедрости.

И это не ложь. Просто... щедрости для меня. Сам себе руки развязываю и делаю, что душе угодно. Сегодня можно. Сегодня нужно.

Вы не можете осуждать меня за то, что я ломаю тех, кто к этому подвел. Они совершали зло, а потому получили зло. Их смерти — всего лишь последствия принятых прежде решений.

Ублюдок колеблется, и Сралля озирается, чтобы пошипеть через нить:

— Выполняй, что он говорит!

Да ты ж мой помощничек. Не волнуйся: за это помилования не получишь.

Через секунду я вкатываю губы в рот, дабы не расхохотаться от того, как сектант встает на четвереньки и нелепо ползет ко мне. Тут же хватаю его за шкуру и снова поднимаю на колени, только лицом ко всем, спиной к себе, и он задыхается от испуга, а следом все присутствующие захлебываются слезами, ведь я окутывают заплывшую шею серпом и жеманно бормочу:

— Проси прощения. Если мне понравится, я тебя отпущу.

Спойлер: мне ничего не понравится. С возрастом стал прихотливым. Такое случается. Разве можно винить?

Однако он наивен, находится в безвыходном положении: шлепает сырыми губами, потеет и отстукивает сопливые рас-

каяния.

— Прости меня, я виноват, я, я, я....

Бестолковые слоги, которые даже не слушаю толком. Пепел летает по степи, ласково оседает перьями на мои плечи. Копоть раздражает роговицу, и все же костер того стоил. Кто бы знал, к чему приведет мой первый приезд сюда. Кто бы знал.

— Я поступил плохо... я плохо... — нескончаемо мямлит он, икая.

— Какой позор, — перебиваю, укоризненно помотав головой, — Надеюсь, следующий порадует меня больше.

Он не успевает осознать что-либо, как я убираю серп от шеи и всаживаю конец лезвия в низ живота, чтобы вспороть брюхо выверенной линией и вывалить кишки на всеобщее обозрение. Некоторые сектанты аж падают на задницы, кто-то наоборот коченеет, но все они поголовно погружаются в мрачное молчание. А «несчастный» еще жив: в оцепенении смотрит на свои внутренности и клокочет в горле, принимаясь собирать потроха руками. Ну... скорее пытается их собирать. Вяло поднимает длиннющую трубку кишечника, жалко булькает, чем доставляет мне удовольствие. Но следом идет разочарование: одна мразота подрывается на трясущиеся ноги и истерично несется вдоль разваливающейся церкви, что вынуждает меня щелкнуть языком и поднять пистолет. Идиот сразу падает от выстрела в затылок, и я стискиваю зубы, рыча и морщась:

— Я же, суки вы ебанные, предупреждал!

Пространство погружается в непреодолимый скулеж: они зажимают себе пасти, дабы не шуметь, однако животный страх сильнее прочих чувств. Как это ничтожно: пытаться невинную девочку, но ныть, когда пришла справедливая расплата. Я их всех как свиней зарежу, а Сраллю, который уткнул лоб в землю, оставлю на десерт.

Пишаю вскрытую немощь ногой, и он плюхается на россыпь собственных органов. Нелюди отпрыгивают или отшатываются в стороны, мыча в ладони. Это бы радовало меня от кончиков пальцев до макушки, если бы не мысль о том, как Френсис страдает. Ничего не будет достаточным, чтобы восполнить баланс. Никакой их ужас не сравняется с ее ужасом. Даже если бы я терзал каждого годами, все равно было бы мало. Это раздражает. Я вдыхаю горелый воздух, протирая глаза, и опускаю плечи в усталости, спокойно командуя:

— Ешьте.

— Что?! — судорожно вопит какой-то лысый мужик, —
Что ты...

И вновь: целюсь, выстреливая в непослушный череп. Затем оглядываю оставшихся доходчивым образом. Нелюди смотрят на меня не как на дьявола, а как на верховное исчадье преисподней всех легенд. Наконец-то сообразили, кто есть кто. Почему для этого потребовалось так много времени? Мне кажется, все было понятно еще на той мирной проповеди, где я открыто предупредил о последствиях. Внятно

запретил обижать девушку, но они замучили ее до беспредела. Чему теперь удивляться?

— Ешьте, — дублирую приказ и ловлю буквально самый растерянный взгляд Сралли, отчего пожимаю плечами, — Просто хочу посмотреть. Это должно быть... занятно.

Через полминуты оцениваю процесс: колупаются в кишках, подносят ко рту, ведь я принуждаю дулом оружия, засовывают в пасть, блюют, что-то стараются прожевать, обляпываются в крови. Под не стихающим пламенем это выглядит поистине превосходно. Переплюнул кровавые сцены жутких фильмов. По крайней мере правдоподобности здесь больше: слезы настоящие, как и чавканье.

Мне не занятно. Естественно, нет. Мыслями возвращаюсь к израненной Френсис в моей постели.... Теперь в нашей постели. Это ее дом, хоть она того пока не знает. Кошечка там не гость. И сколько же плача впитают стены квартиры. Как трудно ей будет на утро. Я ее даже обнять не смогу: к спине правильнее не прикасаться. Это пытка.

Кривлюсь и переключаюсь на происходящее. Достало слушать мерзкий плач, молящий о пощаде. Отец Френсис, кстати, хныкает особенно громко. Давно его заприметил и тоже приберег на сладкое.

Время в телефоне подсказывает, что нужный человек придет через десять минут. Стоит поторопиться, а потом вернуться к той, с кем теперь делю один дом...

От мысли, внезапно пришедшей в голову, желудок неожиданно

данно опускается. Что бы Френсис подумала, если бы увидела меня таким? Я имею в виду... да, она бы перестала хотеть меня знать, как и рассуждал ранее. Но испытывала бы она... испуг? Боялась бы меня? Решила бы, что я способен сотворить нечто подобное с ней?

Это допущение сеет в груди пургу колючей тревоги. Поэтому что я бы смог вынести ее отвращение, однако увидеть страх за собственную жизнь в красивых глазах... без понятия, как бы с таким справился. Никак, полагаю. Распался бы и погиб. Ей же не объяснить, что моя темная сторона никогда не проявится в нашем контакте. В конце-то концов я не поехавший псих, коим называет меня Альма. Имею спектр чувств, порой испытываю сострадание, мне бывает больно, и я искренне переживаю за тех, кто дорог сердцу. Но Френсис... Френсис бы в это не поверила, лишь однажды убедившись в обратном.

Однако она не узнает, а потому я могу продолжать правосудие. Так что снова заставляю извиняться всех поочередно, отвлекаю от ужина, а после перерезаю глотки. Остается только два урода. К моменту, когда вокруг валяется гора трупов, они теряют рассудок: на лицах безумие, смешанное с истерией. То, что надо. То, чего я и добивался.

То, чего они заслужили.

— Итак, — прочищаю горло, отпихивая от себя труп в десятый раз за ночь, — Кто из вас пытался повесить мою женщину?

Они переглядываются между собой в припадке. Отец вертит шеей, а Сралля вопит:

— Он! Он пытался! Я ее вообще спасти хотел! Да! Так и было!

Наглый пиздеж. Я так глуп по его мнению?

— Ну, значит ты и иди сюда, — бормочу, снимая кольцо сложенной веревки с плеча, пока отец девушки гроыхает в рыданиях и отнекивается, перекидывая вину на проповедника.

Он пытается уползти от меня, карабкаясь через тела. Не получается. Я подхожу ближе и перекидываю веревку через шею, прижимая затылок к себе и затягивая импровизированную удавку. Напрягаю предплечья, отчего мужик хрипит. Я душил уебков десятки раз — это не мой любимый вид истязаний, слишком заезженно, но сейчас на размах нет времени. Гнида вцепляется пальцами в плетения, безуспешно стараясь создать приток кислорода, пока я наклоняюсь к уху и выдавливаю весь скопившийся гнев:

— Поверь, если бы я знал, как ты мучал ее в другие разы — а я уверен, что другие разы были, — ты бы не умер так быстро. Я способен на гораздо большее, чем то, что происходило сегодня, и ваш любимый проповедник скоро в этом убедится, — Сралля раскрывает рот, вот-вот ринется бежать, но я смотрю на него с предупреждением, и он плюхается на землю, сворачиваясь от неминуемой участи, пока папаня бросается в предсмертную лихорадку, — Вот, что ты

хотел сделать с дочерью. Чтобы она ощущала то, что ощущаешь ты в этот миг. И мне, блять, очень не понравился твой план, как видишь...

— Она... будет... гореть, — невнятно плюется он, перебивая меня задушенным хрипом.

Я ослабляю натяжение на миг, ведь все живое во мне застывает при прямой угрозе.

— Что ты сказал?

— Она. Будет. Гор...

Мои руки работают без ведома: сворачивают шею за секунду, не позволяя допиздеть ублюдское бесполезное слово. Довели. Окончательно. Перезаряжаю обойму и всаживаю пули в валяющиеся тела — на всякий случай, чтоб наверняка. И перехожу к Сралле. Он побелел, клянусь: видно даже через кровь на коже. Глаза почти выкатываются от судорог: рискнул бы скрыться, если бы я не схватил копну волос кулаком. Поднимаю на короткие ноги. Тащу к машине. Он на самом деле умоляет. Просит прощения и заливается горем. Но я пихаю его на асфальт и ударяю затылком так, как он посмел ударить ее, отчего проповедник вырубается. Достая жгуты и изоленту. Связываю на автомате. Как раз в тот миг, когда помещаю ублюдка в багажник, подъезжает знакомый минивэн.

Роберт, блондин сорока пятит лет, выходит на улицу. Безмолвно смотрит на меня. Затем на догорающую церковь: доски здания рушатся с грохотом. Потом тарашится на гору

жмуриков. Вскидывает одной рукой и вздыхает:

— Флойд, серьезно?

— Нет, пошутил, — фыркаю я, — Чудо технологий. Проктор вырублю, ширму отодвину, и все живы-здоровы.

— Я возьму за каждое тело по тридцать тысяч баксов. Плюс восемьдесят за...

— Как же похуй, — закатываю глаза, — Завтра заедешь в офис. Патриша тебя рассчитает.

Я хлопаю багажником, убедившись, что Сралля оттуда не вылезет, и шурую к домам, пока Роберт вытаскивает черные зип-мешки. Тараканы реально заныкались: в каждом доме звучат выстрелы. Что касается детей... их нет. Я не понимаю, как это возможно, но не придаю значения. Хорошо, что не размножались. Таких нельзя плодить.

Жилище Френсис посещаю последним. Там никого нет. Наверное, ее мать все-таки была одной из тех, кто выбрал сгореть в церкви. Жаль, что не от моей руки. Это ведь почетнее.

Я обхожу комнаты, обводя глазами скупой интерьер, и попадаю в небольшую спальню. Кровать рассчитана на одного человека. Тут спала кошечка. Жила двадцать лет. Полнейшее издевательство: ничего, кроме старой койки, маленького стола и потертого шкафа. Нет, правда. Больше совсем ничего нет.

Эта картина высасывает душу. Я жил в достатке с пеленок. Ни разу не жаловался на что-либо, касательно финансов. Ел

качественную еду в обилии, получал все, что желал, был там, где вздумается.

А она была здесь.

Только здесь.

В этом крошечном белом кошмаре.

Сажусь на матрас, будто добивая себя: проверяю, насколько он удобен, и играю желваками челюсти от переизбытка болезненных эмоций, ведь спать на нем — полное дерьмо. Беру подушку тонкую: перья свалялись. Морщусь и резко кладу ее обратно, но вдруг слышу неестественный звук — будто бумага загнулась.

Не говорите, что я найду личный дневник. Не надо ставить меня перед соблазном: читать или уйти. Я ведь прочту.

Мы не станем обсуждать личные границы в данном случае. Мне важно знать, как она жила, и что с ней делали. Понимать, с чем придется бороться, от чего восстанавливать. Разумеется, если бы Френсис писала заметки в нашей квартире, я бы в них нос не совал. Но в текущем положении винить меня не за что.

Засовываю пальцы в наволочку, тут же нащупывая лист. Всего один, какой-то самодельный. Разворачиваю его, свечу фонариком телефона... Господи, кошечка.

«Флойд уехал навсегда. Я его расстроила. Не знаю, как теперь быть. Скучаю очень. Я по нему скучаю. Поговорить не с кем. Поэтому пишу. Плачу. Так глупо. Я глупая. Хочу к нему. За руки держаться. Он не брал за руку, но я бы хотела.

Я бы так хотела. Я по нему скучаю. Он не придет больше. Я его не увижу. Я ему не нужна. Я знала, что не нужна, но все равно надеялась, что ошибаюсь. А он мне очень нужен. Не для чего-то. Просто так. С ним приятно быть рядом. От него тепло. С Флойдом тепло. Но я все испортила. Поскользнулась, ударилась об комод. Папе досталось. Флойд не поверил. Накричал, побил и уехал. Я понимаю, что меня бы он тоже бил. Но лучше он, чем они. Я только сейчас понимаю, что от него получать не так страшно, как от общины. Флойд хотя бы потом согреет. Пожалеет, наверное. Утешит. Я хочу к нему. Я так сильно хочу к нему. Не для спасения. Не потому, что его боюсь меньше. Я просто... он мне нравится. Всем сердцем. Он мне очень нравится. Пожалуйста, пусть он вернется. Прошу».

Я прикусываю губу до металлического привкуса и дергаю коленом. Сажу так еще с минуту, прежде чем выискать карандаш и написать ниже ее почерка свой короткий ответ, сам не зная зачем:

«Обещаю, Френсис. Я больше никуда не уйду.»

Глава 14

Честно говоря, Сралле достанется куда больше запланированного — а планировал я очень многое, поверьте. Но, пока ехал, придумал еще парочку пыток. Исток новой злости кроется в его поведении: он проснулся раньше времени и мычит во все горло, пиная мою любимую машину изнутри. Ладно, хрен с ним с металлом, наплевать. Суть в другом: я вынужден выкрутить музыку погромче, что означает разбудить жителей города раньше будильников. Это как минимум некрасиво, а как максимум бестактно.

Либо я просто ищу причины, чтобы терзать его беспощаднее уже намеченного... да, думаю в этом правда.

У меня все в порядке с математикой, так что дважды два сложилось быстро: реабилитация Френсис займет около месяца — до того состояния, когда передвигаться сможет без помощи и слез. Ей придется претерпевать мучения двадцать четыре на семь, отдыхая лишь в миг работы обезболивающего. Четыре недели адской боли. Тридцать дней без нормального сна, в сплошной агонии. И вот о чем я подумал... разве справедливо допустить тот вариант, где ее страдания длятся дольше страданий проповедника? Это было бы нечестно — позволить ему скончаться так легко. Определенно нет. Поэтому решено: плачет она — вопит он, плохо ей — крайне херово ему. Весь этот срок, после каждого взмаха мокрых рес-

ниц кошечки, я буду навещать Сраллю по вечерам. А чтобы нам было чем заняться вдвоем, не помешает возить с собой развлекательную программу. Например, набор тяжелых инструментов. Или, скажем, иглы — они бы хорошо смотрели под ногтями. И мое любимое, поистине лакомое, совершенно безобидное — колонки. Пять громадин, из которых звучит непрерывный тяжелый рок. Пока я буду холить и лелеять Френсис, паренька важно чем-то увлечь. Уверен, низкий агрессивный ор в течение двадцати часов поможет скрасить тоску — я действительно нахожусь в предвкушении.

Мне не нужно, чтобы он умолял меня о смерти под конец. Мне нужно, чтобы он даже не смог приоткрыть рот. В этом цель.

И Сралле достанутся лучшие апартаменты, к тому же абсолютно бесплатно. Он должен благодарить за отдельное жилье. В подвале шахматного клуба есть уединенная комната — я кропотливо готовлю ее для отца. Она в процессе разработки, многое следует усовершенствовать, но, кажется, опробовать ее уже можно. Сажать его в общие камеры непрактично. Рядом будут торчать другие смертники, и я не хочу, чтобы кто-то из них ляпнул лишнее в разгар мероприятия. Возьмут и выкрикнут публике что-то про Френсис, подслушав мои личные беседы с проповедником. Нельзя допустить, чтобы кто-то был в курсе девушки, потому что это обязательно станет кнопкой для управления и давления в умелых руках. Не существовало ничего, что давало бы воз-

возможность манипулировать мной, однако с появлением кошечки ситуация... меняется, черт возьми. Правильнее держать ее подальше от всего, что связано с мрачным бизнесом. Так безопаснее.

Шахматный клуб занимает весомую нишу финансов в верхних кругах общества, и, само собой, периодически находятся те, кому это не по душе. Я не собираюсь рисовать сцены из боевиков, но все же мысль о том, как Френсис крадут, чтобы поставить меня перед выбором «ее жизнь или все твои бабки», не слишком, блять, приятная. Конечно, ни у кого не получится сыграть в такую игру. Но зачем доводить до попыток?

Отныне стоит быть намного аккуратнее.

Я помню день, когда мы с отцом еще не походили на сцепившихся собак. Это была моя восьмая осень в жизни: я шел со школы, распиная ботинком мешок для сменной обуви. Дни стояли такие же теплые, как и обычно. Все было так, как всегда, кроме одной вещи — кровь у подъезда. На асфальте будто разлили густой вишневый сок. Место инцидента — тогда я не знал значение этого слова, как и в целом не знал то, что инцидент произошел — обмотали черно-оранжевой лентой. Я взялся за ручку двери, но так и не открыл ее: стоял, наблюдая за тем, как жидкость сворачивается от жара. Ходили люди в форме, недалеко стояла бригада скорой помощи, а из открытой кареты высовывался краешек черного пакета. Клянусь, что проторчал бы там около часа, анализируя,

познавая и изучая, если бы жилец не открыл дверь изнутри, толкнув меня и «очухав». Пришлось подняться домой. Мама с порога кинулась рассказывать:

— Зайчик, ты не увидел труп?

Голова молчаливо повертелась в исступлении. Отец резво вышел из зала и сердито посмотрел на жену, поджав губы, отчего я мигом обнял длинную ногу, поежившись. Он всегда с ней говорил напряженно: скрыто от нас с Оливером.

— Господи, повезло, — вздохнула она, погладив меня по волосам, — Мужчина выпрыгнул с шестнадцатого этажа. Добровольно. Кошмар. Но хорошо, что ты не застал. На ступни приземлился: они были...

— Кэтрин, — выдавил Гектор через зубы, — Прекрати.

Я долго думал об этом. Окровавленный образ, который не встретили мои глаза, не выходил из мыслей. Сам факт смерти не пугал. Страшило то, что, как и упоминал ранее, ничего не было иным. Все забыли о суициде уже на следующие сутки, и у меня сложилось стойкое ощущение, словно я скорбил совсем один. Ведь случилась беда. Настоящая трагедия. Тогда я не понимал, почему никому нет дела. Почему молния не разразила небо. Почему новость не показали в новостях. Человека не стало, а миру плевать. Как такое возможно?

И для чего лишать себя жизни по собственной воле? Разве есть в этом толк? Моя глупая детская башка ни черта не разбиралась в элементарном. Не знаю, из-за чего обратился именно к папе, однако все-таки обратился. Он грустно огля-

дел меня и помолчал полминуты, прежде чем пояснить:

— Ему просто было нечего терять. И не за что держаться.

Я пожевал губу и перекатился с пятки на носок, заложив руки за спину. Снова кивнул без речей и ушел в спальню. Естественно, слабо разобрался в слепом пятне. С возрастом понял. И особенно понимаю теперь.

С Френсис у меня появляется и то, и другое: есть что терять, есть за кого держаться. Мне чуждо данное чувство. Непривычно. Я не говорю о чем-то серьезном: планов на десятки лет не настроил, такого у нас не будет. Но я рассуждаю о том, что у меня возникает ряд обязательств, ответственность иного характера. Рождается серьезная задача — оберегать. До нее я был неприкосновенным: у людей не имелось ничего для воздействия на меня, за исключением бабушки, но о ней никому неизвестно. Так же и с Френсис: я должен держать девушку в секрете для ее же блага. И это напрягает: наличие человека, с которым пока не состыковалось ясное положение вещей. Я просто... переживаю о контроле всех аспектов разом. Кошечка вносит дисбаланс, в чем, разумеется, нет ее вины.

Сам ворвался в ее жизнь внезапно. Сам объявил о своем присутствии. Сам дал чувство, что ко мне нужно идти. Поэтому самому и необходимо разгрести малую неразбериху. Позаботиться о том, чтобы она не пожалела о сделанном выборе.

Я правда позабочусь.

Не умею, однако научусь. Обещаю.

Трясу голову и пропихиваю тяжелый ком в горле, после чего выкидываю лишнее из подсознания. Или блокирую. Неважно. Хуйню какую-то вспоминал. Перед собой стыдно. Открываю багажник и переключаюсь на Сраллю. Эти его перепуганные глаза... ну что за блаженство. У меня день рождения? Замечательный подарок. Восторг.

— М... м... м! — колотится в судорогах.

— Прости, ты звучишь, как жалкая пизда, а я на таком языке не общаюсь, — щелкаю языком и пожимаю плечом, держась за дверцу одной рукой, — Пойдем, покажу твой новый милый дом на ближайший месяц.

Он таращится на меня в шоке и отчаянии, бестолковом отрицании, а я наклоняюсь, чтобы подхватить худощавое тело, перекинуть будущий труп через плечо. К счастью, на заднем дворе не может быть свидетелей: тут только мусорные баки и кирпичная стена соседнего здания. Никаких окон, никаких прохожих — удобное пространство для подготовительных процессов. Сюда и привозят уродов: заводят внутрь через черный вход. Когда шахматный клуб создавался, я искал то, что подойдет мне по всем критериям. Разбирал идеи до молекул, дабы не облажаться. Что-то дополнилось, что-то убралось, но основные пункты не подвели.

Несу Сраллю к серой металлической двери, ввожу код на панели, а следом попадаю в знакомые коридоры стильного интерьера. Сам выбирал отделку, согласовывал с отличным

специалистом расстановку зеркал и света. Мне хотелось приходить работать туда, где комфортно находиться, и я добился поставленной задачи. Морис вышел из «игры» ради Альмы. Я не выйду ни за что: к счастью, никто и не просил. Этот бизнес стал моей личной отдушиной, в него вложено немерено труда. Сралле было бы выгодно оценить поистине святое пространство, но он предпочитает невежливо стучать мою лопатку локтями, пока спускаемся по лестнице. Я лишь усмехаюсь, покачивая головой от бесполезных попыток. Целиком и полностью немощен в своем горе. Конкретно радуется и подпитывается силами.

— Мистер Маккастер, — робко произносит Патриша, и я скидываю брови, удивляясь тому, что она выходит из своего кабинета, — Это... А где Марк? Почему не он привез... объект?...

Девушка не любит называть их уебками или смертниками. Выбирает нейтральные выражения. Что ж, я не против. Главное, людьми не считает.

— Он не для мероприятия, — спокойно объясняю, шагая мимо зеркал, — Ты зачем в шесть утра на работе?

— Составляла отчетности для Вас вечером и уснула, — стеснительно бормочет, и я правда замечаю чуть потрепанную прическу, — Вскочила от хлопка двери, от... эм... мычаний, — она смущается энергичного мученика на плече, но переводит тему, — Знаю, это место не для сна...

— Со всеми случается, успокойся, — чуть кривлюсь, не

видя проблемы, — И что с отчетами? Готово?

Я бы послал ее отдыхать, но работа есть работа, и шоу уже на носу, так что она должна выполнить свою задачу к нужному сроку. Прекрасно, что мы понимаем друг друга. При приеме на должность сразу предупредил: никаких ошибок, либо на выход, правила таковы. Патриша зареклась быть достойной. Не обманула.

— Да, вернусь и положу Вам на стол, — кивает, поглядывая или стараясь наоборот не смотреть на проповедника, — А он...

— Положи документы, — напрямую прерываю несостоявшийся вопрос, так как происходящее ее не касается, — И будь здесь в четыре часа. Заедет человек, надо рассчитать.

Я вообще был убежден, что никто меня не увидит. Это личное, чужим знать не надо. Да, девушка ездила в секту, но то являлось поручением, за которое предлагал оплату. В остальном вход в мои жизненные дела воспрещен любому, кроме близких.

Патриша тут же дергает подбородком, коря себя за любопытство, после чего мигом цокает каблуками в обратную сторону. Я ввожу комбинацию цифр на второй панели под пыхтения парня и захожу в раскрывающиеся двери, дабы быстрее спустить тушу во второе крыло камер. Темное помещение встречает меня хныканьем: дуэлянты ноют в кляп, стгорая от неведения и пугаясь раздавшихся шагов. Но я пока не по их душу. Им еще пожить суждено три дня. Пусть

наслаждаются.

Наконец заносу проповедника в просторную комнату, где посередине стоит припаянный к полу стул. Плюхаю грешника на отполированную мебель и без колебаний направляюсь к столу. Достая из шкафчиков новые рулоны серой изолен-ты. Возвращаюсь, чтобы разрезаю старую, освободить запя-стья, примотать их к ручкам. А Сралля молниеносно толкает меня в грудь и дергается вперед, в то время как я даже не шелохнулся, склонившись над ним со сведенными бровями. Блять, он прикалывается?

— Мог хотя бы ударить в челюсть, — открыто осуждаю и насильно обхватываю тонкую руку, прижимая ее к металлу почти до хруста, — Точно, забыл. Ты смелый только с жен-щинами.

Он плачет и пытается вырваться. Абсолютно слабый: я одной ладонью справляюсь с сопротивлением, пока зубами оттягиваю кончик липкой ленты. Приматываю правое пред-плечье к ручке и хватаюсь за второе. Его окровавленный рот до сих пор залеплен для разговор. Приходится общаться ри-торическими вопросами, либо утверждениями.

— Знаешь, что мне нравится во всем этом дерьме? — пас-сивно бормочу, издеваюсь, сковываю вторую конечность, — Ты будешь скулить тут, а я буду с ней. Спать рядом. Целовать нежные руки. Гладить. Кажется, ты назвал ее своей невестой, а? — он смыкает челюсть в приступе ярости, чем вызывает злорадство, — Смотри-ка, как все изменилось.

Святоша очевидно желает ответить. Мне хочется поглотиться вновь, раскатистее. Потому рывком отрываю ленту с пасти, благодаря чему проповедник всхлипывает и крючится. Потом перехожу к ногам, присаживаясь. Сралля выплевывает:

— Она никогда не будет счастлива с таким уродом, как ты!

Я поджимаю губы из-за его невнимательности, параллельно фиксируя ноги в безвыходном положении.

— Мы обсуждали это, — услужливо напоминаю, — Даже твоя мамаша умоляла бы меня достать член. Неужели забыл?

— О, так вот, в чем суть, — он рыдает, гримасничает и язвит одновременно, это настоящий припадок истерики, — Все твердишь о соитиях! Хочешь быть у нашей вшивой грешницы Френсис первым? Спешу тебя огорчить. Не выйдет!

Я как раз обездвижил вторую ногу. Застываю, и эмоции вдруг исчезают на секунду. Ступор.

И лучше бы на заминке все завершилось.

В недрах сплетается непреодолимая жгучая смесь, от которой тошнит: она подкатывает выше и выше, застревая в глотке. Мышцы каменеют, а челюсть скрипит. Я медленно поднимаю на него взгляд, полный боли и гнева, перед тем как прохрипеть то, что язык отказывается помогать произносить:

— Что ты имеешь в виду?

Он колотится в панической атаке и кое-как отстукивает:

— Я имею в виду, что она отлично отдавалась своему дородному отцу с восемнадцати лет.

Нет...

— Как и принято, как положено святым Первым Мужем. два года девушку учат родители.

Нет.

— Мама держит дочку, а папа растягивает членом.

Нет. М-м. Нет. Хватит.

— Чтобы жених не купался в крови. Чтобы простыни в постели супруга были чистыми, белыми. Внутрь вату записывают. Дети так не плодятся.

Нет, нет, нет, нет, нет!

— Мама держит. Папа готовит. Мама держит. А папа...

Я встаю и ломаю его челюсть кулаком, принося непоправимые повреждения. Опять. И опять. Тело дрожит. Мое тело. Оно горит и сворачивается в жутких спазмах. Сердце стучит бешено, порываясь остановиться, прекратить работать, потому что лучше умереть, чем с этой хуйней в голове жить. Что, блять, я услышал?! Что за пиздец я услышал?!

Мотаю рот изолентой. Ставлю диск в магнитофон и врубаю рок в колонках на всю мощность. У самого уши ломаются. Он с этим сидеть будет сутки. Никакого сна. Вынос перепонки. В совершенной темноте.

Не месяц. Полгода. Я с ним не закончу блядских полгода. Год или два. Ни за что, сука, не прекращу.

Меня вырвало, как только попал на улицу. Руки покрылись диким тремором: за руль не сесть. Глаза пекло от внезапной влаги. Я не был в состоянии себя уговорить.

Выкурил семь или девять сигарет подряд. Ходил из стороны в сторону, губы сжав, через нос рывками дыша. У меня не получалось.

Я не знаю, как истолковать это уебищное ощущение. Ему нет определения. Тебя просто молотит в мясорубке, и это не кончается. За двадцать пять лет я познакомился с самыми разнообразными видами дерьма, однако такое мне не встречалось ни разу.

Воображение само воссоздавало те тошнотворные, мерзкие сцены регулярного изнасилования. Мучения в невинном лице, безмолвная мольба о помощи. «Мама держит, папа готовит» — эта ублюдская фраза въелась в череп, и я бил себя по голове, чтобы изгнать ужас, однако слова проигрывались на повторе. На пару мгновений решил, что поеду обкуриваться травой, заливать в желудок уйму виски. Быстро привел в порядок хотя бы данную дурь — нельзя слабым быть ни на минуту, если теперь у меня есть она. Вот только я в душе не ебал, как зайти в квартиру и как вести диалог после такой информации.

Я просто не представляю, как к ней прикасаться. Виню себя за то, что касался ранее. Она была согласна на все сто процентов? Это не было слишком? Френсис чувствовала давле-

ние? Ей казалось, что я поступлю так же, как они? О чем она думала? Когда она говорила, что боится меня, имелся в виду страх быть тронутой по принуждению?

Как ее утешить? Как восстановить? Какой темп будет являться верным? Нужно ли вообще шагать? Стоит ли издали говорить на эту тему? Или заткнуться? Она переживает о том, куда лягут мои руки? Можно ли мне с ней контактировать? Но как не контактировать, если она самостоятельно даже до туалета не доберется?

Что, мать Божья, мне делать?

Я не хочу, чтобы ей было так плохо. Пожалуйста, ткните меня носом в существование секты годами ранее. Я бы сорвался со всех ног и вытащил эту маленькую кошечку из кошмара. От всего бы укрыл. Защитил. Спрятал. Обнимал бы, жалел и все самое лучшее отдавал. Как это повернуть? Почему повернуть уже нельзя?

Ее два года истязали. Запрещали протестовать. Убеждали, что это норма. Что так надо. Вдалбливали в мозг извращенную ересь. За что ей выпала эта доля?!

Никому не отдам. Похуй на все прежние размышления. Все. Со мной. У меня. Столько, сколько будет того хотеть. Месяц, три или всю жизнь — я рядом, никуда не уйду, ни при каких обстоятельствах. В качестве партнера или друга — не это важно. Буду охранять ее покой, потому что отныне только, черт возьми, тепло и безопасность. Весь гребанный мир перестреляю, кишки жрать заставлю, если кто-то снова

начнет вредить. Мне плевать, как грубо звучу, но ни одна мразота Френсис больше не обидит и нет ни единого «либо».

Она же совсем крохотная. Совсем малышка. Искреннее создание. Буквально хрупкое творение света. Олицетворение слова «нежность». Так какого хуя ее окунали во мрак?!

Я жалею, что не притащил в подвал папашу. Невообразимо жалею. Нанял бы специальных людей, которые бы его в задницу резиновым членом трахали сутки напролет. Заставлял бы питаться помойными крысами и собственным скальпом. Отрезал бы член. Вводил бы в яйца раствор кислоты. Он бы гнил заживо, его бы ели черви. Я бы топтал ногами, топил, отпиливал палец за пальцем. Обливал кипятком, растягивал бы конечности, измельчал их молотком, пока они не превратятся в болтающееся месиво. Привязывал бы к столу, а сверху бы клал разлагающийся труп, лицом к лицу, на неделю. Ломал психологически и физически, всеми путями, долго, безжалостно.

Я реально свернул ему шею, не вынудив пройти все это?

Какого хера мне казалось, что эпицентр кошмара — Сралля? Все время главным извергом был не он. Естественно, проповедник не зря в подвале сидит, и все по справедливости. Но ее отец. Ее долбаный, блять, отец отмучился за полчаса. Как я мог не разобраться?

Контроль. Контроль. Обрети контроль.

Вот, что твердило подсознание. И я был напуган, ведь стабильно прихожу в норму за считанные секунды. А здесь ман-

тра не срабатывала. Руки не утихали в тряске. В горле першило. Глаза не высыхали.

Если бы продолжил в этом копаться, сошел бы с ума. Впервые за год мне снова захотелось перестать жить, но не от своей боли, а от чужой.

Двадцать минут передышки — столько взял, прежде чем поехать к девушке. Финальный раз бью себя по щекам и сажусь в Мустанг. Вытираю воротом футболки смесь никотина с желчью на губах. Утреннее солнце слепит глаза. Достаяю из бардачка очки — и все это так пусто, что рвота подкатывает снова. Пока я спускал не маленькие деньги на аксессуары, Френсис не могла позволить себе ничего. Знаю, что не виноват, однако стыд гложет. Все для нее изменю: и к психологам отправлю попозже, и жизнь обеспечу, и мир покажу. Свожу во все уголки Земли: только пусть, пожалуйста, поправится и разрешит свозить.

Паркуюсь, на этаж поднимаюсь привычно ногами, игнорируя лифт — так быстрее и полезнее. Сна выпало мало: за двое с половиной суток отдыхал не больше четырех часов. Но я не позволю себе вырубиться вновь, как ночью. И без того совершил масштабную ошибку. Подвести кошечку снова не имею никакого права: потому захожу в квартиру со страхом опоздать. Она нуждалась в моем присутствии. Если проснулась раньше, наверняка испугалась, чего я совсем не хочу.

Тем не менее переживал в пустую. Как только миную по-

рог, вижу Мориса на кухне. Он сразу негромко докладывает, не успев я рот открыть.

— Еще спит, не вскакивала, все в порядке. Лекарства купил по рецепту, нашел круглосуточную аптеку. Альма... — друг прерывается на миллисекунду, отводя поникшие глаза в стол и отпивая маленький глоток виски, — Альма приготвила бульон. Я в магазин тоже заехал. Еще отварил креветки. Овощи нарезал. Мы посоветовались, чем кормить, пришли к выводу, что Френсис вряд ли что-то тяжелое можно, у нее желудок ведь не привык...

Нет. Тут все не так. Совершенно все.

— Морис, — хмуро торможу его и шагаю через зал, скинув обувь, — Ты в порядке?

Он прикусывает губу, стуча пальцами по стакану, когда опираюсь ладонями на стеклянную поверхность. Проводит по русым густым волосам и отстраненно бормочет:

— Расстались, вроде как.

Мои брови сводятся, а глаза сужаются. Бред сивой кобылы. Нет, я размышлял про их разрыв, но то был вывод на эмоциях. Они не подходят друг другу, и все равно должны быть вместе. Потому что... потому что это Морис и Альма. Этим многое сказано.

Существует птица, которая садится на крокодила. Она питается остатками пищи, застрявшей в пасти хищника. Зеленая тварь, в ответ, получает гигиену, не нападает. Они разные, но им необходимо быть бок о бок — вот, в чем смысл.

Поэтому пусть конкретно наш крокодил потопает к чудесной избраннице и осознает, что без нее он просто плавучая кожа с зубами.

— Значит подними задницу и иди мириться, — порицаю за бездействие, — Либо я припаркую у вашего дома ее бывшего с букетом цветов. Может, это заставит тебя шевелиться.

Он переводит на меня тот взгляд, который напугал бы даже мертвого, но я смотрю на него с прежним выжиданием, не меняя настрой. Не говорите, что этот придурок собирается спустить коту под хвост двухлетние отношения. Лучше, черт возьми, молчите.

— Спасибо, друг, ты реально мастер поддержки, — прискакивает, дергая щекой и откидываясь на спинку стула.

Сука, сейчас душить кинусь.

— Морис, блять, мне нужно сходить в душ, а затем заниматься своей женщиной, — тихо отрезаю, начиная конкретно злиться, — Не ной баллады о том, какие вы противоположные. Да, противоположные. Но вы любите — этого должно хватать...

— Не хватает, — прерывает, тряся коленом под столом, — Ей не хватает. Ясно?

Я кинусь душить.

— О, просто напомню, как много этой девушке приходится, мать твою, терпеть, — выдавливаю, взрываясь, — Твое вечное отрицание брака. Твою нескончаемую агрессию. Твои мимолетные, но нередкие проебы по типу «обнял не

ту, обознался», «разбил ее коллекционную статуэтку, потому что она попала под горячую руку во время звонка конкурентов», — он стискивает челюсть от противоречивых болючих ощущений, — Ты реально обвинишь ее в том, что она на нервах тебя бросила? Или работу над ошибками проведешь?

Парень протирает лицо, разочарованно отзываясь сжатым тоном:

— Надо же, как заболтал. Ты меня не поймешь. И эту ситуацию не поймешь. Все не работает в стиле «извинился-стали счастливы». Хотя откуда тебе знать.

Не задевает. Ни капли. И обижаться по херне я не буду, чтобы мужчину в себе не потерять. К тому же его грубость вполне обоснована: я сам подчеркнул, что мы ездим на расправы вдвоем, что он не завязал — тем самым помог спалиться перед Альмой. Это двоякое положение: наши дела не кажутся мне неправильными, я не замечаю проблемы, но девушка замечает с лихвой. Она моя подруга. А мой друг ей врет. Я прикрывал его последние полгода, ощущая себя на табуретке с тремя ножками. Это важно было закончить рано или поздно. Поэтому продолжаю, подвожу итог:

— Мне действительно мало известно про отношения. Однако вот, что я вижу: ты с ней светишься в хорошие дни. Все, что тебе надо сделать, чтобы хорошие дни случались чаще — постараться убрать из себя остатки дерьма. Либо упусти ее. А потом до конца жизни плач мне в уши, каким был кре-

тином. Ищи на нее похожих. Выбирай сам.

У меня нет времени размусоливать шаткую тему, так что наскоро иду в душ. Залезаю под воду уже через полминуты, отмывая кровь и запах гари. Выливаю на тело не иначе чем полбутыля геля с кофейным запахом. Вроде бы помогает. Я правда внюхиваюсь в собственные руки и предплечья, анализирую.

Натягиваю домашние брюки и футболку со скоростью метеора, тру волосы полотенцем, после чего выхожу обратно в зал, залитый солнцем. Сердце моментально согревается: наша грустная парочка воссоединилась. Морис шепчет что-то, стоя близко к девушке, голову склонил, щеку ее поглаживает. Явно обещает. Раскаивается. Она от него отворачивается, подбородком мотает, но он уйти не дает: мягко тянет к себе, упраскивает, объясняет и заверяет твердо. Этот вариант нравится мне гораздо сильнее предыдущего.

Не мешаю и дыхание задерживаю, руки об штанины вытираю, когда шагаю к спальне. Дверь приоткрыта. У меня почти измельчаются органы: никак не приготовлюсь вновь наблюдать увечья. Однако, нерешительно ступая внутрь, встречаю совершенно иную картину: Френсис так же лежит на животе, только теперь на ней не разрезанное платье, а моя белая рубашка. Не знаю, каким образом Альма смогла переодеть кошечку, не разбудив. Даже волосы расчесала и точно оттерла хрупкое лицо от липкости. Я определенно обязан извиниться за тот жестокий голос и пренебрежительные ма-

неры.

Странно видеть кого-то, одетого в мои вещи, потому что ни одной девушке не было позволено пользоваться гардеробом в этой квартире. Не любил пропитываться чужим запахом дольше пары часов. Но то, как рубашка смотрится на Френсис... я бы мог назваться счастливым, если бы не реальность, при которой кошечка вынуждена быть так одета.

Тихо переступаю по паркету, боясь издать лишний звук. Лечь на кровать было бы наглостью, хоть это и моя постель, поэтому сажусь на пол, впритык к матрасу, и кладу щеку рядом с маленькой рукой. Шевелю исключительно глазами: осматриваю лицо, повернутое к моему, безмятежные мягкие черты. Френсис даже спит бесшумно: ни сопения, ни придыханий. Абсолютная тишина. Со мной не повезло. Часто ворочаюсь. Кошмары раз в неделю мучают — скрывал их ото всех. Отныне делать это еще сложнее.

Не обсуждается: живем вместе. Однако как к этому приспособиться?

Как привыкнуть к тому, что я действительно мечтаю стать тем, кто ей нужен? Сперва, в начале знакомства, подумывал подыскать Френсис хорошего парня. Сейчас изучаю ее беспрерывно и отпускать не желаю. Не в силах представить, что отпущу. Девушка будет лежать не здесь, а в ублюдском доме какого-то идиота? Нет, ни хрена. Зачем он ей, если мои простыни с одеялом удобнее? А если вдруг не так, я заменю их вместе с каркасом — без разницы, каких усилий это стоит,

потому что того стоит она. И речь совсем не о кровати.

Кажется, погряз с концами.

Придурок.

Вбираю свежий воздух через нос и морщусь, желая потереться лбом об ее руку, подобно гребаному котенку. Почему это чертово чувство к ней превращает меня в мягкотелого выродка? Так нельзя.

Но «нельзя» такое прекрасное.

Внимание переключается на Альму: она заходит в комнату на носках и присаживается рядом, мягко улыбаясь мне уголком губ. Смущенно поправляет приталенную розовую кофточку с длинными рукавами — Морис чуть задрал, точно его лап вина. Слава Богу, помирились.

— Мы приедем завтра утром. Я снова переодену. Помогу обтереться. Ей будет некомфортно делать такие вещи с мужчиной, — шепчет, отчего мигом киваю, — И можешь поблагодарить. Я притворилась тобой, — мои брови вскидываются в акте претензии, пока девушка высовывает язык, дразня и довольствуясь, — Она шептала твое имя во сне, звала. Я переплела наши руки, по голове ее погладила, — пожимает плечом, — Знаешь, послать бы вас с Морисом куда подальше. Будем с ней парой — счастливой. Вне сомнений.

Я закатываю глаза. Один отдел груди испытывает благодарность. Другой — беспокойство. Так и запишем: ревную Френсис ко всему живому. Приплыли, блать.

— Ты бываешь такой дурочкой, Альма, — безвредно бор-

мочу.

Подруга по-доброму усмехается и подставляет колено под подбородок, неустанно рассматривая нас вместе. До сих пор лицо от матраса не оторвал. Лишь бы с кошечкой близко. Лишь бы не отдаляться. Я хочу быть ее опорой. Стеной. Хочу беречь.

— Это и есть мои извинения?

Опоминаюсь, чтобы искренне исправиться. Поправляю одеяло: немного повыше, к пояснице, края подгибаю у бедер, уют создаю. Хоть что-то. Хоть как-то. Хоть чем-то.

— Прости. Некрасиво поступил. Нервничал, на тебя злость вылил. Не повторится. И... спасибо. За все. Очень благодарен.

Она прикусывает губу, посередине которой продето аккуратное, тонкое колечко пирсинга, и кладет ладонь на мою спину. Морис реально недоразвитый, если хоть на мгновение смиряется с тем, чтобы ее потерять. Я бы, будь Френсис со мной, руки бы не опускал. Конечно, все закончится расставанием в любом случае, и все-таки финал можно оттягивать. Снова, снова и снова, пока замертво от количества попыток не свалишься.

По крайней мере я абсолютно убежден, что не променяю это на то нудящее «Лойда!». Мулатка в клубе — сколько о ней вертелось мыслей. Как сильно я ее желал. Теперь вспоминать противно.

— Не за что. Я помогаю будущей подруге. Ну... если

Френсис захочет дружить. И прости, что психопатом назвала. Погорячилась.

В ней сквозит оттенок стыда, отчего не по себе. Шутки шутками, но меня устраивает то высказывание. Лучше считаться устрашающим, нежели уязвимым.

— Я не умею обижаться, — тихо бормочу, не смотря на подругу, — Мне не бывает больно. Поэтому не переживай.

Было нетрудно выстроить данный образ для людей: важно всего-то один раз не моргнуть, когда реальность диктует зарыдать. И все, ты крепкий. Я правда такой. Каждому известно. Вот только Альма, почему-то, замолкает на пару секунд, а затем встает на ноги и робко шепчет:

— Френсис тебе поможет. Когда-то поможет. Если ты позволишь помочь, Флойд.

Нулевая реакция. Пропускаю мимо ушей, игнорируя покалывания в сердце. Мне не нужна ничья помощь. Я в порядке. В полном, совершенном покое. С чего она считает иначе? Глупость.

Я знаю, что рассказывал ей некоторые вещи о себе. Чем-то делился Морис: возможно, многим. Тем не менее по мне заметно — стабилен, нерушим, настроение всегда нормальное, не грущу, ведь для печали повода нет, если мы не берем в учет ситуацию с кошечкой. Наверное, Альма попросту устала и ляпнула несусветицу. Вот и все.

Вскоре входная дверь тихо закрылась. Мы с Френсис остались наедине. Я не сдвинулся с места, словно боясь потрево-

жить сон взмахом ресниц. Надеялся, что она будет отдыхать еще часов пять-семь. Фактически молился на это. Но мир был не способен держаться долго. Прошло около пятнадцати минут, прежде чем веки задрожали, а сухие губы приоткрылись. Кошечка начала скомкано хныкать, плаксиво морщиться, и моя душа разлетелась в щепки.

Потому что это вернулось.

Потому что боль никуда не исчезла: она всего-навсего взяла тайм-аут, чтобы позже накатить новой ледяной волной.

Глава 15

Френсис

Я теряюсь в пространстве, когда распахиваю глаза и опираюсь на руки перед собой, словно мне снова нужно продолжить бег. Пульсирующая боль в теле пронзает кожу: складывается ощущение, что спина рвется вновь. Мои слезливые глаза не могут ухватиться за что-либо, они натываются лишь на незнакомое серое постельное белье. Из рта исходит трясущийся, щемящий стон паники: страх поглотил бы нутро, если бы не мягкий голос сбоку. Безумно трепетные слова.

— Кошечка, — я часто хлопаю ресницами, дабы сократить количество влаги, и всхлипываю при виде безопасного мужчины сбоку, — Кошечка, хорошая, ты в своем новом доме, нет никаких угроз, все хорошо, тут только хорошо...

Он говорит что-то еще, носясь по мне жалостливым взглядом, пропитанным сочувствием, но я едва ли способна уловить суть хриплого тембра. Все концентрируется на ноющих швах: мне кажется, что они разошлись, спину жарит и шпарит. Дрожащие руки не выдерживают веса, отчего укладываюсь обратно, беспомощно прижимаясь щекой к подушке и закусывая нижнюю губу. Пытаюсь не выть. Не доставлять дискомфорт плачем. Я помню, как потревожила Флойда. Помню, что он и не планировал приезжать в секту, не хотел видаться, но я вынудила его принять меня в квартиру.

Альма была. Морис. Какой-то мужчина. Они меня собирали и помогали. Я все это помню, но так запуталась, что не понимаю, как много времени прошло с тех мгновений.

Боль, боль, боль и опять боль.

Мне так больно.

Мне больно.

— Маленькая моя, я схожу за таблетками, две минуты и вернусь, выпьешь, легче станет. Слышишь? Мы о тебе сейчас позаботимся. Я буду заботиться, Френсис, ты не одна...

Я не смотрю на него из-за избытка стыда. Дышу грузными рывками, от которых тоже ломает. Слезы не кончаются, как и мандраж. Ноги горят: не получается пошевелить пальцами, от каждого микродвижения конечности громяхают спазмами. Будто собственное туловище не принадлежит мне. Оно бесполезное и уязвимое. Я боюсь набрать в легкие недостающий кислород, ведь подъем грудной клетки сопровождается невыносимым зудом.

Как у меня хватило сил оторваться? Откуда нашлась смелость попасть в город? Я не на своем месте. Нагло ворвалась в чужое пространство. Беспардонно вынудила тревожиться многих людей. Что я натворила? Что я вообще сделала?

Но в общину не вернусь. Они меня убьют, как и желали. Я не хочу туда возвращаться. Флойд не отправит домой? Почему он меня не прогнал? Ему не хотелось встречаться в сарае, не хотелось быть рядом. И я решила навязаться. Жалко выпросить укрытие. Это отвратительно. Мерзко и глупо. В

чем моя проблема?

Больно.

Так ужасно больно.

Я не могу дышать.

Я двигаться не могу.

— Все, пришел, с тобой, — оповещает неровный тон, — Тут таблетка и вода. Могу я прикоснуться к тебе, чтобы помочь выпить? Ты разрешишь?

«Таблетка». Очередное незнакомое слово. На большой ладони лежит белый твердый круглешок. Его нужно проглотить? Для чего?

Я приоткрываю губы, растерянно смотря на странную вещь, к тому же совершенно не понимая, для чего Флойд требует позволение на контакт. Он словно нуждается в моем мнении. Это ненормально. Мужчина может совершать все, что угодно, так как является хозяином, главным.

Что происходит?

Чего от меня ждут?

Как не ошибиться?

Когда боль кончится?

— Вовсе необязательно позволять дотрагиваться, — добавляет, пока я беззвучно хнычу, тупя взгляд, — Ты можешь проглотить лекарство сама. Я просто хочу помочь, моя милая. Никакого вреда. Обещаю. Ты в безопасном месте.

Не знаю, чем меня выручит таблетка, но, если выручит, я буду благодарна. Сейчас пойду на все, только бы перестать

страдать. Поэтому послушно киваю и хлипко шепчу, перебарывая вину за то, что вступаю в диалог:

— Я выпью. Помоги, пожалуйста.

Флойд выдыхает в малом облегчении и переступает коленями по полу, чтобы приблизить кружешок к губам. Я поддаюсь, внимания горечь на язык, а следом омываю ее обилием воды, кривясь и морщась от неразберихи. Это такая еда? Для чего она сотворена столь невкусной? Каким образом от нее должно полегчать?

Я ничего не понимаю.

Слишком больно.

Агония не дает анализировать. Перекрывает пути к осмыслению. Я устала. Знаю, что спала, однако мозг не изображает, нуждается в отдыхе вновь. Тем не менее лежать здесь запрещено. Важно набраться сил, встать и не мешать Флойду жить. Он хороший человек: потому не оттолкнул, потому рядом вьется, переживает. Я не имею права скулить ему о спасении во второй раз, вымаливать некую «передержку». Меня приютили, проявили милосердие, предоставили кров на пару часов. Становиться долгосрочной проблемой парня — ужасно. Я не хочу быть грузом. Это бессовестно. Как и чем искупить проступок?

— Поговори со мной, пожалуйста, — робко шепчет он, безуспешно стараясь создать зрительный контакт, — Скажи, о чем думаешь. Не стесняйся попросить: я все что угодно выполню, лишь бы тебе стало лучше.

Почему он такой добрый?

Я ни в коем случае не посмела бы навязывать Флойду что-либо, но, похоже, этот мужчина явно выбирает не те чувства. Ему положено злиться или, как минимум, потребовать от меня пользы, а он делает совершенно противоположное, и я не могу разобрать, сплю ли до сих пор или сошла с ума.

Флойд всегда был мягок, за исключением того инцидента с отцом. Я знаю, что он очень нежный и практически безвредный, хотя может создавать иное впечатление. Просто это не исключает закона реалий: женщин не жалеют, а если и жалеют, то краткосрочно. Парень уже должен утомиться от моего плача, приказать собраться, направить на труд в свое благо. Невозможно, чтобы в городе девушкам разрешали вольность. Я не поверю.

В общине рассказывали, что люди здесь распутны. Погрязли в плесени и бесконечных грехах. Но нам так же говорили, что тут женскому полу живется гораздо хуже: тебя используют для грязных процессов, а потом выкидывают, и никто никогда не выдаст крышу над головой. Поэтому, надеюсь, у Флойда не будет проблем: я бы не хотела, чтобы глава города зашел, увидел меня в постеле и вынес мужчине выговор. Порядки важно соблюдать.

Так или иначе, Флойда мои опасения, кажется, не волнуют. Он сидит неизменно близко. Почему-то на полу. Зачем? Это его спальня, и тут много места, кровать огромная...

Очевидно. Парню неприятно лежать со мной. Какая же я

идиотка. Уродина с головы до ног во всех планах. Недостойна быть с ним рядом — и без того было ясно. Слезы душат горло снова, хотя боль, вроде бы, постепенно отступает.

Я так хочу, чтобы он меня прижал и утешил.

«Немощная бестолочь» — излюбленное высказывание матери в мой адрес. Она права. Все это пора заканчивать. Я набираюсь смелости и с трудом произношу через запинки:

— Флойд... — он перестает дышать от внезапности тихой речи, — Я... я могу где-то... куда мне пойти?

Просторная комната погружается в тяжелое молчание. Я не вижу, но чувствую, как Флойд хмурится. Странно, что я его чувствую... Прежде у меня такого ни с кем не случалось. В грудь проникает смятение с тревогой — это его ощущения. Каким образом я их улавливаю?

И разве он не рад смекалке? Не пришлось выгонять самому...

— Ты хочешь уйти? — наконец отвечает, звуча подавлено, — Тебе некомфортно со мной? Я... что-то не так делаю? Укажи на ошибки, прошу. Сразу исправлюсь, Френсис.

Да что он несет?

Сердце дергается, посылая разряды тока по коже. Его голос — не раздражение и не радость. Это скорее... страх? Абсурдное слово для Флойда, однако оно издала подходит. Потому что парень выговаривал каждый слог в уязвимости, почти превратившись в меня. Я не хотела его расстраивать. Я всего лишь пытаюсь сделать как лучше, честно.

— Мне... мне стыдно тебя утруждать... — искренне поясняю дрожащими губами, всхлипывая, — Ты... ты замечательный, ты прекрасный, мне с тобой очень хочется, я бы никуда не уходила, но я напрягаю, я тебе помеха...

— Френсис, — неожиданно перебивает более серьезным тоном, будто поток исповеди зарядил ему удар под дых.

Я моментально затыкаюсь, плотно сжимая рот и коря себя за размах предложений. Раньше он поощрял меня за слова, а потом что-то переломилось. Флойд решил разорвать нашу несостоявшуюся связь. Вероятно, его опечалили те объятия: меня обнимала только мать, поэтому я была неловкой, не соответствовала. А сейчас парень вынужден терпеть мое тело в своем доме...

Я замираю, когда большая ладонь неожиданно накрывает мою. Так нежно... это очень, очень нежно. Флойд с таким трепетом еще не касался: перебивает даже позапрошлую ночь в сарае.

Костяшки, на которые растерянно смотрю, покрыты неестественным оттенком. Что-то между красным и фиолетовым, как мой синяк от недавнего падения. Наверное, он побил кого-то. Этот факт, к удивлению, не страшит. Я не люблю, когда люди причиняют друг другу боль: так было и так будет. Но сейчас мне гораздо важнее то, что не избивают меня, насколько бы эгоистично ни звучало. Полагаю, я стала действительно самым жалким человеком, раз сосредотачиваюсь лишь на поиске укрытия битый час подряд.

— Если ты не хочешь моих рук, скажи об этом, — наставляет или просит шепотом, медленно прикладывая вторую ладонь к... щеке, отчего в душе образовывается смесь покоя и бури одновременно, — Если хоть что-то тебя пугает или напрягает, не бойся обозначить. Я не обижусь, не разозлюсь. Просто отступлю.

Флойд...

Кожа под его прикосновением будто увеличила чувствительность: я ощущаю пульс на щеке — не уверена, свой или парня. Или наш. Совместный. Большой палец мягко упирается в подбородок, чтобы приподнять голову на подушке, чтобы не настойчиво, до молекул плавно соединить наши глаза: несмотря на то, что это не моя инициатива, ничего не походит на принуждение. Он направляет, но не в приказе, а в отчаянной просьбе.

И меня пришибает к матрасу невидимым ласковым молотком — именно такими противоречивыми сравнениями можно описать данное состояние. Потому что теперь мы смотрим друг на друга. Потому что все распадается или собирается — я не понимаю, но знаю, что трепещу. Внутри возникает сгусток красок: никакого белого цвета, яркие пятна выпроваживают выдержанные годами стандарты. Я помню, что заглядывала в глаза Флойда ночью, но все казалось смутным. Даже не перескажу, о чем мы говорили, пока лежала на столе — нечто чуткое и пронизательное, однако мозг распластался для того, чтобы сохранить сокровенные фраг-

менты. Сознание было занято исключительно болью и страхом, я пыталась цепляться, не терять сознание, но сейчас это сравнимо с разбитой кружкой — никак не соединю детали в общую картину.

Пигмент его глаз холодный, что контрастирует с тем, как тепло он на меня смотрит. При свете дня лицо открывается полностью. Наверное, я впервые вижу внешность мужчины так четко, без мешающих факторов. И он... он такой красивый. Углы челюсти выражены. Губы пухлые: над верхней аккуратная ямочка. Нос выразительный, как и низко-посаженные брови. Растрепанные локоны переливаются оттенком шоколада: того самого, который я ела в амбаре в день рождения. Он... он правда слишком красивый. Слишком-слишком. Уверена, о замужестве с парнем мечтают десятки девушек. Возможно, Флойд разрешит увидеть ту, которую выберет — она точно не менее прекрасна, чем он, по-другому нельзя. Ей определенно повезло.

— Послушай внимательно, — негромко бормочет, неведомо поглаживая щеку, — То, что скажу, очень важно запомнить и усвоить. Договорились?

Я его смущаюсь.

В сарае было легче. А здесь... в его кровати. Глаза в глаза. С длительными прикосновениями: внимательными, вдумчивыми и заботливыми... это сродни изощренным пыткам — только если бы пытки были приятными.

Таблетка действительно спасла. При отсутствии движений

раны не ноют. Потому единственное, что остается — стеснение и робость перед тем, кто сердцу необходим. Это заполняет нутро и топит органы.

— Договорились, — боязливо шепчу.

Флойд мягко кивает в акте похвалы и проходится кончиком языка по нижней губе, прежде чем произнести невообразимые вещи, которые я впитываю, как и велено, хоть они и поражают.

— Во-первых, ты не напрягаешь. Последнее, чего бы я хотел — чтобы ты ушла. Ты мне важна: говорил однажды. Это не поменялось. Только укрепилось и возросло. Поэтому не надо думать, что ты тут лишняя, ведь ты лишней быть не можешь, — внятно доносит, повышая мой пульс, — Во-вторых, это теперь твой дом. Ты не гостя. Но если у тебя нет желания находиться здесь или оно пропадет со временем, мы найдем те варианты, которые не будут тревожить твою душу, — я с трудом выдерживаю его взгляд, но не потому, что он тяжелый, а потому, что он чрезмерно обволакивающий, будто Флойд совсем не врет, и это почти слишком много для принятия, — В-третьих, мне хочется о тебе заботиться. В-четвертых, ты ничем мне за это не обязана. В-пятых, правила все-таки есть: запрещено молчать о своих желаниях, как и в целом молчать, когда есть, что произнести, — он оглядывает меня чуть дотошнее и подводит итог, — Милым кошечкам все ясно?

Милым кошечкам неясно ничего: вплоть до того, поче-

му их вдруг называют милыми. Я видела это животное всего однажды: полгода назад в общину забрел лохматый черный зверь с перекошенной мордочкой. Он был очень грязным и издавал громкое «мяу» на всю округу. Сралля быстро схватил сущность и вспорол ей живот посреди улицы, выкрикнув:

— Никаких кошек! Они несут вшей и болезни! Они несут звук!

Так что я давно поняла, какой видит меня Флойд: неопрятной и страшной. Однако это не обижает, ведь он выговаривает обращение нежно: я была бы не против и прозвища «плесень» с его уст. Бесценно то, что парень в целом со мной беседует.

Хотя излагает он поистине небылицы.

Флойд серьезно не прогонит меня на улицу? Я полагала, в городе существует что-то вроде «деления общества». Такие, как Альма, заслуживают своего места, а такие, как я, обречены быть пустотой, либо игрушками для утех. Говорить трудно, однако я не собираюсь пренебрегать правилами, поэтому тихо уточняю:

— Тебя... не накажут за то, что я... тут?...

Он медленно приподнимает одну бровь, в то время как уголок губ вырисовывает теплый намек на улыбку. Длинные пальцы ласково заправляют мои волосы за ухо. Он словно... налюбоваться не может — глупый вывод, конечно. Просто чуть-чуть мечтаю...

— А кто должен наказать, моя хорошая? — бормочет с нотками умиления в тоне.

Он снова смущает.

— Кто-то... главный в городе, — предполагаю неуверенным шепотом, — Переживаю за то, чтобы у тебя не возникло... проблем. Из-за того, что я здесь...

Парень не смеется с моих выводов. Ему, скорее, весело с самой сути слов. И более чем однозначно: Флойду радостно, что диалог ведется. У нас такого не происходило практически. Слово за словом, взаимно. Это необычные ощущения...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.